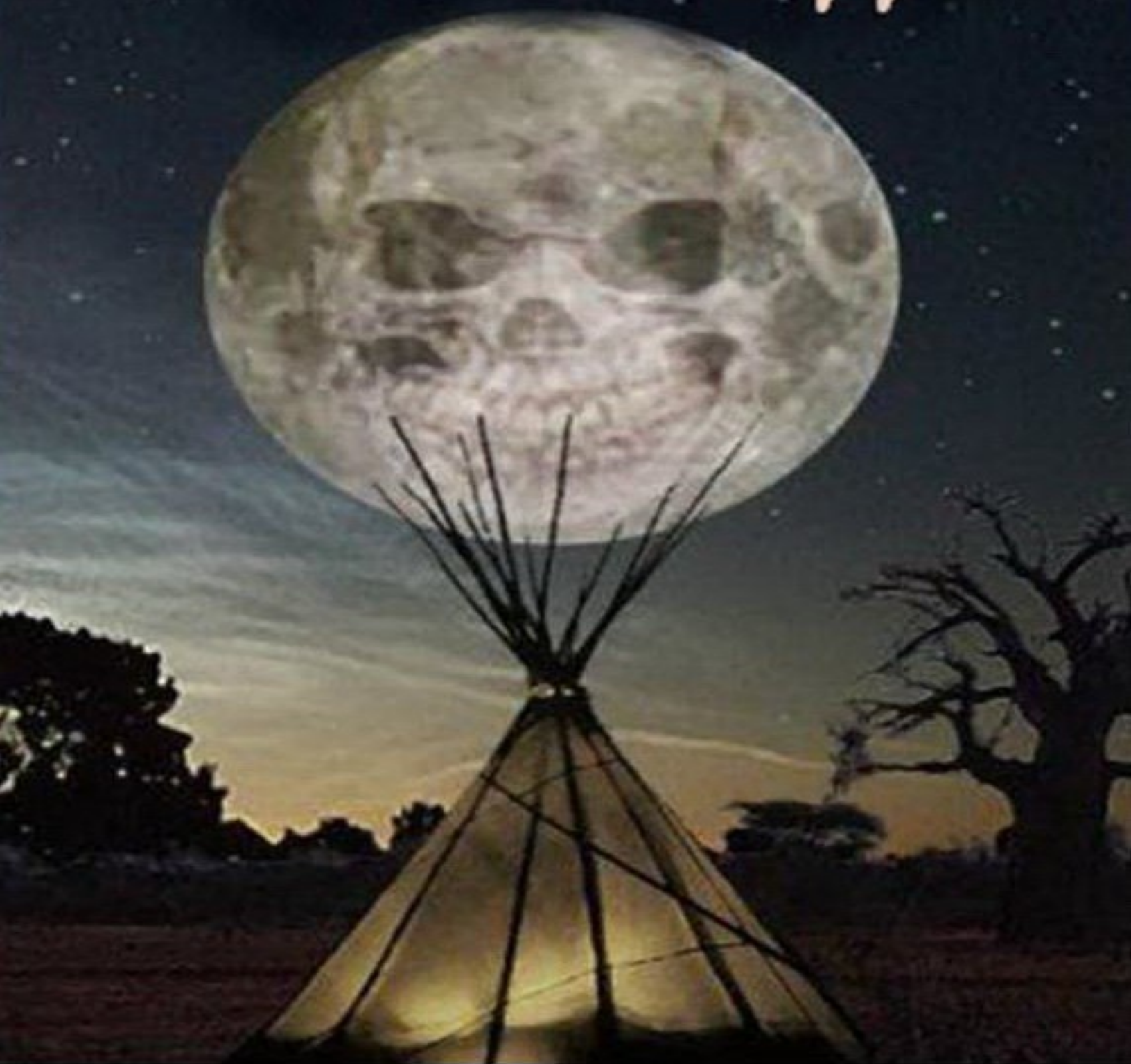

ЛУННЫЙ ЧЕРЕД

Тим Карран

От автора «Бойся меня»

Их называли Бандой Десяти. Ночные всадники в масках. Они крали скот и вершили самосуд над каждым, кто вставал на их пути. Они считали себя вне закона. Но, когда они линчевали сына шамана из племени Черноногих, он пригрозил рассказать об их ужасном секрете. И теперь за ними охотится нечто. Они погибают один за другим самыми жуткими способами, становясь жертвами древнего зла, вышедшего прямо со страниц народных преданий Черноногих. Заместитель федерального маршала Джо Лонгтри привык добиваться правды. Но в Волчьей Бухте правда способна убить. И когда солнце прячется за горами, а тени становятся длиннее, просыпается невыразимый ужас, жаждущий человеческой плоти и страданий...

1

Полная луна. Неприлично круглая и толстая.

Её мертвенно-бледный свет освещает скалистые территории северного Вайоминга.

Чёрные, необычные облака плывут по небу.

Ледяной ветер плачет и завывает, пригибая и качая мрачные сосны.

Одинокий, кривой дуб тянется в небо голыми ветвями и стонет.

А на одном из проклятых разветвлений висит тело, обмотанное за шею потрёпанной верёвкой.

Тело качается и слегка поворачивается вокруг своей оси, приводимое в движение ночными ветрами.

И глаза его открыты.

2

Индеец был старым.

Его морщинистое лицо напоминало холмистую местность вокруг. Одет он был в серую армейскую гимнастёрку и рваную шляпу с эмблемой одного из отрядов разведчиков — перекрещенные серебряные звёзды.

На ногах у старика чёрные стоптанные мокасины, а вокруг туловища, как признак крайней нищеты, обмотано испачканное одеяло.

В руке индеец нёс масляную лампу, которая шипела и плевалась, отбрасывая на скалы нелепые тени от чахлах, голых деревьев.

Он был очень стар, и даже сам не мог вспомнить насколько.

Он только знал, что в молодости боролся в горах с охотниками на бобров.

А много лет спустя, он был тем, кто входил в состав группы, принимавшей с охотниками соглашение в 1840 году.

Это было почти сорок лет назад. И уже тогда он был стар.

Его звали Быстрый Лис из племени Плоскоголовых.

Он знал это так же чётко, как и то, что многие в его племени за спиной называли его Старый Лис или Хитрый Лис.

Он ясно помнил, что сначала враждовал с белыми, а затем подружился, служа в их армии во время военной кампании против Дакоты (название группы племён американских индейцев — прим. пер.).

Быстрый Лис не сбавлял шага.

Он взобрался на холм. Холодный ноябрьский ветер бросил ему пыль в лицо. Быстрый Лис увидел вдалеке огромный дуб и направился к нему.

Он ступал осторожно. Всю жизнь, проходив по такой территории, знал цену терпению и внимательности.

Сколько раз он видел, как мужчины в спешке взбирались по скалам, но потом их сапог попадал в расщелину и намертво фиксировал ступню.

С Быстрым Лисом такого никогда не случалось, и он собирался и дальше быть осторожным. Старческие кости плохо срастаются.

На улице было около семи градусов.

Как и всегда на территории Вайоминга в это время года.

Но холод пронизывал индейца до костей, морозил кожу и заставлял старую и так вяло текущую кровь течь ещё медленнее.

Это лучше всего остального недвусмысленно намекало Быстрому Лису о старости.

Добравшись до старого дуба, он постоял некоторое время неподвижно, глядя на повешенного.

О нём рассказал Чарльз Гудуотер.

Он заметил повешенного издали, когда выслеживал оленя, и быстро вернулся в лагерь, чтобы доложить об увиденном.

Быстрый Лис отправился сюда, потому что понимал, что кроме него, никто не снимет с ветви мертвеца. Ни индеец, ни белый.

Ему казалось кощунственным оставлять человека болтаться на дереве, пока его плоть не сгниёт и не обнажит кости.

Поэтому он и пришёл.

Сжимая масляную лампу уверенной рукой, Быстрый Лис осмотрел повешенного.

На нём было пальто из тёмно-синего сукна, чёрные штаны, потёртые ковбойские сапоги и тёмная шляпа.

Под пальто мужчина носил белую рубашку, которая сейчас стала коричневой из-за засохшей и запёкшейся крови.

Быстрый Лис облизал губы и поставил лампу на камни.

В дрожащем свете появлялись огромные, нереальные тени.

Мужчина висел всего сантиметрах в тридцати от земли, поэтому Быстрому Лису не надо было карабкаться высоко. Он вытащил из-за пояса длинный, изогнутый нож и попытался перерезать верёвку.

Клинок был настолько острым, что мог с одного движения отрезать человеческий палец. А вот верёвка сразу не поддавалась.

Быстрому Лису потребовалось несколько секунд, чтобы, в конце концов, перепилить её. Сталь лезвия ярко блестела в лунном свете.

Тело с глухим звуком упало на землю.

Быстрый Лис медленно и осторожно слез вниз и присел рядом с мужчиной. Старческие

кости протестуяще захрустели.

Руки мужчины были связаны за спиной, и Быстрый Лис разрезал верёвку.

Развязанные руки мужчины ещё не окоченели, когда старик перевернул тело. Значит, он мёртв не так давно.

Быстрый Лис отбросил с лица прядь седых, тонких волос и поднёс лампу к лицу трупа.

Кожа повешенного смуглая, как у индейцев, но черты лица были европейскими. Наверно, полукровка. Либо просто белый, проводящий на солнце и открытом воздухе очень много времени.

В этом заброшенном месте ветер завывал, как духи умерших.

Быстрый Лис проверил карманы мужчины.

У него не было ни оружия, ни бумаг, подтверждающих личность. И только во внутреннем кармане Быстрый Лис нащупал что-то металлическое. Он вывернул материю.

Значок.

Быстрый Лис поднёс его к глазам.

Повешенный служил заместителем федерального маршала.

Старик знал, что плата за это будет чудовищной.

Убийство федерального маршала несло с собой только неприятности. И большие.

Быстрый Лис глянул на лицо мужчины.

И тут глаза человека открылись.

3

Следующие четверо суток дочери Быстрого Лиса ухаживали за повешенным.

Они обернули его одеялами из шкур буйволов и поили мясным отваром с оленьей кровью. А старик наблюдал и курил трубку.

На утро пятого дня повешенный полностью пришёл в сознание.

Сначала он увидел дочерей старика, а затем и его самого.

И ломающимся, безжизненным голосом попросил воды.

Старик отослал дочерей и позволил мужчине выпить столько воды, сколько тот хотел, из сосуда, сделанного из мочевого пузыря буйвола.

— Горло горит, — наконец произнёс он, глядя на старика льдисто-голубыми глазами.

— Оно не сломано, — ответил Быстрый Лис. — Милостью отцов, ты остался жив.

— Ты хорошо говоришь по-английски.

Старик принял это, как констатацию факта, а не комплимент.

— Я был разведчиком в войске.

— Это ты принёс меня сюда?

— Да.

Мужчина кивнул, поморщился от боли и огляделся.

— Ты из племени Плоскоголовых? — спросил он.

— Да. Меня зовут Быстрый Лис.

— Джозеф Смит Лонгтри, -

представился мужчина. — Где именно я нахожусь?

— Ты находишься в лагере у северной излучины реки Шошони. Отсюда не больше полутора километров до того места, где я тебя нашёл, маршал.

Лонгтри сухо закашлялся и кивнул.

— Насколько мы далеко от Бэд-Ривер?

— Три километра, — ответил старик. — Ни больше, ни меньше.

Лонгтри сел на полу, и у него тотчас закружилась голова.

— Проклятие! Я должен отправиться к Бэд-Ривер. Люди, за которыми я охотился...

Возможно, они ещё там.

— А кто они?

И Лонгтри начал рассказывать.

Их было трое: Чарльз Брикли, Карл Вайс и Бадд Ханнион.

Они напали на военный обоз в Небраске, следовавший в Форт Керни, и убили шестерых солдат.

В обозе перевозились карабины, которые, как стало позже известно, были проданы воюющему племени Баннок. Казалось бы, это касалось только армии и Бюро по делам индейцев...

Но убийство солдат было федеральным преступлением и попадало под юрисдикцию Службы маршалов США.

Лонгтри преследовал убийц от Дакоты до самой Бэд-Ривер.

И в предгорьях горного хребта Абсарока они на него напали, избili до потери пульса и подвесили на дерево.

— Но ты не умер, — напомнил маршалу Быстрый Лис.

— Благодаря тебе, — теперь Лонгтри мог сидеть, не испытывая головокружения.

Быстрый Лис внимательно смотрел на мужчину. У маршала были длинные, иссиня-чёрные волосы, которые никогда не встретятся у белых.

— Ты индеец? — спросил он.

Лонгтри слабо улыбнулся.

— Моя мать была из племени Кроу, а отец — охотником на бобров.

Быстрый Лис лишь кивнул.

— Когда ты отравляешься выслеживать тех людей?

Лонгтри потёр шею.

— Завтра, — ответил он, лёг на спину и закрыл глаза.

4

Дул сильный ветер, когда он отправился к Бэд-Ривер.

До города этому поселению было далеко.

Ухабистая дорога из засохшей грязи петляла между домов, сложенных из ошкуренных брёвен, на которых были выцарапаны непонятные знаки.

Здесь была конюшня, кузница и серое здание с облупившейся позолотой, которое, должно быть, было гостиницей.

Здесь не было тюрем, не было представителей закона.

То, зачем Лонгтри пришёл сюда, ему придётся сделать в одиночку.

Лонгтри запрягал у конюшни коня, которого ему одолжил Быстрый Лис. Ветер завывал между домами порывами, бросая пыль в лицо.

Старый серый конь явно не был счастлив отправляться в путь при таком ветре.

— Мы ненадолго, — пообещал ему Лонгтри.

Он достал короткоствольное ружьё, которое дал ему Плоскоголовый, зарядил и начал спускаться по дороге с расплывшейся и уже чуть подмороженной грязью.

Шпоры на сапогах звенели при ходьбе.

Быстрый Лис разузнал, что мужчины, которых ищет Лонгтри, часто наведываются в салун на берегу Бэд-Ривер.

Вот туда Лонгтри сейчас и направлялся.

Он завязал шейный платок таким образом, чтобы мелкий песок не попадал в рот и нос.

Ружьё Лонгтри крепко сжимал в руке. Глаза прищурены.

Его тёмная одежда превратилась в серую из-за носимого ветром песка и пыли.

Доехав до салуна, Лонгтри остановился. Это было ветхое, покосившееся здание с отваливающимися кусками отделки. Входные ворота покосились, а один из оконных проёмов был завешен солдатским одеялом.

Лонгтри медленным, расслабленным шагом вошёл внутрь, держа ружьё наготове.

Внутри было мрачно. Помещение освещали лишь редкие шипящие масляные лампы. Пол неровный, покрыт слоем грязных опилок.

Спёртый воздух был пропитан запахом табака, виски и немытого тела.

Несколько человек сидели в баре. Ещё парочка — за столами.

Сидевшая у барной стойки тучная местная красотка улыбнулась Лонгтри беззубой улыбкой.

— Чего желаете? — спросил лысый бармен. У него была только одна рука, а второй пустой рукав свисал вдоль бока.

Лонгтри не обратил на него внимания, не спуская с лица платка, чтобы мужчины за дальним столом его не узнали.

Они все были здесь.

Брикли. Худой и морщинистый. Натянул шляпу почти на глаза.

Вайс. Низкий и толстый. Улыбался своим друзьям.

Ханнион. Мускулистый гигант. Одна из щёк изуродована шрамом от ножевого пореза.

Лонгтри направился к ним.

— Чего-то хотел? — спросил Вайс, блеснув золотым зубом.

— У меня есть ордер на ваш арест, — произнёс Лонгтри. — За убийство.

Они воззрились на него широко распахнутыми, полными ненависти глазами.

Лонгтри вытащил значок маршала и спустил платок с лица.

— О, Боже, — пробормотал Вайс. -

Святые угодники... Ты же покойник...

Он свалился со стула на спину, а Брикли и Ханнион потянулись за оружием.

Лонгтри выстрелил Брикли прямо в лицо, превратив его в кровавое месиво из плоти и костей.

Ханнион вскинул пистолет и получил заряд в грудь, упал на пол, и вокруг него начала растекаться лужа крови.

Лонгтри открыл ствол, выкинул пустые гильзы и вставил два новых патрона.

Он переступил через тела и навис над Вайсом.

Вайс дрожал на полу от страха, брюки уже были мокрыми между ног, а к его лицу прилипли кусочки мозга его мёртвых товарищей.

— Где мой конь? — спросил Лонгтри. — Моё оружие?

Вайс только открывал и закрывал рот, не в силах выдавить ни слова.

Лонгтри ударил его по лицу и срезал Вайсу шпорой на сапоге кончик носа, отбрасывая мужчину на останки Ханниона.

Вайс заорал, когда его левая рука по локоть погрузилась в развороченную грудь Ханниона.

Лонгтри схватил Вайса за волосы и подтащил к своим ногам.

— Мои вещи, — невозмутимым голосом произнёс он. — Сейчас же.

Вайс поднялся на ноги и, еле ступая, вывел Лонгтри из салуна и направился с ним к конюшне под аккомпанемент воющего ветра.

Внутри конюшни горели лампы, и какой-то старик смазывал уздечку.

Он увидел кровь на теле и одежде Вайса.

Увидел значок Лонгтри. И сбежал.

Вайс показал на коня Лонгтри и висящие на боках седельные сумки, а в углу конюшни лежало оружие и свёрнутый спальник.

И затем он упал на колени, скуля и плача, размазывая по лицу слюни и слюну.

— Не убивай меня, маршал! Ох, святые угодники, не убивай меня! — надтреснутым, картавым голосом умолял он. — Прошу тебя! Они меня заставили! Заставили!

Лонгтри снова ударил его по лицу, и Вайс взвыл в агонии.

Маршал вздохнул, подошёл к своим вещам и проверил их.

Всё было в порядке. Ордера и листовки с изображением разыскиваемых преступников были на месте.

Оружейный ремень и никелированный кольт тоже остались нетронуты.

А вот в его винтовке винчестер патронов не было.

Но больше ничего не изменилось.

Лонгтри услышал, как за его спиной Вайс побежал прочь.

Лонгтри быстро развернулся и выстрелил ему вслед дуплетом.

Удар отбросил Вайса через ворота. Середина туловища, куда попал заряд, превратилась в сплошное месиво.

На землю упал уже труп, чью верхнюю и нижнюю части соединяли лишь тонкие ленты кожи.

Покончив с делом, Лонгтри сел и закурил.

5

Позже, после того, как Лонгтри отвёз трупы к гробовщику и заплатил за их захоронение лошадьми и оружием самих бандитов, он отправился обратно.

Потом вернулся в лагерь Плоскоголовых, возвратил Быстрому Лису коня и ружьё и поблагодарил за помощь.

А потом ушёл.

Ему не нравилась Бэд-Ривер.

От неё шёл запах разложения и смерти.

Как и, по правде сказать, от большинства пограничных городков.

Мысли об этом вогнали Лонгтри в мрачную депрессию.

Поэтому он ехал вперёд.

Он направлялся на восток к форту Филипа Керни, где его должны были ждать указания от Службы маршалов США.

И той ночью в воздухе пахло пролитой кровью.

6

Стрелочник на железной дороге был огромным детиной.

В нём было почти сто сорок килограммов, и большей частью их составлял не жир, а закалённые долгой тяжёлой работой мышцы.

Ему было пятьдесят лет, и звали его Эйб Раньон.

В составе группы он патрулировал железнодорожные пути на территории Колорадо.

Он был предводителем всех ирландских банд от Канзаса до Денвера вдоль Канзасской Тихоокеанской железной дороги.

Кого-то ловил.

Кого-то отпускал.

Но больше всего ему нравилось работать на железной дороге.

А сегодня — особенно.

На юго-западе Монтаны разыгралась сильная буря.

Неба не было видно за хлопьями снега, а на землю уже напал двенадцатисантиметровый слой, носимый ветрами, спустившимися с гор Тобакко Рут.

Раньон сидел в хижине стрелочника и раскладывал пасьянс при свете фонаря.

Снаружи завывал ветер, заставляя стены маленькой лачуги дрожать.

Раньон тихо ругался сквозь зубы, зная, что эту ночь ему придётся провести здесь.

Понимая, что только круглый дурак выйдет наружу в такую погоду.

Значит, сегодня ночью он останется без виски.

Только он, карты и крохотная печка, которая не даст ему замёрзнуть.

— Проклятье! — пробормотал он.

Мужчина откусил кончик сигары и закурил от спички, сплёвывая крошки табака.

В углу начали завиваться снежинки. Метель была настолько сильной, что снег прорывался в любую щель.

Раньон запихнул в щель тряпку. На какое-то время её хватит.

Сетуя на свою судьбу, он вытер руки о засаленный комбинезон и вернулся к карточной игре.

И тут он услышал какой-то звук.

Даже сквозь вой ветра и скрип старой хижины Раньон слышал, как кто-то копается возле поленницы с обратной стороны лачуги.

Раньон знал, кто это.

Он поднялся, вытащил свой самовзводный кольт 38-го калибра и открыл дверь.

В лицо ему ударил порыв ветра со снегом.

И, несмотря на вес и силу, мужчине пришлось отступить на пару шагов.

Сжав зубы и прищулив глаза, он заставил себя пойти вперёд, пробираясь по сугробам, которые иногда уже доставали ему до середины бедра.

Он подошёл со спины к вору и поймал их врасплох.

— Эй, чёрт бы вас побрал, — крикнул Раньон, пытаясь заглушить вой снежной бури, —

бросайте брёвна!

Ворами оказались трое костлявых индейцев, одетых в накидки из шкур бизона, а на ногах у них были гамаши из оленьих шкур.

Они уронили дрова и уставились на Раньона огромными, тёмными глазами. Тощие, голодные, замёрзшие. И доведённые до отчаяния.

— Пожалуйста, — произнёс один из них на английском. — Холодно.

Его английский был неплох для краснокожего, и Раньона аж всего затрясло.

Он всегда с пренебрежением относился к дикарям из племён Кроу и Черноногих, а особенно к тем из них, кто считал себя достаточно цивилизованными, чтобы разговаривать на языке белых.

Раньон, как любой уважающий себя нетерпимый белый, ненавидел индейцев.

Раньон родился и вырос на волне антииндейских настроений, и в нём воспитали ненависть ко всем, чей цвет кожи отличается от белого.

Лично ему индейцы не сделали ничего плохого, но Раньон знал, что во время набега племя шайеннов убило его бабушку и дедушку на индейской территории, а его отец смотрел с укрытия, как эти ублюдки снимали с них скальп.

— Вам холодно, да? — спросил Раньон.

Тот, кто умел говорить на английском, кивнул. Двое других просто смотрели.

Раньон знал, о чём они думают. Видел ненависть в их глазах. И чувствовал, что эти подлые и лживые отпрыски дьявола с огромным удовольствием перерезали бы ему глотку, а не вели разговоры.

— Мы попали в бурю, — произнёс индеец. — Нам нужны дрова для костра. Утром мы всё вернём.

— О, да, не сомневаюсь. Даже не сомневаюсь.

— Пожалуйста.

Голос был искренним, и будь это даже бродяга или самый мерзкий убийца, эта искренность тронула бы Раньона.

Но это были дикари.

И Раньон знал, что стоит показать им хоть каплю жалости и сочувствия, как они через минуту рассмеются тебе в лицо.

А потом вернутся и убьют тебя, как только выпадет такой шанс.

Краснокожие дьяволы-язычники не уважают сострадание; они принимают его за слабость.

— Если тебе холодно, краснокожий, — произнёс Раньон, целясь индейцу в лицо из 38-го калибра, — я могу тебя согреть. Беги!

— Пожалуйста, — повторил индеец. Он не лукавил. Ему сложно было переступить через свою гордость и умолять о нескольких щепках дерева, но он это сделал.

— Убирайтесь отсюда! — завопил Раньон. — Убирайтесь отсюда к чёртовой матери, пока я вас здесь не перестрелял!

Трое индейцев медленно начали отступать спиной вперёд, не сводя глаз с белого человека.

Слишком часто членов их клана убивали, стоило им только повернуться к белым спиной.

— Мы умрём, — произнёс один из мужчин. — Но и ты не выживешь.

И они двинулись прочь.

Но слишком медленно.

Отплёвываясь от летящего в лицо снега, Раньон прицелился в индейца, считавшего себя равным белому человеку.

Он мысленно нарисовал на спине краснокожего мишень и нажал на спусковой крючок.

Звук выстрела был едва слышен на фоне воя сильного ветра.

Видимость была плохой, но Раньон заметил, как один из индейцев упал. А потом его скрыла стена снега.

— Проклятые дикари, — сплюнул Раньон и направился обратно в хижину.

Сидя у печки и грея окоченевшие руки, Раньон ухмылялся, зная, что спас мир от ещё нескольких вороватых краснокожих.

Эти ублюдки замёрзнут.

Раньон улыбался.

7

Было уже очень поздно, когда началось царапанье.

Раньон дремал на стуле, по-прежнему сжимая в руке кольт, а на столе лежал неразложенный до конца пасьянс.

Ему снилось, что он в Волчьей Бухте выпивает под вкусную закуску в тепле и уюте.

Но тут Раньон открыл глаза.

Он не в Волчьей Бухте.

Он в чёртовой лачуге ждёт наступления утра.

Которое, похоже, никогда не наступит.

Протерев заспанные глаза, Раньон опустил кольт и прислушался.

Он что-то слышал. Какой-то непонятный звук.

В этом он не сомневался.

Раньон был не из тех, кто просыпается среди ночи без причины.

Мужчина склонил на бок голову и сосредоточенно слушал.

Снег до сих пор засыпал хижину, а ветер завывал и заставлял стены хижины дрожать.

Но было кое-что ещё.

Низкое, почти жалобное стенание на фоне порывов ветра.

И царапанье. Словно кто-то проводил когтями по деревянным стенам лачуги.

Раньон сглотнул. Вдоль позвоночника потекли струйки пота.

Индейцы. Точно, индейцы. Кто же ещё?

Они каким-то образом выжили в минусовую температуру и теперь вернулись.

Возможно, целой группой.

С ружьями, ножами и в дурном настроении.

Как сказал тот краснокожий?

«Мы умрём. Но и ты не выживешь».

Раньон поёжился.

Не стоило стрелять в того индейца... Надо было пристрелить всех троих!

Следовало выследить этих ублюдков в бурю и убить. Застрелить всю троицу и уберечь себя от возможных неприятностей.

И они бы не заявили сюда, как сейчас.

Раньон снова закурил.

Надо было взять с собой больше патронов для кольта, но он не ожидал подобных проблем.

Хотя стоило бы предположить: эти дикари всегда выискивали одинокого белого, которого можно было ограбить и убить.

И сейчас они ступали тихо-тихо, окружая хижину.

Он слышал, как они скребут по стенам.

Но то, что он услышал следом, было необъяснимо. Рычание. Низкое, гортанное, звериное рычание.

Человек не может издавать такие звуки.

Может, они взяли с собой собак?

Раньон слышал, как оно принюхивается, тычась носом в ошкуренные доски, низко рычит и фыркает, как бык.

Раньон прицелился из 38-го калибра в дверь.

Первый, кто войдёт в хижину, попрощается с жизнью.

Дверь начала ходить ходуном и трястись, будто кто-то тянул её на себя.

Доски дрожали и стонали от действующей на них силы.

Гвозди выдирались прямо с мясом.

Вся хижина начала ходить ходуном, шатаясь взад и вперёд, пока что-то рвало и царапало её снаружи. Строение не было рассчитано на подобное давление.

Крыша стала рушиться, и вокруг Раньона посыпались доски, припорошиваемые тотчас снегом.

Потух фонарь, поглощённый метелью.

Раньон вскрикнул и начал выбивать ногой доски, составляющие заднюю стену его хижины.

И в тот момент, когда он вырвал несколько досок и наполовину пролез в открытую дыру, дверь разлетелась в щепки.

Раньон пробирался через сугробы, слыша за спиной дикий вопль, который не мог быть человеческим.

Раньон бежал сквозь пургу, падая, поднимаясь и стараясь убраться оттуда поскорей.

А за ним не утихал злобный, отвратительный вой и что-то ещё, похожее на скрежет зубов.

Он развернулся и дважды выстрелил в расплывчатую тёмную фигуру.

Огромную фигуру.

Теперь Раньон даже слышал запах этого чудовища: запах разложения, гниющего мяса и свежей крови.

Раньон завизжал. Высокий, полный безумия крик разорвал ночную тишину.

И что-то ответило на этот крик лаем и воем.

Раньон повалился на снег. Морозный воздух разрывал лёгкие, окоченевшие пальцы стискивали рукоять кольта. И Раньон увидел, как массивная тёмная фигура прыгает на него сверху.

Слишком большая, чтобы быть человеческой. Гигантская.

Раньон выпустил ещё четыре пули, и револьвер выбили у него из руки.

Только вот...

От его запястья поднимался пар...

Онемевшая от холода рука ничего не почувствовала. Но за пару мгновений до следующего нападения Раньон рассмотрел свою руку.

Существо срезало его кисть от предплечья вместе с револьвером.

И пока его разум пытался справиться с этой безумной мыслью, чёрный расплывчатый силуэт атаковал вновь.

Раньон увидел злобные красные глаза размером с бейсбольный мяч.

Ощутил горячее, зловонное дыхание, напоминающее гниющее под солнцем павшее животное.

А затем его живот рассекли от паха до подбородка одним ударом. Раньон почувствовал боль, и понял, что умирает.

Раньон был первым.

Но не последним.

8

К рассвету метель стихла.

Воздух был по-прежнему свежим и холодным, а с чистого, морозного неба на землю опускались лишь редкие снежинки.

На территории железнодорожной компании «Юнион Пасифик» в Волчьей Бухте всё шло, как обычно.

А около девяти часов сигнальщик заметил развороченную хижину рабочего.

Обойдя вокруг, заметил одиноко торчащую из сугроба, покрытую засохшей кровью руку.

* * *

В течение часа прибыли представители закона.

— Что думаешь об этом, док? -

спросил шериф Лаутерс, в нетерпении потирая руки и желая поскорее со всем покончить.

Доктор Пэрри покачал головой.

Его волосы были абсолютно белыми, как хлопья снега, а длинные серые усы лишь слегка тронула седина.

Доктор был высоким, тощим мужчиной с больной спиной.

Это сразу бросалось в глаза, когда он присел на корточки рядом с изуродованным телом Эйба Раньона.

А на лице, казалось, навсегда застыла маска недовольства.

— Не знаю, Билл. Понятия не имею.

— Это явно какое-то животное, — сообщил шериф. — Человек на такое не способен. Скорей всего, огромный гризли.

Пэрри поморщился и снова качнул головой.

— Нет. Это не гризли. Эти следы от зубов не принадлежат ни одному виду медведей из тех, которые здесь обитают.

Доктор сказал это с абсолютной уверенностью.

— Я штопал многих и многих хоронил после стычек в горах с голодным и разъярённым

гризли. Ни один медведь на такое не способен.

Бледное, обрюзгшее лицо Лаутерса скривилось от злости.

— Тогда что это, во имя всего святого?

От всего произошедшего пахло неприятностями, а шериф неприятности не любил.

— Чёрт возьми, док, мне нужны ответы! Если что-то рыскает по округе и убивает людей, я должен об этом знать. Я должен знать, на кого мне охотиться.

— Ну, это не медведь, — сухо ответил Пэрри, глядя на останки человека.

У тела Эйба Раньона отсутствовали левая нога, правая кисть и вся левая рука.

И они не были отрезаны или обрублены, будто пилой или топором. Они были оторваны. Лицо было обгрызено, а глотка разорвана.

И повсюду на снегу застыла кровь.

Посреди туловища зияла дыра, и никто не нашёл рядом с телом внутренних органов.

Не было никаких сомнений, что Эйба Раньона убили ради еды.

Пэрри с помощью Лаутерса перевернул замёрзшее, окоченевшее тело.

Фланелевая рубашка, которую Раньон носил под комбинезоном, была разодрана в клочья.

Пэрри отбросил в сторону несколько полосок ткани, обнажая спину Раньона.

От левой лопатки до ягодиц тянулись следы острых когтей.

— Видишь это? — спросил Пэрри.

Он достал из сумки карандаш и изучил раны.

Четыре длинные царапины от когтей, каждая врезалась в плоть на четыре-пять сантиметров.

На задней поверхности шеи виднелись колотые раны, в которых Пэрри опознал следы от зубов.

Диаметр ран превышал диаметр карандаша, а по глубине они были около десяти сантиметров.

— Ни у одного медведя нет подобной пасти, — сказал шерифу Пэрри. — Я никогда не сталкивался с подобным расположением и размерами зубов.

— Чёрт, док, — сплюнул Лаутерс. — Мне нужно с чего-то начинать. Пёс? Волк? Пума? Хоть какую-то зацепку.

Пэрри пожал плечами.

— Это не волк. Не пёс. Никто из кошачьих. Ты хоть понимаешь, насколько крупным должен быть этот... хищник? Господи!

Пэрри покачал головой. Ему явно не нравились собственные мысли.

— Чёрт, да ты же знал Эйба! Он не боялся ни людей, ни зверей. Если бы это были волки, они бы обглодали его начисто. К тому же, он выпустил пять пуль из своего 38-го. И где же мёртвые тела?

— Возможно, он промахнулся, — предположил Лаутерс.

— Он был метким стрелком, и ты это знаешь.

Пэрри неуклюже поднялся, оперевшись на руку Лаутерса.

— Вот что я тебе скажу, Билл. Это точно сделал не медведь. Следы от зубов просто невероятны. Они с лёгкостью погрузились в тело на десять-двенадцать сантиметров.

Пэрри выглядел встревоженным.

— Я не знаю, кто в этой местности способен на подобное. И очень надеюсь, ради всего святого, что никогда не встречу с этим лицом к лицу.

— Хочешь сказать, это какой-то новый вид?

Пэрри только пожал плечами, отказываясь делать предположения.

Лаутерс сплюнул окрашенную табаком слюну на снег и посмотрел в сторону гор.

Его не отпускало неприятное чувство, что в Волчьей Бухте скоро всё пойдёт к чертям.

9

Когда Джозеф Лонгтри въехал в четырёхугольный внутренний двор Форта Фила Керни, первым, что он увидел, были трупы.

Восемь тел лежало на утрамбованном снегу, прикрытые брезентом, который трепыхался и шелестел на ветру.

Все восемь были из конницы. Кто-то пал от болезни, а кто-то — от пули.

И то, и другое часто встречалось на территории Вайоминга.

Он остановил лошадь перед телами, спешил и повёл её за солдатом в форме.

Лонгтри уже прежде был в этом форте.

Но, как и во всех фортах, стоящих на границе территорий, командный состав этого форта постоянно менялся.

И особенно актуально это было в 1876 году в разгар войны Сиу (серия вооружённых конфликтов между США и племенами Сиу во второй половине XIX века — прим. пер.).

Солдаты гибли налево и направо.

И даже сейчас, два года спустя, ничего не изменилось.

Оставив коня в конюшне, Лонгтри направился к самому крупному из блокаузов, зная, что там располагается командование форта.

Внутри было тепло.

В огромном каменном очаге пылали поленья.

В помещении стояли несколько столов, за которыми расположились уставшие офицеры. Их форма стала вылинявшей и сменила цвет с ярко-синего на грязно-фиолетовый.

Офицеры подняли на Лонгтри красные усталые глаза.

— Чем я могу вам помочь, сэр? -

спросил слегка сутулящийся лейтенант.

У него подёргивался уголок рта, а янтарного цвета глаза постоянно щурились.

Привычка, сформировавшаяся за долгие годы преследования индейцев Сиу во время войны под палящим солнцем летом и на морозном ветру зимой.

Лонгтри облизал потрескавшиеся губы, отвернул край пальто и показал значок.

— Джо Лонгтри, — глухо произнёс он. — Заместитель федерального маршала. Полагаю, у вас есть для меня кое-какие приказы из вашингтонского офиса маршалов.

— Минутку, сэр, — ответил лейтенант и направился в кабинет начальника.

Вернулся он оттуда с невысоким, дородным капитаном.

— Мы ждали вас, маршал, — произнёс капитан и протянул Лонгтри руку. — Капитан Уикхэм.

Лонгтри пожал протянутую ладонь.

— Какие будут приказания?

— У нас их нет, — извинился капитан.

У него были полные румяные щёки и редёющие на голове волосы, но вот седеющие

бакенбарды скорее напоминали полосы шкуры животного.

— Но вас хотел бы видеть один человек. Маршал Том Риверс. Из Вашингтона.

Лонгтри удивлённо посмотрел на капитана.

Риверс был Директором Штаба американских маршалов и отвечал за всех маршалов, находящихся на территории Вайоминга.

Лонгтри не встречался с Риверсом со дня своего назначения на службу.

— Том Риверс? — уточнил Лонгтри. Его лицо оживилось.

— Да, сэр. Он приехал, чтобы встретиться с вами перед поездкой в Ларами. Только боюсь, сейчас он уехал с полковником Смитом.

Уикхэм нахмурился.

— Один из наших патрулей прошлой ночью угодил в засаду индейцев Сиу. Мы потеряли восьмерых. Восемь чёртовых людей.

Лонгтри кивнул.

— Я видел тела.

— Жуткая, жуткая трагедия, — признал Уикхэм.

— Уверены, что это были Сиу?

Уикхэм выглядел оскорблённым.

— Уверен ли я? Естественно, уверен! Я воюю с этими ублюдками уже лет десять!

Уикхэм быстро взял себя в руки.

— У нас до сих пор проблемы с отдельными бандами. Многие ещё не в курсе, что Неистовый Конь капитулировал. И пока этого не произошло... Ну, вы и сами видите, маршал.

— Когда ожидаете ответного удара?

— До наступления ночи, сэр. Слышал, вы отправились вслед за разбойниками, ограбившими повозку в Небраске, и убили воров. Как всё прошло, сэр?

Лонгтри дёрнул плечом.

— Не так хорошо, как я надеялся, — почесал он подбородок. — Пришлось похоронить всех троих. А я бы предпочёл оставить их в живых.

— Они этого заслужили, сэр.

Уикхэм похлопал Лонгтри по плечу.

— Похоже, у вас есть время до того, как вернутся полковник с отрядом. Вы долго были в пути, сэр. Могу я предложить вам воспользоваться нашим гостеприимством?

— С удовольствием, — ответил Лонгтри, последние пару дней ему пришлось нелегко.

— Лейтенант! — резко окликнул Уикхэм подчинённого. — Организуйте для маршала кровать. И полагаю, ему нужна ванна и горячий ужин.

Сгорбленный лейтенант скрылся за дверью.

— Если вы не против, сэр, я бы ещё предложил вам выпить.

— Ведите, капитан, — хмыкнул Лонгтри.

10

Внутри помещения было темно и мрачно, пахло сосновой смолой и выпивкой.

В центре стояли столы, а вокруг них были расставлены деревянные скамьи.

Лонгтри с Уикхэмом взяли по кружке горячего рома и сели за стол.

В помещении, кроме них, никого не было.

Лонгтри уже давно не бывал к Форте Керни, но с тех пор мало, что изменилось.

В 1868 году форт был заброшен из-за угрозы нападения индейцев.

Как и Форт Чарльза Фергюсона Смита и Форт Рено вдоль старого Бозманского тракта.

Только Форт Керни потом заново открылся в 1875 году.

— Ну что, расскажите о своих подвигах у Бэд-Ривер, — попросил Уикхэм напрямую своим грубым голосом.

Он мог обсуждать розовое нижнее женское бельё с оборками, но благодаря его тембру голоса, это всё равно бы звучало очень по-мужски.

Лонгтри сделал глоток рома.

— Да нечего особо рассказывать.

— Они устроили драку, ведь так?

Лонгтри рассмеялся, хотя и было ему не смешно.

— Можно и так сказать, — понизив голос, он описал произошедшие события. — Если бы не тот Плоскоголовый... Ну, вы и сами понимаете.

Уикхэм нахмурился.

— Странный поворот событий, я бы сказал. Очень немногие выживают после повешения. Я знал лишь одного такого человека, да и тот прожил остаток жизни с кривой шеей.

— Конечно, горло сейчас побаливает, — признался Лонгтри, встретившись с капитаном взглядом, — но ничего не сломано. Неделька-другая — и я буду в порядке.

— Тем более странно.

Лонгтри посетило отчётливое ощущение, что Уикхэм ему не верит.

Он расстегнул верхние пуговицы рубашки и показал капитану повязку на ране от верёвки на шее.

И аккуратно её размотал.

Под повязкой была синюшная, потёртая и грубая рана от странгуляционной борозды.

Уикхэм выпучил глаза.

— Господи... И как же вы выжили? Как?!

Лонгтри снова замотал повязку.

— Не знаю. Удача? Судьба? Милость Божья? — он пожал плечами. — Это вы мне скажите.

Уикхэм промолчал, не зная, что сказать, и осушил кружку.

— Что ж... С возвращением, маршал. Уверен, что мы ещё увидимся перед вашим отъездом. Хорошего вам дня, сэр.

Лонгтри смотрел ему вслед.

Он не сомневался, что капитан прямиком отправиться обсуждать с сослуживцами «историю повешенного мужчины».

Лонгтри понимал, что разматывание повязки на шее было слишком драматичным жестом, но он терпеть не мог видеть недоверие в глазах собеседника.

А после всего, что пережил, ему, пожалуй, можно было простить некоторую театральность.

Он заказал ещё кружку рома и стал ждать.

Ждать и думать о Томе Риверсе.

Комнатка была неплоха.

Там стояла кровать с парой одеял, а в углу горела жаровня с углями.

И в неё уже кто-то бросил несколько поленьев.

Ванна была наполнена водой, от которой поднимался пар.

А рядышком лежал кусок мыла и пара полотенец.

— Почти как дома, — пробормотал Лонгтри, сбрасывая сапоги и одежду.

После третьей кружки горячего рома к нему подошёл лейтенант и пригласил в офицерскую трапезную.

Лонгтри до отвала наелся стейком из мяса буйвола, обжаренным нарезанным картофелем, майсовыми лепёшками и запил всё доброй пинтой эля.

Он уже давным-давно так хорошо не ел.

Пока маршал смывал с себя недельный слой грязи и пота, он размышлял о Томе Риверсе.

Зачем главе Службы маршалов США проделывать долгий путь из Вашингтона до Вайоминга лишь для того, чтобы отдать Лонгтри его новое назначение?

Не сходится.

Возможно, Риверс просто проверял подчинённых ему маршалов — хотя Лонгтри о таком ни разу не слышал — и решил заодно лично передать Джо бумаги?

Возможно.

Но Уикхэм сообщил, что Риверс хотел увидеться с Лонгтри до своей отправки в Ларами.

Что же такого важного Риверс хочет сообщить Лонгтри лично, что готов ждать сколько угодно?

Ведь никто не знал, когда приедет Лонгтри. Если на то пошло, он мог появиться в форте и сегодня, и на следующей неделе, и в следующем месяце.

Лонгтри лежал в горячей, успокаивающей воде и размышлял.

Мысли быстро сменяли друг друга.

Существовала ещё одна возможность: Риверс ждал личной встречи с Лонгтри для того, чтобы сообщить ему, что Джо уволен с должности федерального маршала.

Такое уже случалось с другими.

Хотя... Не похоже.

Лонгтри работал в Службе маршалов с 1870 года. За всё это время из десятков и сотен преступников, за которыми он гонялся, скрыться смогли лишь пару человек.

Такие результаты говорили сами за себя.

Значит, какой бы ни была причина увольнения, дело не в том, что он не справляется с обязанностями.

Что тогда? Выпивка?

Тоже не похоже.

В последнее время он не позволял себе многого. Да и то, что позволял, было лишь в промежутках между заданиями.

А таких промежутков становилось всё меньше — задания сменяли друг друга, не оставляя времени на отдых.

Это прежде Лонгтри всегда становилось скучно, пока он ждал нового приказа. А чтобы

развезать скуку, Джозеф переходил из одного запоя или пирушки в другой.

Нет, приезд Риверса не связан с выпивкой.

Но вот какова тогда истинная причина? Этого Лонгтри никак не мог понять.

Такие мысли его полностью отвлекли от действительности. Он только сейчас понял, что вода уже давно остыла, и кто-то яростно колотит в дверь комнаты.

— Иду, иду, — пробормотал маршал.

И потащился к двери.

12

— Дайте угадаю, — произнёс Лонгтри. — Я уволен.

— Конечно, нет, Джо, — Том Риверс упал в кресло у пылающего огня и протянул к пламени руки. — Вообще-то, сейчас мы нуждаемся в тебе как никогда.

Лонгтри, одетый лишь в красный форменный костюм, полулежал на кровати. Он отбросил назад волосы длиной до плеч и связал их кожаным ремешком в хвост.

— Расскажите о своей вылазке с полковником Смитом, — сменил Лонгтри тему.

Риверс усмехнулся и разгладил усы.

Он был худым, но тренированным и жилистым мужчиной. Лоб его пересекали глубокие морщины.

Глаза насыщенно-зелёные, как глубины лесного озера.

Внешность Риверса всегда располагала собеседника к себе, и почти все сразу начинали питать к Главе маршалов тёплые чувства.

Ходили слухи, что много лет назад, когда Риверс ещё был маршалом на индейских территориях, он настолько очаровал и белых, и краснокожих, что те беспрекословно согласились сложить оружие.

Он был прирождённым дипломатом.

Казалось, люди и сами хотели делать ему только добро.

— Мы ничего не понимаем, — признался Риверс. — Вообще ни черта. Единственные краснокожие, которых мы нашли, были жалкими, избитыми и полуголодными.

Он покачал головой.

— Ты же знаешь: мне никогда не нравились индейцы Сиу. Вот Шошоны, Пауни или Плоскоголовые — другое дело. Но смотреть, во что они сейчас превращаются... Печально видеть, как такой гордый народ вынужден выпрашивать корочку хлеба.

Лонгтри скрутил сигарету.

— Численность буйволов быстро сокращается, а вместе с ними — и численность индейцев Равнин. Думаю, мы скоро станем свидетелями гибели целых народов.

— И от этого мне больно, — признался Риверс.

Лонгтри закурил.

— Мне никогда не нравились индейцы Дакота (одна из групп племени Сиу — прим. пер.).

Тут не требовалось ничего объяснять. Лонгтри служил разведчиком в армии и ещё в шестидесятых годах воевал против Сиу, Шайеннов и Команчи.

Он стал ненавидеть всех Сиу не только за их военную кампанию против белых, но и за нечеловеческую жестокость и поголовное истребление других племён.

— Хотя вы правы: это печальное зрелище. Когда буйволы исчезнут... Индейцы долго не выживут.

— Боюсь, в этом и состоит план, Джо.

Лонгтри кивнул.

Он знал, что в 1874 году группа законодателей в Техасе издала законопроект, ограничивающий убой буйволов.

Были введены строгие ограничения, сколько голов могут ежедневно убить охотники и на каких территориях. Изначально идея была неплоха.

Но армия плевать на это хотела.

«Чем быстрее падёт численность буйволов, — говорили они, — тем скорее сломаются хребты индейцев Равнин».

Это было логично. В разгар войны с индейцами никто не возражал против подобного образа мыслей.

Если раньше армия была абсолютно неспособна справиться с кочующими племенами равнинных индейцев, вроде Черноногих, Сиу и Шайеннов...

То теперь, когда стада буйволов будут истреблены, краснокожие просто не смогут питаться, одеваться и вообще строить дома.

А такая армия не сможет существовать.

Звучало здраво, хоть и жестоко.

Но это сработало.

— Но пару племён ещё осталось, — заметил Риверс. — Полагаю, потребуется ещё несколько лет, чтобы полностью от них избавиться.

Лонгтри кивнул.

— А теперь расскажите, зачем вы приехали.

— Я просто навещал своих маршалов. Я уже давно планировал такое устроить, только всё руки не доходили. — Риверс вытащил трубку и набил её табаком. — А для тебя, Джо, у меня особое назначение.

— Какое?

— Я хочу, чтобы ты отправился в Волчью Бухту в Монтане и разобрался с местными убийствами.

Лонгтри выдохнул струю дыма.

— Волчья Бухта. Я знаю это место. Рядом с Невадой. Но это территория Джона Беннемана, -

напомнил он.

Беннеман был федеральным маршалом, работающим на юго-западе Монтаны.

— Беннеман пока не работает, Джо. Его серьёзно подстрелили, когда он пытался поймать двоих разбойников. Он выбыл из строя на несколько месяцев.

Риверс явно был этим недоволен.

— К тому же, это особый случай. Нам в Волчьей Бухте нужен не просто законник. Нам нужен человек, умеющий расследовать дела.

— Продолжайте.

— В Волчьей Бухте и её окрестностях произошло пять убийств, — объяснил Риверс. — Жестоких. Бесчеловечных. Похоже на какого-то зверя. Тела частично сожраны. Но... В общем, сам увидишь.

— Так наймите охотника, Том. Это лучший выход, если во всём виноват безумный

гризли. Я уже слишком долго охочусь на людей, чтобы начинать охотиться на животных.

Риверс тяжело вздохнул.

— Я слышал, что это вполне могло быть делом рук человека. Ничего конкретного не могу сказать, просто слухи.

Лонгтри вскинул брови.

— О чём вы?

— Я и сам понятия не имею, что происходит, Джо. Если честно, всё это очень странно. Я хочу, чтобы ты туда отправился и глянул, в чём дело. Вот и всё. Покопайся и посмотри, что ты найдёшь.

— Довольно расплывчатые указания.

Риверс встретился с Лонгтри взглядом.

— Ты делал и большее, обладая меньшей информацией.

— Возможно. Но тут её совсем нет.

Риверс кивнул.

— Знаю. Просто отправься туда на недельку-другую и поразнюхай. Если решишь, что во всём виноват зверь — отлично. Мы назначим за него награду и кликнем охотников. Но если это человек... Тогда ты знаешь, что делать.

Лонгтри был пока не убеждён до конца.

— И почему этим должно заниматься правительство, Том? Похоже на обычную местную заварушку. Вообще не наша юрисдикция.

Риверс продолжал смотреть на него пронзительно-зелёными глазами.

— Чёрт, Джо, ты ведь и сам знаешь: я могу любой городок сделать областью нашей компетенции, если того пожелаю.

— Конечно, Том. Знаю. Но удивите меня.

— Ладно. Джо, у нас там премерзкая ситуация. Во-первых, Волчья Бухта расположена у подножья гор Тобакко Рут, и не мне тебе рассказывать, что это значит. Серебро. Много серебра. Многим людям в Вашингтоне — в том числе и тем, на кого я работаю — сложившаяся ситуация очень не нравится, и их нельзя за то винить: у них свои интересы на раскопках. Во-вторых, рядом с Волчьей Бухтой в горах находится резервация племени Черноногих. И они уже подняли шум, как несправедливо с ними обходится закон.

Риверс на пару мгновений задумался.

— Мы боимся, что эти убийства повесят на Черноногих, и местные возьмут дело в свои руки. А ты знаешь Черноногих. Ты должен прекрасно понимать, что если их тронут, они ответят. Они не потерпят белых, вторгшихся на их территории.

— Да, они — народ гордый, — кивнул Лонгтри. — И их не волнуют убийства белых, а вы, видите Бог, не можете их в этом винить.

— И вот тут на сцене появляешься ты, Джо. Ты ведь наполовину Кроу.

— Кроу, Том. Но не Черноногий.

— Да, как не шука, но это всё, что у нас есть, друг мой. Отправляйся туда и разузнай всё. Может, тебе удастся подружиться не только с горожанами, но и с Черноногими. Может, они тебя примут. Нам нужен человек, который сможет там находиться и наблюдать за обоими народами, пока всё не стало ещё хуже, чем есть.

Лонгтри кивнул.

— Хорошо, я отправлюсь туда. Кто в Волчьей Бухте представитель закона?

Том Риверс вздохнул и закусил нижнюю губу.

— Шериф по фамилии Лаутерс. Сложный случай. Я ни разу не слышал о нём ничего хорошего, Джо. С ним у тебя могут возникнуть проблемы.

— О, конечно, возникнут! Вы же всегда пытаетесь всунуть меня в подобные ситуации. Риверс захохотал.

— Вот поэтому ты мне и нужен.

* * *

Когда Риверс ушёл, Лонгтри сел и задумался.

Обычно, ему давали имя человека, которого надо выследить. Нечто реальное.

Но не в этот раз.

Да, дельце будет непростое.

13

Ранним утром следующего дня Лонгтри отправился в Волчью Бухту.

Он не торопил лошадей.

После того, как Джо узнал некоторые подробности дела, у него только прибавилось скепсиса по поводу того, что убийства совершены человеком.

Но если они совершены зверем... Тогда Лонгтри никогда прежде о подобном не слышал.

Лишь немногие животные отважатся проникнуть в город.

И уж точно никто из них не станет раз за разом убивать по одной схеме.

Похоже, это будет интересное и странное расследование.

14

Нейтан Сегарис сидел в подлеске и ждал.

Он наблюдал за западным берегом, разделявшим пастбища Карла Хью и резервации индейского племени Черноногих.

У Хью было порядка четырёх сотен голов, и если всё пойдёт хорошо, то ещё до наступления утра он не досчитается пятидесяти из них.

Сегарис ухмыльнулся.

Это было не самое приятное зрелище: за губами скрывались голые беззубые дёсны.

У западного берега в изгороди было несколько сломанных пролётов, и Хью и его люди ещё не добрались до них с ремонтом.

И если чуть-чуть постараться, то эти проёмы можно прекрасно расширить.

Сегарис взобрался на своего гнедого коня и направился обратно к Волчьей Бухте.

Сегодня будет отличная ночь.

Он должен будет встретиться с остальной группой в полночь, и если им улыбнётся удача, они выведут скот из земель Хью и уже к рассвету перегонят его в другую долину.

Таков план.

Сегарис вновь усмехнулся и закурил.

Солнце опускалось за горизонт. Сегарис возвращался в свой маленький домик за городом.

Он собрал себе ужин: несколько кукурузных лепёшек и то, что осталось со вчерашнего дня от копчёного окорока.

Немного, но ему хватит.

На следующей неделе у него уже будет куча денег для нормальной еды.

Он сел на стул и снова прикурил сигару.

«Грядут грандиозные перемены, — думал он. — И великая жизнь».

Снаружи заржал конь.

Сегарис вскочил.

Для встречи с остальными парнями ещё слишком рано.

Он прислушался, склонив на бок голову.

Он слышал, как на улице ветер стонал и завывал.

И больше ничего.

Но Сегарис был осторожным человеком.

Он снял с крюка над очагом ружьё, открыл ствол и вставил два патрона. Если кто-то решил нанести ему визит, лучше им поостеречься.

Дверь вздрогнула, словно кто-то её хорошенько потряхнул.

Появился новый звук: словно кто-то скребётся снаружи.

И хриплое, низкое дыхание.

Сегарис выпрямился, прицелился и несколькими тихими и лёгкими шагами сократил расстояние до двери.

Дверь снова яростно задрожала, а затем взорвалась, впуская внутрь порыв ледяного ветра, принесшего мерзкую, нечеловеческую вонь.

Сегариса отбросило на пол.

Он вскочил, стреляя, но даже не понимал, во что именно он стреляет.

А потом он увидел...

— Матерь Божья, — пробормотал он.

Его крики эхом разнеслись в ночи.

15

Никому в Волчьей Бухте не было особого дела до Кудряша Дель Веккио.

Пальто и брюки в полоску, золотые часы на цепочке и безупречный котелок на голове.

Он был интриганом и мошенником, картёжником и ловеласом. Провёл десять лет в тюрьме за кражу скота.

Дель Веккио считал себя мастером стрельбы из пистолетов, но любой, кто действительно умел обращаться с оружием, застрелил бы Кудряша ещё до того, как тот дотянулся бы до пистолета.

Единственное, в чём Дель Веккио и вправду был хорош, была выпивка.

Этим вечером он уже прикончил восемь бутылок пива и полпинты рома, когда пришло время, наконец, отправляться к Нейтану Сегарису.

Ночь была холодной, падал лёгкий снежок, но Кудряш не замечал ни того, ни другого.

Он был очень пьян, и ему было очень хорошо.

Он уже заранее начал праздновать кражу пятидесяти голов скота у Карла Хью. Дель Веккио знал, что Нейту Сегарису и остальным не понравится, когда он пьян. Но он же имеет право время от времени праздновать?!

Особенно, когда вскоре в его карман посыпятся неплохие деньги.

Пятьдесят голов скота Хью по пятьдесят баксов за штуку.

Это изменит жизни всех, учитывая, что пятерых их них уже нет.

По пять тысяч зелёных на брата. Приличная сумма.

— Покойтесь с миром, парни, — пробормотал себе под нос Кудряш.

«Пятеро из нас умерли, — думал он, — пятеро живы».

Случайное стечение обстоятельств. Вот и всё.

Дель Веккио пришпорил легонько своего старого коня, и тот ускорил бег, галопом несясь по утрамбованному снегу.

Спустя некоторое время конь принёс его к дому Нейта.

Дель Веккио сразу захотелось войти внутрь.

Из трубы поднимался дымок, а в окне уютно светился фонарь.

«Надеюсь, у него найдётся бутылочка чего-нибудь, чтобы согреться», — подумал Дель Веккио.

Он привязал коня в сарае и нетвёрдым шагом поплёлся к входной двери, лишь раз остановившись у изгороди, чтобы помочиться.

Он уже поднялся на верхнюю ступеньку, когда понял, что что-то не так.

Дверь была разодрана в щепки.

Лишь несколько обломков дерева торчали из косяка и болтались на петлях, а остальное валялось на полу.

Кудряш потянулся за своим армейским кольтом 44-го калибра.

Металл рукоятки ледяными иглами покалывал дрожащую руку.

— Нейт? — тихо позвал он.

Не получив ответа, Дель Веккио сделал два последних шага и остановился прямо за дверным проёмом.

Столы были опрокинуты и разломаны.

Полки рухнули на пол, и теперь повсюду валялось их содержимое.

Мешки с мукой и сахаром были распороты.

И теперь всё было запорошено белым.

Сквозь дверной проём ворвался неожиданный порыв ледяного ветра, взметнув вверх клубы муки и заставляя хижину скрипеть и ходить ходуном.

И ещё была кровь. Везде.

У Дель Веккио внутри всё сжалось.

Лужи на полу, брызги на стенах и старой металлической плите.

В воздухе висел жуткий запах. Мужчина ощущал его на своей коже и даже различал его привкус во рту.

Он не стал искать тело.

Этого и не надо было.

Он бросился назад, пробираясь через сугробы, подкальзываясь, падая, но, в конце концов, добрался до сарая.

Когда Дель Веккио отвязывал коня и взбирался на него, он уже был трезвый как стёклышко.

Снова начиналась метель. Порывистый ветер бросал в лицо снег.

Конь начал ржать и яростно бросаться из стороны в сторону. Он начинал идти в одном направлении, затем фыркал и бросался в другую сторону.

— Давай, чёрт бы тебя побрал! — закричал Кудряш, ощущая разлитый в воздухе запах смерти. Он дёрнул поводья и пришпорил коня. — Вперёд!

Дверь сарая резко открылась от порыва ветра и вновь захлопнулась.

Конь Нейта тоже яростно ржал и рвался с привязи. Что-то было не так, и оба животных это чувствовали.

Лампа в доме моргнула и погасла.

У Дель Веккио вдоль позвоночника побежали мурашки, и дело здесь было далеко не в пронизывающем морозном ветре.

Издали донёсся ещё один звук: низкий, ужасный, безумный вой, который то затихал, то снова разносился над долиной.

Кудряш весь дрожал, волосы на затылке встали дыбом.

Этот звук... Напоминал грохот грузового поезда, проносящегося через шахту.

И снова этот вой.

Только на этот раз ближе.

Дель Веккио с криком дёрнул поводья, и конь рванул вперёд по дороге, чуть не сбросив на землю седока.

Конь поскакал не в том направлении, но Кудряш не мог справиться с обезумевшим животным.

Его лицо заоченело от дующего ветра, а глаза начали слезиться.

Сердце громко бухало от ужаса, а в ушах по-прежнему стоял жуткий вой.

И вот он ещё ближе.

И ещё...

16

«Большой Билл» Лаутерс слез с лошади и стал ждать, пока Пэрри тоже спешится. Пожилому доктору потребовалось для такого гораздо больше времени.

— Проклятый холод, — пробурчал Пэрри. — И спина разболелась.

Лаутерс потёр руки.

— Идём, — сказал он. — Быстрее со всем покончим.

И первым вошёл в хижину.

Он увидел то же, что и Кудряш Дель Веккио прошлой ночью.

Дом был разгромлен, словно по нему прошёлся маленький ураган.

Мебель была разломана. Тарелки, чашки и бутылки разбиты, и осколки хрустели под ногами.

Казалось, вокруг не осталось ни одного целого предмета.

И всюду были мука, сахар и... кровь.

— Мать Божья, — ахнул доктор Пэрри. — Какого чёрта здесь произошло?

Лаутерс обвёл взглядом место происшествя.

Он был зол, даже взбешён, и по лицу ясно читалось его недовольство.

— А как вы думаете, что здесь произошло? — ехидно спросил он.

Они оба знали, с чем столкнулись.

Ещё с того момента, как им сообщили, что Нейт Сегарис сегодня утром не появился на службе в церкви.

Сегарис никогда не пропускал их. Он был вором и мошенником, но на воскресные службы ходил исправно.

Его мать привила ему строгое моральное и религиозное воспитание.

И хотя моральные аспекты он давно отбросил в сторону, религия упорно цеплялась за его душу. До этого дня.

— Какое же животное такое сделало? — спросил Лаутерс, наверно, уже в тысячный раз. — Это какое животное врывается в дом человека и такое вытворяет?!

Перри ничего не сказал. У него не было ответов на эти вопросы.

Это были не просто убийства от голода. Эти преступления несли в себе жестокость, расчленения и погромы.

А какое создание сначала убивает людей ради пищи, как дикий зверь, а потом разрушает их жилища, как безумный человек?

Лаутерс посмотрел на разлитую везде кровь.

— Он должен быть где-то здесь.

Вдвоём с доктором прошёлся через разгромленную кухню и замер перед дверью к гостиной.

На ней на добрый метр были следы от когтей.

Перри осмотрел их.

Царапины врезались в дерево, по крайней мере, на полтора сантиметра.

Перри тяжело сглотнул.

— Тот, кто это сделал это, был чертовски силён.

Лаутерс толкнул дверь.

Гостиная тоже была в отвратительном состоянии.

Здесь Сегарис хранил все вещи, оставшиеся от его покойной жены.

Её подушки с оборками были выпотрошены, пол густо устилали перья.

Сервиз из тонкого китайского фарфора осколками валялся в углах комнаты.

Коллекция фарфоровых кукол разбита на кусочки.

Одна из отломанных кукольных голов смотрела на вошедших голубыми нарисованными глазами.

Платья, висевшие на медных вешалках, разодраны в клочья.

Даже стены испещрены следами от когтей, и клочки обоев свисали, как испанский мох со стволов деревьев.

— Это сделало не животное, док, — авторитетно заявил Лаутерс. — Ни один чёртов зверь из леса не вломится в человеческое жильё и не станет его разламывать.

Перри тщательно осмотрел всё вокруг.

Он проверил всё.

Ловкими пальцами приподнял оторванную полосу обоев и начал изучать её, как невиданное произведение искусства.

Перри что-то пробормотал себе под нос и вытащил что-то из пространства между плинтусом и обоями.

— Но ни один человек не оставит после себя такое, — ответил он, протягивая находку Лаутерсу.

Шериф взял это и потёр между большим и указательным пальцами. В руке у него оказалась серая жёсткая шерсть.

— Может, собака какая-нибудь, — пробормотал он.

— Думаете?

Лаутерс нахмурился.

— А я не знаю, что и думать. У меня пять трупов и, похоже, вот-вот найдём шестой... Что тут сказать? И какого чёрта ты хочешь от меня?

— Полегче, шериф.

Лаутерс бросил шерсть на пол и вернулся в другую комнату.

Пэрри чертыхнулся под нос и, прижимая руку к пояснице, нагнулся, поднял шерсть и засунул её в карман. Затем, кряхтя, выпрямился.

— Взгляни сюда, док.

Лаутерс сидел на корточках перед валяющимся столиком.

Под ним лежало ружьё.

Оно было почти разломано наполовину, а стволы согнуты наподобие подковы. Лаутерс принахался и проверил патронник.

— Сегарис выстрелил дважды, прежде чем до него добрались. А что может укрыться от двух выстрелов? — многозначительно спросил шериф.

— Что бы это ни было, ему это удалось, — вставил Пэрри.

Тут Лаутерс был согласен с доктором.

На полу в муке отпечатался след. Слегка неясный, но это определённо был гигантский след какого-то неизвестного животного.

— Во имя всего святого, у кого же может быть такая ступня? — вслух спросил Лаутерс.

Пэрри лишь покачал головой.

— Не у человека. В этом я уверен.

След был около метра в длину и сантиметров двадцать в ширину.

Вытянутый, плавно обтекаемый отпечаток. Кто бы его не оставил, у него были три длинных пальца с когтями на передней поверхности стопы и одна короткая и толстая шпора у пятки.

— Вообще напоминает след петуха, — беспомощно пробормотал Лаутерс.

— Этот след оставила не птица, — быстро заметил Пэрри.

— Господи, док, — устало произнёс Лаутерс. — Отпечаток громадный.

Пэрри склонился и снова застонал.

— Тебе надо показаться кому-нибудь со своей спиной, — по привычке пошутил шериф, только обоим сейчас было не до смеха.

Пэрри проигнорировал его реплику. Он исследовал пол и, наконец, пальцы его нащупали металлическое кольцо.

— Погреб.

Лаутерс помог доктору поднять крышку и откинуть её в сторону.

Погреб представлял собой яму в форме куба глубиной около полутора метров с земляными стенами.

Внизу, на промёрзшей земле, лежало то, что осталось от Нейта Сегариса.

— Твою мать, — тихо выругался Лаутерс.

Тело было обезображено.

Кишки выпотрошены, внутренние органы вырваны, и брюшная и грудная полости были

пустыми.

Руки сломаны в нескольких местах, разможены и покусаны.

Пальцы на левой руке отсутствовали, за исключением единственной окровавленной фаланги большого пальца.

Правая нога сломана и вывернута в коленном суставе таким образом, что снаружи виднелись связки и сухожилия.

Лаутерс выругался себе под нос и спустился в подвал.

Он благодарил бога, что на улице был ноябрь.

Если бы стояли летние месяцы... Даже думать не хочется о зловонии и рое мух.

— Должно быть, оно его убило и сбросило сюда, — предположил Пэрри.

— Да ну, док?

Шериф был не в настроении для теорий Пэрри. В последние дни у него вообще не было настроения ни для чего.

Он обыскал всё имеющееся пространство и не нашёл недостающих частей тела.

Пэрри сверху рассматривал раскуроченное лицо Сегариса.

Левого глаза не было, как и большей части плоти вокруг него.

Но второй глаз был цел и широко открыт.

Рот застыл в крике.

Даже с полутора метров Пэрри видел, что верхняя часть черепа Сегариса скушена, а на мягких тканях отпечатались следы зубов.

Мозг был вырван из черепной коробки и, похоже, те серые брызги в углу — это всё, что от него осталось.

Лаутерс посмотрел на доктора с мольбой в глазах.

— Да поможет нам бог, — произнёс он.

— Очень надеюсь, шериф, что он действительно нам поможет, — стойко заявил Пэрри. — Но если нет, то стоит подумать о том, как мы можем помочь себе сами.

Ворча, Лаутерс выбрался из погреба, не принимая протянутой доктором руки.

Он выпрямился и отряхнул одежду.

— Было бы интересно разобраться в ходе событий, — размышлял Пэрри. — В какой очередности всё происходило.

Лаутерс зыркнул на него водянистыми серыми глазами.

— И как это сможет помочь? Человек мёртв. Убит. И наполовину съеден, да простит меня Господь.

Пэрри терпеливо кивнул и отбросил упавшую на лоб седую прядь.

— Я хочу сказать, Билл, что знание некоторых подробностей может помочь нам лучше понять убийцу.

— Это каких, например?

— Ну, для начала, мне хотелось бы знать вот что: это место было разгромлено до или после убийства Сегариса? Если после... Значит, мы говорим о ненависти, умышленном разрушении или даже акте возмездия. А это вряд ли характерная черта зверей.

Лаутерс покачал головой.

— Ты слишком глубоко копаешься в произошедшем.

— А ты, — парировал Пэрри, — копаешься в нём недостаточно глубоко.

Лаутерс предпочёл проигнорировать реплику доктора.

— Возвращаемся в город. Надо сказать Спенсу, чтобы приехал на своей повозке и забрал тело.

— Приехал? — переспросил Пэрри. — Не хотел тебя шокировать, Билл, но Спенс — женщина.

— Это ты так думаешь, — вздохнул Лаутерс и отхлебнул виски из карманной фляги. — Чем скорее мы предадим это тело земле, тем скорее народ перестанет судачить о произошедшем.

Пэрри пошёл следом за шерифом и взобрался на коня.

— Да, — протянул шериф, допивая до конца содержимое фляги и засовывая её в седельную сумку. — Похоже, грядут неприятности, док.

Пэрри ничего не ответил.

Он смотрел на горные склоны, словно пытаясь найти в них ответы.

Но ответов там не было.

Лишь холод и ветер.

17

Позже Лаутерс стоял у своего офиса, прислушивался к относительно тихому воскресному вечеру и продолжал пить.

Даже не ощущая холода, спустившегося с гор.

Мысленно он видел лишь кровь и смерть. И новые, грядущие смерти.

А этой ночью в Волчьей Бухте было тихо и мирно.

Владельцы ранчо остались дома. Шахтёры не покидали свой лагерь.

И лишь пару человек рискнули выйти на улицу.

Возможно, из-за холода. Возможно, из-за метели. А возможно, ещё из-за чего-то.

Чего-то, что убивает людей ради еды и забавы.

Наверно, это и держало людей за закрытыми дверями.

Лаутерс сделал ещё глоток из серебряной фляги.

Даже дряхлых попрошаек из Черноногих нигде не видно.

Если подумать, он уже довольно давно не видел поблизости краснокожих. Кажется, с тех пор, как начались убийства.

Рука Лаутерса замерла, не донеся фляжку до рта.

Стоит ли принимать это во внимание?

Могут ли индейцы быть как-то связаны с убийствами?

Может, да. Может, нет.

Местные Черноногие старались большую часть времени держаться подальше от города, поскольку народ задевал их по любому поводу и даже без того.

И, когда случалось серьёзное преступление, вроде грабежа или убийства, их нигде нельзя было отыскать.

А краснокожий всегда мог стать прекрасным козлом отпущения.

Это напомнило шерифу, как был повешен тот Черноногий.

Лаутерс нахмурился и сделал ещё глоток.

Черноногого звали Красный Лось.

Его задержали в связи с обвинениями в изнасиловании и убийстве местной белой

девушки по фамилии Карпентер.

У девушки не было семьи, и она недавно переехала в Волчью Бухту.

Предположительно, Красный Лось отправился за девушкой однажды вечером в магазинчик, где она работала, взял её силой, а потом перерезал горло.

На вторую ночь пребывания индейца за решёткой к нему пришли линчеватели.

На них были чёрные капюшоны и маски с прорезями для глаз и рта.

Девять из них вошли в тюрьму.

— Нам нужен краснокожий, — сказал главарь. — И мы его заберём.

— Лучше бы вам, ребята, убраться отсюда, — ответил им Лаутерс.

Все девять линчевателей достали оружие и направили его на шерифа.

— Ты не понял, — протянул вожак. — Нам нужен этот краснокожий убийца, и мы с лёгкостью пристрелим и тебя, чтобы добраться до него.

Лаутерс потянулся за револьвером, но нападавшие были быстрее.

Они оглушили его прикладами ружей и привязали к креслу.

Когда Лаутерс пришёл в себя, всё уже было кончено.

Его заместитель, Олден Боус, переправлявший заключённого в Вирджинию, вернулся и отвязал шерифа.

Красный Лось болтался на дереве на площади через дорогу.

После случившегося Лаутерсу начали задавать вопросы, но он не мог на них ответить.

На линчевателях были маски, и он не мог их опознать.

Они скрутили шерифа. У него даже остались синяки в качестве доказательства.

А зачем он отправил своего заместителя сопровождать заключённого в Вирджинию на фоне назревающей нестабильной обстановки и антииндейских настроений?

Но Лаутерс не думал, что кто-то на такое пойдёт.

Ко всеобщему удовлетворению, ответы были получены.

К тому же, вздёрнутым на дубе человеком был индеец, Черноногий. И он убил белого.

Дело закрыто.

Единственными, кто действительно был заинтересован в расследовании, были сами Черноногие, но их никто в расчёт не принимал.

Все поверили Лаутерсу.

Они и не догадывались, что он обо всём врёт.

Лаутерс снова отхлебнул из фляги. На этой неделе исполнится ровно год, как того краснокожего линчевали и подвесили на дереве.

Он до сих пор помнил, как скрипела ветка, когда через неё перебрасывали верёвку и затягивали петлю.

Лаутерс вздрогнул.

18

Снежная буря угрожала начаться уже несколько дней.

И в ночь тех суток, когда нашли тело Нейта Сегариса и отвезли его на похоронной повозке Вайноны Спенс, чтобы тайно отмыть и затем похоронить, она и началась.

Она спустилась с гор Тобакко Рут, подхлёстываемая пронзительными ветрами, опустившими ртуть в градусниках ниже нуля.

На Волчью Бухту свалилось больше метра снега, и ветер придал полутораметровым сугробам вид замёрзших волн, разбивающихся о какой-то инопланетный берег.

Около четырёх буря закончилась.

Мир стал белым.

Занесённым снегом, замёрзшим и неподвижным.

У подножья гор в старой заброшенной шахте сидел Кудряш Дель Веккио и ждал, когда за ним придёт смерть.

Прошлой ночью недалеко от шахты его сбросил конь, и Дель Веккио сломал ногу.

И вот снова наступила ночь.

Он был один.

Дель Веккио был благодарен уже тому, что нашёл эту старую шахту.

И тому, что внутри стояла жаровня с углями, а рядом лежала кучка хвороста, которые остались после того, как шахтёры отправились на поиски других хлебных мест.

Этого дерева хватит, чтобы топить жаровню три, а то и четыре дня.

А к тому времени, дай Бог, его кто-то найдёт.

А может, и нет.

Дель Веккио разжигал огонь, только когда действительно было надо.

«Так топлива хватит на несколько дней», — рассуждал он.

А всё остальное время он смотрел на свою ногу и прорвавший кожу окровавленный обломок кости.

Если Дель Веккио начинал двигаться слишком много, боль становилась настолько невыносимой, что он терял сознание.

Поэтому он просто сидел и подбрасывал в огонь ветки.

Остаток ночи и день он провёл в лихорадочной полудрёме с преследующими кошмарами.

Эти кошмары были с клыками и когтями, и они тянулись на Дель Веккио, когда на небе восходила луна — жёлтое, мёртвое, мерцающее око.

Кудряш старался даже не шевелиться, чтобы не было больно. Он мочился прямо в штаны, и от мокрой тёплой ткани периодически начинал подниматься пар.

Если он немного сдвигал голову, то видел выход из шахты и природу за ним.

Но метель занесла часть отверстия, и взору Дель Веккио открывалось лишь верхние метр-полтора.

Он видел плывущие по небу облака и холодные мерцающие звёзды.

И осколок луны, растущий день ото дня, как паук, жиреющий от пойманных мух.

Задолго до рассвета ветра принесли свирепый, первобытный лай.

Дель Веккио снова задумался, когда же за ним придёт смерть.

И она пришла. Ещё до восхода солнца. Пришла с запахом прогнившей старой скотобойни.

19

Спустя два дня Джозеф Лонгтри добрался до Волчьей Бухты.

Он подъехал с юго-востока и пересёк реку Мэдисон в ночь снежного бурана и морозных ветров.

И остановился на горном кряже перед городом, окинув взглядом расстилающиеся внизу дома, здания и фермы.

Он знал, что Волчья Бухта — городок шахтёров, выкачивающих богатство из рудных жил.

Здесь жили шахтёры и фермеры.

Между белыми и местным племенем Черноногих кипела ненависть.

Том Риверс рассказывал Лонгтри об этом.

Не то, чтоб Лонгтри и сам не знал.

Как правило, белые ненавидели большинство индейцев.

А Черноногие, насколько помнил Лонгтри, были довольно враждебным народом.

Они сражались с белыми, а до них — с племенами других индейцев.

И с такой яростью, что даже племя Дакота меркло на их фоне.

Но Лонгтри знал, что Черноногие не так уж и плохи. Нет.

Просто слишком гордые и слишком рьяно охраняют свои территории.

У Лонгтри не было предубеждений на их счёт.

При подобной работе он не мог их себе позволить.

Такие вещи ослепляют человека и мешают правосудию.

А в последнюю очередь Лонгтри хотел арестовать и привести в тюрьму (а то и на виселицу) человека лишь из-за его цвета кожи.

Лонгтри давным-давно решил для себя: он может добиваться результатов разными способами, но никто и никогда не уличит его в бесчестии или несправедливости.

20

Джозеф Смит Лонгтри родился в 1836 году. Его отцом был Уильям «Медвежий Коготь» Смит, зверобой, а матью — Речная Сосна из племени Кроу.

Его отец погиб в 1842 году, сражаясь с Команчи. Лонгтри его почти не знал.

В 1845 году Сиу совершили набег на деревню у Паудер-Ривер, где жил Лонгтри, и убили почти всех, кроме мальчика и ещё пары убежавших в леса.

Мать Лонгтри тоже была среди убитых.

Местный священник забрал Лонгтри в миссионерскую школу в Небраске.

После семи лет строгого католического воспитания и обучения Лонгтри покинул школу.

Молодой человек сбежал и отправился на запад.

Он наткнулся на вставшего на путь исправления бандита по фамилии Ролингс, который в силу нового образа жизни баптистским проповедником искал на территориях Вайоминга и Монтаны новую паству.

Ролингс по-прежнему носил оружие — в приграничных районах только дурак добровольно останется безоружным.

Несколько месяцев они провели вместе. Знания Лонгтри в области Библии и духовной материи впечатляли Ролингса, а взамен он учил парня стрелять.

Протягивая мальчишке старый добрый Кольт Драгун 44го калибра, он муштровал его каждый день в течение нескольких часов, пока Лонгтри не научился сбивать яблоко с дерева с расстояния в двенадцать метров одним быстрым, решительным движением.

А в юго-восточной Монтане пути Ролингса и Лонгтри разошлись.

Лонгтри нашёл своего дядю Одинокого Ястреба, которого не было в поселении в день набега Сиу, и который не успел вернуться туда до того, как Лонгтри забрали в миссионерскую школу.

У Одинокого Ястреба и его семьи была небольшая хижина на берегу Паудер-Ривер. Там Лонгтри и провёл следующие пять лет своей жизни.

Брат его матери был человеком практичным.

Он видел, что старый уклад быстро погибал, и для индейцев наступало новое будущее.

Сам он жил, скорее, как белый, а не как краснокожий.

Он знал, что молодому парню нужно обучиться профессии, чтобы выжить в будущем.

Но он также был уверен, что человек обязан знать и чтить традиции предков.

И Одинокый Ястреб нашёл способ, как применить к юному Лонгтри оба подхода: он решил обучить его быть разведчиком, используя, в том числе, и старые знания своего народа.

Следующие пять лет под опекой Одинокого Ястреба Лонгтри учился «видеть знаки»: отслеживать животных и людей и получать огромное количество сведений из таких ничтожных, казалось бы, подсказок как следы от ботинок, отпечатки копыт и сломанные травинки.

Он в совершенстве овладел навыками поиска троп.

Позже научился врачевать раны.

Он узнал, какие травы и корни можно употреблять в пищу, а какие — использовать в качестве лекарства; как найти и выследить дичь; как отыскать воду и многое-многое другое.

Он научился охотиться и сражаться с ножом, топором, копьём, луком и стрелами.

Он мог стрелять чуть ли не с закрытыми глазами и ориентироваться на местности по солнцу и звёздам.

Дядя обучил его искусству скрытности и маскировки.

В общем, всё, что Кроу узнали за тысячи лет существования племени, Лонгтри постиг за несколько лет.

А пять лет спустя Лонгтри ушёл от дяди и вступил в ряды армии в качестве индейского разведчика.

Следующие шесть лет он воевал на стороне белых против Команчи и Шайеннов.

После этого, сытый по горло жестокостью, смертями и пролитой обеими сторонами кровью, он перебрался в Сан-Франциско.

Где, помимо прочего, сделал себе имя безжалостного кулачного бойца по кличке Малыш Кроу.

И всё шло прекрасно, пока один ирландский сорвиголова по имени Джимми Эллиот не устроил Лонгтри такую взбучку, что тот до смерти не забудет.

Лонгтри не упал духом. Он устал работать кулаками и периодически получать по морде. И направился в Аризону, где, воспользовавшись своим умением разведчика, стал охотником за головами.

За шесть лет службы выследил и доставил (мёртвыми или живыми) по месту назначения тридцать человек. После таких впечатляющих успехов его назначили заместителем маршала на территории Нью-Мексико, затем — на территории штата Юта, и, в конце концов, Лонгтри получил должность федерального маршала.

И теперь, после всех совершённых им убийств, после всех пойманных и доставленных осуждённых и убийц, Лонгтри предстоит охота за чем-то иным.

Убийца, действующий как человек.

Но проявляющий голод животного.

21

Было уже поздно, когда Лонгтри нашёл тело.

Он спускался по склону, поросшему дубами, на окраине Волчьей Бухты, когда увидел что-то, похожее на припорошенную тонким слоем снега руку.

Натянув поводья и остановив коня, Лонгтри спешился и начал пробираться к увиденному через сугробы.

Среди холмов яростно завывал порывистый ветер.

Длинный плащ из кожи бизона громко хлопал мужчину по ногам, когда он склонился вниз и начал раскапывать останки.

Лонгтри достал масляную лампу и зажёл её.

С откапыванием тела можно было и не спешить.

Особенно этой ночью при морозном ветре и сильном снегопаде.

Лонгтри мог сказать лишь то, что погибшему было лет сорок-сорок пять. И всё.

Тело было изуродовано, грудная и брюшная полости вскрыты, как консервные банки.

Порезанная и разорванная когтями плоть смешалась в одну массу с распоротой одеждой.

Обе ноги были отгрызены ниже колен, и кожа содрана.

Голова была перекручена таким образом, что лежала лицом вниз.

Обе руки были оторваны.

Одна пропала, а вторая лежала неподалёку, искромсанная, со следами зубов, и в окрашенном кровью, промёрзшем кулаке был зажат кольт.

Лонгтри попытался перевернуть тело, но оно примёрзло к земле.

Он осторожно расчистил перчатками небольшое пространство от снега.

Вокруг было совсем мало крови, да и та уже смёрзлась в мерцающие кристаллы.

Слишком мало для бойни подобного размаха.

Лонгтри предположил, что мужчину убили в другом месте, а сюда притащили. Затем выпотрошили и изуродовали уже на месте.

Он огляделся в поисках пропавших ног, но их нигде не было видно.

Маршал ещё раз осмотрел тело в подрагивающем свете фонаря.

Учитывая характер бойни, сложно было сказать, как именно умер этот человек.

Горло было разорвано, и в открывшейся дыре белым светились закрученные по спирали позвонки и разорванные связки.

Человек был покалечен везде, и любая из этих ран могла послужить причиной смерти.

Лонгтри подумал, что нападение, должно быть, было внезапным и яростным.

Хотя, нет... Не слишком внезапным. Мужчина ведь успел вытащить револьвер, пусть тот и не очень ему помог.

Первая атака была свирепой, бесчеловечной, за гранью понимания.

Мужчина был мёртв задолго до того, как его притащили сюда и распотрошили.

Лонгтри как мог изучил раны в дрожащем свете.

Следы зубов и когтей не оставляли сомнений: такие могло сделать только животное.

Огромный, мощный зверь с железными крючковатыми когтями и челюстями, которые

смыкаются, как медвежьи капканы.

Ни один человек не обладает подобной силой.

Ни один обезумевший — не важно, насколько возбуждённый — не мог бы набраться сил, чтобы буквально разорвать мужчину в клочья.

А инструменты, которыми можно бы было нанести подобные раны, очень сложны для воспроизведения.

Убийца в Волчьей Бухте был зверем.

Тип: неизвестен.

Сжав зубы и втянув через нос морозный воздух, Лонгтри поднял оторванную руку.

Она была похожа на замороженную баранью ногу.

Зажав конечность между своими коленями, Лонгтри попытался вытащить из окоченевших пальцев оружие.

Ему надо знать, стреляли ли из него.

Трупное окоченение и мороз превратили руку в ледяную скульптуру.

Пальцы отломались, как хрустящие хлебные палочки, когда Лонгтри начал разжимать их на рукояти кольца.

Два пальца отвалились полностью и упали в снег.

Отвратительная работа.

Но Лонгтри такое проделывал уже не в первый раз.

Человеку его профессии часто приходится убеждать мёртвых открыть ему свои секреты.

Из револьвера стреляли — в барабане осталось лишь три патрона.

Лонгтри положил оружие и руку рядом с телом.

Забравшись на коня, шериф въехал в пересохшее русло реки, окружённое с двух сторон зарослями сосен.

Он привязан коня к дереву и нарубил топором немного дров.

В низине ветер стал тише, и Лонгтри смог разжечь огонь.

Ночь он проведёт здесь.

Утром отвезёт тело в Волчью Бухту и приступит к делу, ради которого приехал.

Лонгтри снял с коня седло, достал из седельной сумки одеяло и растянул его на камнях, чтобы оно просушилось — одеяло было мокрым от конского пота. Лонгтри свернулся калачиком перед пылающим костром, пожевал вяленого мяса из сумки с едой.

И задремал.

22

Спал он недолго.

Где-то около полуночи Лонгтри услышал, как по тропе, проходящей под его склоном в сторону Волчьей Бухты, идут лошади.

Их было не меньше полудюжины. Метрах в трёхстах от Лонгтри всадники начали спешиваться.

Наверно, они увидели дым от его костра.

Лонгтри вылез из спальника и сделал пару глотков из фляги.

И стал молча ждать.

Лонгтри слышал, как люди приближаются, спотыкаются о сосны, укрывающие

пересохшее русло, в котором он сидел.

Какие же они шумные!

Явно белые.

Они топали, болтали и переругивались.

Лонгтри отложил в сторону свой кольт «Миротворец» калибра.45 и вытащил из седельной сумки винчестер.

И стал ждать.

Они приближались.

Лонгтри отодвинулся от горящего костра, прислонился к скале и затаился в тени.

Они подошли все вместе — шестеро мужчин в плотных шерстяных пальто.

Они носили пистолеты и ружья, а у одного из мужчин даже была древняя винтовка Хокена.

Они спустились вниз и сбились в кучу.

Абсолютно непрофессионально.

Теперь их можно было бы с лёгкостью перестрелять.

— У вас здесь дела? — крикнул из темноты Лонгтри.

Похоже, они здорово испугались, услышав разносящийся эхом голос, но не в состоянии определить, откуда он идёт.

Они начали целиться из ружей во все стороны.

Лонгтри улыбнулся.

— Назовите себя, или я начну стрелять, — произнёс он.

Мужчины начали поворачиваться из стороны в сторону и наткаться друг на друга.

— Билл Лаутерс, — ответил самый высокий мужчина. — Шериф Волчьей Бухты.

Он показал пристёгнутый к пальто значок.

Лонгтри вздохнул.

Он знал, кто такой Лаутерс.

Он вышел из тени и беззвучно направился к группе мужчин.

До них оставалось пару метров, когда мужчины, наконец, его разглядели, и тотчас направили на Лонгтри стволы.

— Ты ещё кто, чёрт тебя дерит? — спросил один из них.

— Полегче, Дьюи, — произнёс Лаутерс.

— Лонгтри, заместитель федерального маршала, — спокойно ответил он, показывая значок. — Вам должны были сообщить, что...

— Да, да, нам говорили. Я знаю, кто ты и зачем сюда приехал, — презрительно перебил его Лаутерс. — Можешь ехать обратно туда, откуда приехал. Нам тут не нужна помощь грёбаного федерала.

— И, несмотря на это, шериф, я остаюсь.

— А где, мать его, Беннеман? — спросил Дьюи. — Он — федеральный маршал этих территорий.

— Джона Беннемана подстрелили, — пояснил Лонгтри. — На какое-то время он выбыл из строя.

Лаутерс сплюнул на снег окрашенную табаком слюну.

— Смотрите, парни, как нам повезло — к нам приехал сам федеральный маршал, — с насмешкой произнёс он. — Похоже, мы теперь можем спокойно повесить ружья на гвоздики.

Лонгтри усмехнулся уголком рта.

— Я не стану забирать ваше дело, шериф. Я здесь для того, чтобы помочь.

— Ага, мать твою, конечно, — пробормотал один из мужчин.

— Одни проблемы, — пробурчал второй.

Лаутерс кивнул.

— Нам не нужна твоя помощь.

— Не нужна?

— Уезжай, — ответил Лаутерс. — Вали на хрен отсюда.

— Ни за что, — уверенно ответил Лонгтри.

Опущенные было ружья и пистолеты снова взметнулись вверх.

— Я здесь, чтобы помочь. И всё.

Лонгтри вытащил сигару и прикурил её от уголька из костра.

— Потому что если вы, парни, — продолжил он, — собираетесь стоять и спорить, как кучка школьников, пока у вас и дальше убивают людей, это ваше личное дело.

— Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь? — набылчился Лаутерс, делая шаг вперёд.

Лонгтри поднялся, откинул полу плаща и положил ладонь на рукоять кольца.

Мужчины это заметили. Как и хотел Лонгтри.

— Думаю, я разговариваю с человеком, обладающим чрезмерным самолюбием.

Лицо Лаутерса на мгновение обмякло, а потом он снова нахмурился и поджал губы.

— Слушай сюда, сукин сын! — рявкнул он. — Мне не нужна твоя чёртова помощь! В этом городе я — закон! Не ты и не вся ваша грёбаная служба маршалов! Если ты заявляешься в мой город, то должен делать то, что я говорю, и тогда, когда я говорю! Понял меня?

Лонгтри и бровью не повёл.

— Я понял то, шериф, что у тебя пять трупов. И если ты продолжишь в том же духе, то их станет ещё больше, — Лонгтри на пару секунд замолчал. — Возможно, если мы станем работать вместе, то сможем остановить эти убийства.

С этим было не поспорить.

— Просто держись подальше от меня, Лонгтри. Мне не нужна твоя чёртова помощь.

Лонгтри кивнул.

— Хорошо, шериф. Прекрасно. Я буду вести собственное расследование. Но буду очень признателен, если вы мне поможете.

Лаутерс злобно на него взглянул.

— Даже не надейся. Мне не нужно, чтобы какой-то чужак навёл тут ещё больший беспорядок.

— Шериф, — тихо произнёс мужчина, которого называли Дьюи. — Ради Бога, у нас шесть убийств! Если он сможет нам помочь...

— Заткнись, Дьюи.

Лаутерс повернулся спиной к Лонгтри и начал выбираться из оврага.

— Кто шестой? — крикнул Лонгтри.

— Нейт Сегарис, — ответил один из мужчин. — Убит прямо в доме.

— Разорван в клочья, — подхватил другой.

Лонгтри затянулся сигарой.

— Прежде чем вы, парни, уйдёте, — произнёс он, — вам следует знать, что есть ещё и седьмой.

Все уставились на Лонгтри.

До них донёлся и замер вдали глухой заунывный вой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТАРЫЕ КРАСНЫЕ ГЛАЗА

1

Преподобный Клауссен крепче замотал шарф вокруг шеи и с трудом начал пробираться навстречу сильному ветру. Он направлялся в салон гробовщика.

Священник остановился на улице напротив серого здания с потрескавшимися стенами.

На старой деревянной табличке было написано: «Дж. Спенс. Гробовщик».

Буквы еле-еле читались.

Из-за многих смен суровых зим и палящего летнего солнца чёрная надпись на табличке обесцветилась до серой.

Клауссен сжал зубы и, несмотря на непогоду, пошёл вперёд.

Он направился прямо к дальней комнате, где готовились к погребению тела.

Внутри стояли Вайнона Спенс, шериф Лаутерс и доктор Пэрри.

Преподобный окинул присутствующих подозрительным взглядом.

— Почему, — произнёс он с резким новоанглийским¹ акцентом, — мне не сообщили о новой смерти? Почему я должен узнавать об этом благодаря слухам, передаваемым из уст в уста?

— Держите себя в руках, отец, — ответил Лаутерс. — Я...

— Я не католик, сэр, поэтому прошу обращаться ко мне соответственно.

Лаутерс нахмурился и вынул из кармана трубку с табаком.

— Я пытался сказать, преподобный, что это Кудряш Дель Веккио. Точнее, то, что от него осталось. Кудряш не особо верил в бога.

Тронутые сединой волосы Клауссена топорщились в стороны.

— Мёртвые заслуживают определённого порядка, шериф, — произнёс преподобный. — Позвольте мне милостью господ нашего отпустить почившему грехи.

Доктор Пэрри, стоявший рядом с прикрытым простынёй телом, пожал плечами и откинул простыню в сторону.

Преподобный Клауссен побледнел и отвёл глаза.

— Не очень-то симпатично, да? — спросила Вайнона Спенс. Её губы сжались в тонкую линию, которая должна была обозначать улыбку. — Но ведь красота — в глазах смотрящего.

Клауссен уставился на женщину.

Он не видел в смерти предмета для шуток.

Вайнона Спенс унаследовала бизнес от своего больного отца.

Женщины редко занимались бизнесом, но Вайнона была уникалом.

По правде говоря, она была идеальным гробовщиком.

Преподобный знал, что бог создаёт мужчин и женщин для определённых целей в жизни, и Вайнона Спенс могла прожить жизнь обычной среднестатистической женщины.

Мертвенно-бледная, высокая, костлявая, с выпученными водянистыми глазами она была точной копией своего отца.

Только однообразные серые платья и собранные на затылке в пучок бесцветные волосы давали понять, что перед вами женщина.

Её голос был низким и глубоким, а черты лица — резкими и грубыми.

Она была не замужем и жила в комнатах над похоронным бюро с другой женщиной... что и послужила поводом для сплетен.

Клауссен почти машинально проводил обряд над телом.

Слова текли из его уст, как вино, с идеально выверенной интонацией и правильным управлением дыхания, но преподобный этого даже не замечал.

Он видел перед собой лишь разрезанное, разломанное и разрубленное тело, которое смотрело вдаль белыми, бескровными глазами.

Клауссен прочитал над телом несколько молитв и закончил ритуал. Аминь.

Он повернулся к Лаутерсу и посмотрел на того со странным выражением презрения на покрасневшем лице.

— Члены моей общины хотят, чтобы вы что-то делали, шериф. Люди требуют решения проблемы.

Лаутерс не моргая смотрел на преподобного.

— Мы делаем всё, что можем.

— Значит, делайте больше! Больше, во имя всего святого! — набожно воскликнул преподобный. — Мёртвые заслуживают справедливости! А живые — защиты!

Доктор Пэрри сложил руки на груди и отвернулся, пряча усмешку.

Вайнона наклонилась вперёд, безжизненными глазами изучая новый вид насекомых.

— Мы делаем всё, что в наших силах, — повторил Лаутерс.

Он заметно дрожал; шериф был не из тех людей, кто любит, когда ему указывают, что делать.

— Тогда кто-то может подумать, что всех ваших усилий недостаточно, — сухо ответил Клауссен.

Лицо Лаутерса побагровело.

— А теперь послушай сюда, преподобный. Моя мать учила меня уважать священников, и, видит бог, я старался. Но не тебе учить меня моей чёртовой работе, — рубанул он ладонью воздух. — Я же не учу тебя молиться, вот и ты не учи меня следить здесь за исполнением закона.

Преподобный с религиозным рвением, уверенный в собственной святости, сделал шаг вперёд.

— А может кому-то всё же стоит вас научить?

— Послушай меня, мелкий сукин сын, я сам знаю, что мне, мать твою, надо...

— Пропущу ваши ругательства мимо ушей. Подобные речи — свидетельство недалёкого ума.

Лаутерс не очень грубо схватил преподобного за руку.

— Значит так, Клауссен. Берите свой святой зад и тащите его на хрен вон, пока я не забил ваши зубы глубоко-глубоко в вашу богом любимую глотку так, что вы...

— Шериф, — вмешался Пэрри, бросая на Лаутерса предупреждающий взгляд.

Клауссен, выпучив глаза от страха, бросился к двери, словно его что-то кусало за зад.

Вайнона хихикнула.

— Боже мой.

Пэрри вздохнул.

— Не лучшая твоя идея, Билл. Если ты его разозлишь, он может натравить на тебя всю свою общину.

Лаутерс зашёлся смехом.

— Одного из них он уже на меня натравил, — кисло ответил он. — Мою жену.

После этих слов он развернулся и вышел.

— Боже мой, какой ажиотаж, — воскликнула громко Вайнона. — У нас никогда не было здесь подобных представлений! У меня такое чувство, словно я очутилась в дешёвом бульварном романе. Ай-яй-яй!

Пэрри вздохнул:

— Вы странная женщина, мадам.

Так оно и было.

Пэрри никогда не сможет понять женщину, которая захотела быть гробовщиком.

Но он и представить не мог её, занимающейся чем-то другим.

Даже её движения, медленные крепкие перебирания пальцами, тощее лицо и резкая усмешка — всё это выдавало в ней работника смерти и могил.

Вайнона Спенс выглядела точь-в-точь как те тела, что она готовила к погребению, только была слегка более оживлённой.

В то время, как большинство женщин хвастались всевозможными духами, от Вайноны постоянно смутно пахло химикатами и сухими цветами.

— Я до сих пор не понимаю, что вас привлекает в этой профессии, — покачал Пэрри головой. — Но я полагаю, учитывая ваши таланты, что вы отлично для неё подходите.

Вайнона улыбнулась, словно сочла это комплиментом.

— Шерифу действительно стоит контролировать свои вспышки гнева, — искренне произнесла она. — Это нехорошо для человека его возраста.

Пэрри вскинул бровь.

— Ему нет ещё и пятидесяти, мадам.

— А выглядит на семьдесят, — заметила Вайнона. — Боюсь, что такими темпами он скоро станет моим клиентом.

Женщина вздохнула, глядя на труп Дель Веккио.

— Ну, мы же будем ему рады, ведь так?

Пэрри нахмурился.

— У него сейчас не лучшее здоровье. За последние пару лет он пошёл под откос. Скорей всего, это из-за работы.

— Стресс. Он забирает лучших. Помяните моё слово.

— С тех пор, как они линчевали того индейца, — протянул Пэрри, — он уже никогда не становился прежним.

2

Джо Лонгтри пришёл в похоронное бюро чуть меньше часа спустя.

Вайнона видела, как он входил, и её первой мыслью было, что он — меткий стрелок.

Он носил чёрную шляпу с плоской тульей и расстёгнутое длинное пальто до колен из чёрно-синего сукна.

Через одну руку у него было переброшено пальто из шкуры бизона.

Шпоры на чёрных, потёртых и исцарапанных сапогах звенели при каждом шаге.

А на каждом бедре висело по кольцу — так, как носят их только бандиты.

— Я могу вам помочь? — спросила Вайнона.

— Джо Лонгтри, — ответил мужчина, отворачивая другой стороной лацкан пальто, где был прицеплен значок. — Заместитель федерального маршала.

— Ах, да. Шериф упоминал, что вы придёте.

Лонгтри усмехнулся.

— Не сомневаюсь.

Вайнона не поняла, что он хотел этим сказать.

Лаутерс сказал, что вскоре к ней заявится федерал и начнёт надоедать.

И ещё Лаутерс сказал остерегаться его.

«Лонгтри, — говорил он, — наглый, бесцеремонный и напыщенный болван».

Вайнона ожидала худшего.

Она ни в коем случае не собиралась мешать этому человеку — в конце концов, он был заместителем федерального маршала и имел определённую власть.

А ещё Лонгтри выглядел опасным человеком.

У него были очень глубокие, насыщенно-синие глаза.

Глаза человека, способного убить ради спасения жизни.

Если бы Вайнону впечатляло подобное, она нашла бы этого мужчину весьма интересным.

— Буду рада помочь, — произнесла Вайнона.

— Я ценю это, мисс Спенс... Вы же Дж. Спенс, так?

— К сожалению, нет. Дж. Спенс — мой почивший семь лет назад отец, Джошуа. Я — его дочь, Вайнона, — спокойно ответила она. — Вы считаете странным, что женщина занимается подобным делом?

Лонгтри пожал плечами.

— Полагаю, это семейный бизнес. Вполне естественно, что ваш отец хотел, чтобы его дело жило и дальше. Главное, чтоб вам нравилось.

— О да, мне нравится.

— Тогда вам не нужно моё одобрение.

Вайнона с интересом уставилась на мужчину: похоже, этот человек не был подвержен предрассудкам.

Это только усиливало его таинственность, он казался ещё более необычным.

Интересным.

Вайнона решила, что ещё пару лет назад могла бы влюбиться в такого мужчину.

Но не сейчас.

Лонгтри перешёл к делу:

— Не знаю, что вам рассказал шериф, но могу предположить, что приятного в этом было мало. Я ему категорически не нравлюсь. Но я здесь лишь для того, чтобы разобраться в убийствах, а не для того, чтобы сместить его с должности или выбить из кого-то признание силой и запугиваниями.

Вайнона вздохнула.

— Конечно, нет.

С Лонгтри было легко разговаривать.

Он был образованным, честным и искренним.

И создавал впечатление человека, которому легко доверять и которого легко полюбить.

— Хотите взглянуть на тело?

Лонгтри покачал головой, выдвигая из-за стола стул.

— Нет, я уже прошлой ночью на него насмотрелся. Я хотел бы поговорить о других.

Вайнона присела.

— Отлично.

Она будто бы даже расстроилась.

Лонгтри закурил сигару и вытащил небольшую записную книжку и карандаш.

Вайнона зачарованно следила за каждым его движением.

Он был сантиметров сто восемьдесят ростом, мускулистый, но не чрезмерно.

Лицо гладко выбритое, хмурое и привлекательное, а кожа тёмного оттенка, как у индейцев, но чуть вытянутая челюсть, высокие скулы и нос с горбинкой были явно европейского происхождения.

А вот волосы длинные, иссиня-чёрные, как у истинного индейца.

Они были собраны сзади и перевязаны кожаным ремешком.

— Моя мать была из племени Кроу, — произнёс Лонгтри, прочитав её мысли.

Вайнона слегка покраснела.

— Господи... Как вы догадались, что я об этом думаю?

— Я научился читать людей благодаря своей профессии.

Вайнона сглотнула.

— Да, это полезный навык. Значит, вы индеец?

Лонгтри усмехнулся.

— Обычно мало кто догадывается. Люди думают, что моя кожа темнее, чем у них, из-за длительного пребывания на ветру и под солнцем.

Румянец исчез со щёк Вайноны, и они снова стали мертвенно-бледными.

— Да, наверно. Но у меня всегда было хобби — физиогномика. Я каждый раз пытаюсь по цвету кожи, характерным чертам и тому подобному определить, откуда мог произойти человек. Вы знали, маршал, что у индейцев тёмный цвет кожи не только из-за наследственности, но из-за их образа жизни? Если белого человека переселить на равнины на несколько сотен лет и заставить жить под открытым небом, то мы бы тоже, скорее всего, стали похожими на индейцев.

— Не сомневаюсь. Мой отец был англичанином, но летом его кожа могла сравниться цветом с кожей индейцев. И только зимой он немного бледнел.

— Это поразительно, — искренне произнесла Вайнона.

— Вы обследовали другие тела?

Вайнона кивнула.

— Да, сэр. И довольно тщательно.

— Расскажите, что вы узнали.

Вайнона перешла к деталям.

Она подобно рассказала Лонгтри не только про останки тел и их состояние, но и про самих погибших.

Об их привычках и образе жизни.

— Эйб Раньон, Кэл Севенс, Чарли Мирс, Пит Олак, Джордж Рико, Нейт Сегарис : Кудряш Дель Веккио, — зачитал Лонгтри из записной книжки. — Все семеро — мужчины. Странно, что животное не напало ни разу на женщину или ребёнка. Складывается

впечатление, что оно нападает избирательно.

Вайнона вскинула брови.

— Сомневаюсь, маршал. Мы имеем дело со зверем, а не с разумным существом.

— А я в этом не уверен.

— Вы же... То есть... Вы же не думаете, что это дело рук человека?!

— Нет, не человека. Не думаю.

— Значит, зверя... разумного?

Лонгтри ничего не ответил.

Вайнона задумалась.

Да, все семеро — мужчины. Но это же обычное совпадение, ведь так? Это не может быть ничем другим, лишь случайное стечение обстоятельств.

Мысль о звере, выбирающем жертв... пугала.

Вайнона никогда даже не задумывалась над такой возможностью.

А теперь она боялась, что эта мысль больше не покинет её голову.

— Что ж, — произнесла Вайнона, — вы определённо дали мне пищу для размышлений. И не самую приятную.

Лонгтри поблагодарил её за помощь и ушёл.

Вайнона пожала плечами и вернулась к телу Нейта Сегариса.

— Ну, что, Нейт, вернёмся к работе. Я тебе когда-либо говорила, что была знакома с твоей матерью? Нет? Мы познакомились, когда ты был на войне...

3

Следующим шагом Лонгтри было то, чего он больше всего боялся: визит в офис шерифа.

Будучи заместителем федерального маршала, ему приходилось разбираться с сотнями местных представителей закона.

Они все были разными.

Одни — дружелюбными и любезными, готовыми к сотрудничеству. Другие — подозрительными и едва ли согласными помочь.

А были третьи, похожие на Лаутерса: надменные, эгоистичные и полные ненависти.

Они принимали приход федерального маршала на их территорию за оскорбление, словно таким образом правительство говорит им, что они не справляются со своей работой.

А это очень далеко от правды.

Пробираясь сквозь сугробы и порывистый ветер, Лонгтри, наконец, добрался до тюрьмы.

Как он и боялся, Лаутерс был здесь.

Даже без тяжёлого пальто он всё равно был огромен, полностью заслуживая прозвище «Большой Билл».

«А он был сильным парнем, — подумал Лонгтри. — Как физически, так и психологически».

Но это было уже далеко в прошлом.

Сейчас перед Лонгтри сидел грузный, заплывший жиром мужчина, пьющий почти каждый день.

Лицо было одутловатым и бледным, глаза налились кровью, а на белом носу проступали яркие сосуды.

Он пил уже много лет, в этом Лонгтри не сомневался.

Как человек, который сам раньше сражался с пьянством, Лонгтри сейчас слёту узнавал алкоголиков.

— Доброе утро, шериф, — произнёс Лонгтри.

Лаутерс поднял на заместителя маршала хмурый взгляд.

И поджал губы.

— Так, так, так. Маршал пришёл, чтобы всех нас спасти.

Лонгтри подавил усмешку. Лаутерс был пьян.

— Мне нужна информация по убитым.

— И что? От меня ты её не получишь.

— Да ладно, шериф. Какой в этом смысл? Ты знаешь закон — ты должен оказывать содействие. Помоги мне с этим делом, и я постараюсь как можно реже попадаться тебе на глаза.

— Да, мистер, я знаю закон, — протянул Лаутерс, не совсем фокусируя взгляд. — Я знаю проклятый закон и не собираюсь выслушивать, как мне о нём говорит какой-то краснокожий сукин сын! Чёртовы индейцы!

Лонгтри вздохнул и положил шляпу на стол.

— У тебя есть заместитель?

— Не твоё собачье дело!

Лонгтри сел и посмотрел на мужчину.

Очевидно, он заранее навёл справки, раз знает, что в Лонгтри течёт кровь индейцев.

А это значит, что он, вероятно, может знать и всё остальное.

Хотя это было неважно.

— Вот здесь ты неправ, шериф. Это моё дело. Поэтому я задам вопрос ещё раз: у тебя есть заместитель?

— Чёртовы индейцы! Ты знаешь, сколько краснокожих я убил? Знаешь?!

Лонгтри язвительно усмехнулся.

— А знаешь, скольких белых убил я?

Лаутерс вскочил, слегка покачиваясь.

— Сейчас я преподам урок твоей жалкой заднице!

— Вряд ли ты сможешь меня чему-то научить, шериф.

— Ты что, ремня захотел, мальчишка? Хочешь, чтобы я...?

— Шериф, — произнёс властный, жёсткий голос. Он принадлежал седому мужчине с пепельно-серыми висящими усами. — Достаточно. У нас и так куча проблем. Не хватало ещё, чтобы вас самого упекли в тюрьму.

Лаутерс скривился и удалился в подсобку.

Оттуда вышел другой человек и плотно притворил за собой дверь.

Он был высоким, худым, не старше тридцати, и к форме был приколот значок заместителя шерифа.

— Я доктор Пэрри, — произнёс пожилой мужчина. — А это — Олден Боус. Рады с вами познакомиться.

Лонгтри пожал обоим руки.

— Вот это, — ткнул пальцем в подсобку доктор Пэрри, — называется падением

хорошего человека.

— Жаль это слышать, — ответил Лонгтри.

Боус пожал плечами.

— Он раньше никогда не пил, сэр. Может каплю-другую в субботу вечером, но не больше. Богом клянусь.

— Верю, — кивнул Лонгтри. — Но факт остаётся фактом: он сейчас не в лучшей форме. И опасен. Человек его положения не должен ходить по городу в пьяном беспамятстве. Он может случайно кого-нибудь застрелить.

— Он никогда так не сделает, — запротестовал Боус.

— Вы так считаете?

Ни Пэрри, ни помощник шерифа больше не стали спорить.

— Я должен возвращаться, — произнёс Пэрри, касаясь шляпы. — Маршал.

Лонгтри вытащил кисет и свернул сигарету.

— Не знаю, помощник, что вы обо мне думаете, и чем вам забил голову шериф, но...

— Я всегда составляю собственное мнение о человеке, маршал.

Лонгтри кивнул, закуривая сигарету. Облако дыма лениво повисло перед его лицом.

— У нас здесь огромная проблема, помощник. Чередка убийств, которая не прекратится, если вести дела так, как ведёт их сейчас шериф. Поэтому нам с тобой придётся работать вместе.

Боус откинулся в кресле, зная, как и большинство в городе, что скоро это кресло станет принадлежать ему, и почесал редкую бородку.

— Я только за, маршал. Но с чего мы начнём? Людям в округе пообещали награду на поимку этого животного. Понимаете, что это значит? Любой бродяга с ружьём, возомнивший себя охотником, будет лазить по горам, стрелять во всё, что движется, в том числе, и в таких же «охотников», как и он сам.

— М-да, думаю, так всё и будет.

Лонгтри затянулся сигаретой и минуту молчал.

— Нам надо всё тщательно продумать. Не должно быть никаких ошибок. Мы имеем дело с чем-то, гораздо более опасным, чем любое животное, с которым я когда-либо встречался.

— Что это за чертовщина, маршал? Что способно так убивать? Какое чудовище станет убивать... наслаждаясь убийством?

Лонгтри качнул головой.

— Здесь происходит нечто такое, с чем никто из нас ещё ни разу не сталкивался.

— Что? — уточнил Боус.

— Не уверен, — признался Лонгтри. — Пока не уверен.

Боус выглядел раздосадованным.

— Если у вас есть какие-то идеи, поделитесь со мной. Господи, да это сумасшествие!

— Я пока придержу свои мысли при себе, — ответил Лонгтри. — Нет смысла выставить себя дураком, пока я во всём не удостоверился.

Боус был не рад такому повороту.

— Ладно, пусть будет по-вашему.

Лонгтри хотелось бы поделиться своими мыслями.

Но пока они были просто мыслями. Неоформленными идеями, не имеющими отношения к реальности. Пока.

Они столкнулись с чем-то ужасным.

С чем-то неизведанным.

С чем-то, не следующим правилам, а устанавливающим свои собственные.

Зверь, убивающий как животное, но при этом придерживающийся некоего непонятного шаблона.

И, когда Лонгтри разберётся, что это за шаблон, они приблизятся к пониманию, с кем имеют дело.

— Каким будет наш первый шаг, маршал? Что вы мне расскажете?

— Я должен узнать больше об убитых, — произнёс Лонгтри.

— Зачем? Обычные люди.

— Я должен о них узнать, — настоял Лонгтри. — Возможно, есть что-то, что их объединяет.

— Вы же не думаете, что зверь выбирал, кого ему убить, ведь так?

— Возможно, — кивнул Лонгтри, — но я пока не уверен. Не хочу упустить ни одной версии.

Боус пожал плечами и подробно рассказал о жертвах.

В основном, информация была той же, что дала Лонгтри Вайнона Спенс.

Эйб Раньон. Работал на железной дороге. Горяч, вспыльчив, легко ввязывался в драку. Не пользовался любовью среди местных жителей.

Кэл Севенс. Жил на конюшне, где и был убит. Новичок в городе, прожил здесь всего пару лет, держался особняком.

Чарли Мирс. Жил в мотеле «Безмятежность». Бывший шахтёр, уволен за пьянство. Не деньги у него всегда водились, поэтому люди подозревали, что он занимается разбоем.

Пит Олак. Лесоруб, заключивший контракты на поставку древесины с несколькими отелями и железной дорогой. Женат, двое детей. Любим местными жителями.

Джордж Рико. Обычный пьяница. Жил с вдовой Томпкинс. Либо выпивает, либо играет в азартные игры.

Нейт Сегарис. Мало появлялся в городе, переехал на окраину после смерти жены. Держал нескольких лошадей. Редко играл в карты. Субботними вечерами выпивал со знакомыми шахтёрами и фермерами.

«Кудряш» Дель Веккио. Бывший заключённый. Частый игрок и многолетний выпивоха. Но в основном доставлял лишь мелкие неприятности.

Лонгтри призадумался.

Если не принимать во внимание тот факт, что некоторые из убитых время от времени поигрывали в карты и выпивали, похоже, их ничего не связывало вместе.

А выпивка и азартные игры вряд ли делали их членами элитного клуба по интересам.

— Больше ничего?

— Ну... Все они ненавидели местных индейцев, это точно. Да, собственно, как и большинство жителей, — равнодушно заметил Боус. — Я их не очень хорошо знал лично, но по работе сталкиваться приходилось. Не похоже, чтобы они общались все вместе. И я не раз слышал, как каждый из них рассказывал, что бы сделал с краснокожим, но...

Боус пожал плечами.

— В этих местах многие люди разделяют их намерения. Эти парни были такими же, как все.

— За городом есть резервация Черноногих, так?

— Да, но я бы не советовал вам там показываться. Они не очень-то любят белых. А особенно — белых со значками.

— Я не стану его показывать.

— Вы с ума сошли, маршал.

— Возможно, но я всё равно туда пойду.

— Ладно. Но не ждите, что утром я приду забрать ваше тело.

Лонгтри лишь усмехнулся.

4

Дьюи Мейхью посмотрел на шерифа сверху вниз.

— Неплохо отдохнул, да? — спросил он.

Лаутерс скривился.

— Какого хрена тебе надо?

— Поговорить. Нет ведь ничего особенного в беседе двух старых друзей?

Шериф попытался сесть, но в голове словно застучал отбойный молоток.

В углу горела масляная лампа.

За окном уже было темно.

Господи, и сколько он вот так валяется? Несколько часов?

Последнее, что Лаутерс помнил, была стычка с Лонгтри.

— И о чём ты хочешь поговорить? — пробурчал Лаутерс.

Мейхью был очень серьёзен, даже немного напуган.

— Об убийствах.

— Ничего нового я тебе не скажу.

— Произошло уже семь убийств, шериф. Семь.

Лаутерс протёр глаза.

— Я знаю.

— Те люди...

— Я знаю.

— Нас осталось только трое, — отчаянно прошептал Мейхью.

— Говори тише.

Мейхью весь дрожал.

— То существо не остановится, пока мы все не умрём.

— Хватит, Дьюи.

— Сегодня ночью оно придёт или за мной, или за тобой, или за...

— Хватит, — резко перебил шериф Мейхью. — Держи рот на замке. И, если ты меня ослушаешься, я сам тебя прибью.

5

Лонгтри выехал на холмы, лишь смутно представляя по рассказам заместителя шерифа Боуса, куда ехать и где найти ближайшую стоянку Черноногих.

Ветер уже сутки как стих, и температура поднялась выше нуля.

Лонгтри приходилось и раньше через такое проходить в Монтане и Вайоминге.

Метели и ледяные ветра, затем следует краткая оттепель, и всё превращается в слякоть, которая уже через неделю замерзает в ледяную корку с очередным падением температуры.

Местность у подножья гор Тоббако Рут позади Волчьей Бухты была прекрасна.

Низкорослый щетинистый кедр на открытых склонах уступил место снежным пикам со спутанным валежником и густыми полосами сосен и елей.

Над лесом возвышались горы — гигантские, бесплодные и величественные.

И опасные.

И такой была вся местность. Перед человеком открывались невообразимо прекрасные виды, но реальность была отрезвляющей.

В этих местах часто случались оползни.

Вьюги налетали без предупреждения.

Морозные ветры появлялись из ниоткуда.

Вокруг рыскали стаи голодных волков.

Хищные гризли, озабоченные тем, чтобы перед спячкой запастись большим количеством жира и мяса.

А ещё это был дом индейцев из племени Черноногих — по мнению большинства, самого кровожадного народа в регионе Верхней Миссури.

Поднявшись на хребет, Лонгтри увидел лагерь.

Вероятно, они уже видели, как он приближается.

6

Лонгтри беспрепятственно въехал в лагерь. Только псы лаяли на него с двух сторон.

Лагерь состоял из двенадцати хижин, обтянутых шкурами буйволов. Большинство шкур были расписаны геометрическими фигурами и гигантскими изображениями птиц и животных.

Несколько обветренных лиц высунулись из-за шкур и спрятались обратно.

У большого пылающего костра кругом сидели около двадцати человек.

Лонгтри спешил и привязал коня к сосне.

Он осторожно приблизился к группе индейцев, давая им понять, что не представляет для них опасности.

Индейцы, казалось, намеренно игнорировали его присутствие.

Они продолжали сидеть, одетые в шапки из бизоньих шкур и в накидки из тех же шкур мехом внутрь.

На нескольких индейцах были пальто с капюшонами из Гудзонова залива и тяжёлые мокасины.

Большинство женщин были одеты точно так же: в широкие накидки и купленные плащи, скрывающие простые, ничем не украшенные платья.

Из меховых складок их одежд высовывали головы младенцы.

Несколько женщин заботились о более старших детях.

Лонгтри попытался начать разговор на языке жестов и на примитивном подобии алгонкинского языка Черноногих, которые он выучил много лет назад.

Никто даже не обратил внимания.

Наконец, к нему приблизилась женщина в накидке из шкуры бизона длиной до колена и в кожаных мокасинах и остановилась в метре от Лонгтри.

Она была прекрасна дикой, природной красотой.

У неё были огромные карие глаза, высокие скулы, полные губы и блестящая кожа.

От неё шли волны примитивной, необузданной сексуальности, которую так редко встретишь у белых женщин.

При одном взгляде на неё Лонгтри понял, что она была такой же выносливой, как и любой мужчина.

— Я — Смеющаяся Луна, дочь Герберта Бешеного Хвоста. Что тебе здесь надо? — спросила она на идеальном английском.

Лонгтри кашлянул.

— Мне нужна помощь. Я хочу поговорить с вождём племени.

Лонгтри знал, что у такого маленького поселения будет только один вождь.

У больших племён могло быть несколько вождей, но всё равно лишь одного избирали главой совета племени.

Многие белые считали, что вождь — это нечто вроде главнокомандующего в племени, но это было не так.

Его ранг имел не самое важное значение.

Черноногие были демократичны, и все важные решения принимались на совете племени с участием вождя.

Большинство вождей были главами охотничьих групп — основной политической единицы культуры Черноногих.

— Кто ты? — спросила она.

— Джо Лонгтри. Федеральный маршал.

— Я спрошу у Герберта Бешеного Хвоста, станет ли он с тобой говорить.

Лонгтри остался стоять, а женщина нырнула в хижину.

Эта хижина была больше остальных, и шкура на ней была разрисована ярко-красными изображениями волков.

А вокруг торчали жуткие черепа с огромными глазницами и заострёнными зубами.

Лонгтри знал, что волки символизируют то, что владелец вигвама считает этих животных источником своих сверхъестественных сил... Но черепа? Что означают они?

Нижняя часть вигвама была ярко-красной.

А верхняя — зарисована чёрным с огромным мальтийским крестом.

Теперь большинство индейцев наблюдали за Лонгтри, задаваясь вопросом, какие дела привели его в их лагерь.

Дети таращили на него глазёнки, но молчали, как могут только дети племени.

Длинными рядами под палящим солнцем вялилось мясо буйволов и сохли шкуры животных.

Несколько женщин жевали вяленое мясо с ягодами ирги.

Мужчины сидели кругом и курили трубки, сжимая в кулаках мундштуки.

Лошади, отогнанные к опушке, разгребали носами снег, чтобы добраться до травы под ним.

Пара псов лакала воду из корыта, сделанного из недублёной кожи.

Наконец, вернулась Смеющаяся Луна.

— Мой отец примет тебя. Идём.

Лонгтри пошёл за девушкой к вигваму, из которого минутой раньше вышли три женщины. Наверно, это были жёны Бешеного Хвоста.

Внутри похожей на пещеру хижины горел костёр.

Он отбрасывал на стенах пляшущие, безумные тени.

В воздухе пахло дымом, табаком и вяленным мясом.

Лонгтри сел напротив мужчины, на голове которого был шлем из выделанной кожи буйвола с нетронутыми рогами. Смеющаяся Луна пристроилась рядом.

Вождь был завёрнут в одеяло: левое плечо укрыто, а правое плечо и рука свободны.

Его лицо было тёмным, жёсткая кожа казалась почти коричневой, а глаза были почти чёрными и не выражали никаких эмоций.

Он курил длинную трубку, украшенную бисером и орлиными перьями.

Лонгтри знал, что это был калумет — священная церемониальная трубка (в русскоязычной литературе чаще встречается их другое название — «трубка мира» — устоявшееся, но неверное название для калуметов и других индейских церемониальных трубок — прим. пер.).

Смеющаяся Луна тихо заговорила с отцом, а потом повернулась к Лонгтри.

— Мой отец велит сообщить, что вождь Стальной Лоб болен. Отец будет говорить от его лица. Чего ты хочешь?

— Мне нужна помощь. В Волчьей Бухте произошли несколько жестоких убийств, похожих на нападение животного.

Смеющаяся Луна передала его просьбу.

Бешеный Хвост моргнул и заговорил.

— Мой отец знает об убийствах. Он может сказать тебе лишь одно: убийства продолжатся.

Этого Лонгтри и ожидал.

Долгий опыт общения с индейцами научил его не воспринимать буквально всё, что они говорят.

Слова Бешеного Хвоста о том, что убийства продолжатся, ничего не значат.

Это не было признанием вины. Просто видения и сны старого человека.

— Бешеный Хвост знает, что это за чудовище? — спросил Лонгтри у женщины.

Женщина передала вопрос отцу.

— Безликий Старик, — ответила она.

Лонгтри тревожно повернулся на покрывале из шкуры буйвола.

— Спроси у него, что или кто это — Безликий Старик?

Смеющаяся Луна спросила.

На этот раз старик говорил долго, и закончил рассказ покачиванием головы.

— Много-много лет назад, задолго до мёртвого сезона, великий предок Бешеного Хвоста -

Шаманский Коготь, член Братства Черепа — провёл двенадцать дней на горном плато, вызывая духов неба, земли и воды, — начала Смеющаяся Луна. — Он постился в течение десяти дней и пил воду лишь раз. Ведущий его дух, дух Волчьего Черепа, пришёл к нему и многому научил. Он рассказал Шаманскому Когтю о путях Безликого Старика — его священном укладе и ритуалах. О тайне Кровавого Шаманства. Оно передавалось в Братстве Черепа через сотни поколений.

Лонгтри не отрывал от женщины взгляда, ожидая продолжения.

Бешеный Хвост упомянул «мёртвый сезон».

Лонгтри знал, что под этим Черноногие подразумевают время, когда они ещё не пользовались лошадьми и перемещались с места на место вместе с имуществом на одних только собаках.

Это было до того, как на их территории пришли белые.

И Бешеный Хвост сказал, что это было ещё до мёртвого сезона, «сотни поколений» назад.

Это означало, что Лонгтри сейчас слушает историю племени, насчитывающую сотни и сотни лет.

— Когда Бешеный Хвост был ещё молод, — продолжала Смеющаяся Луна, — он тоже много дней провёл на горе и постился, как и все мужчины, что входили в Братство Черепа. И к нему пришёл дух Волчьего Черепа и сказал, что Безликий Старик всегда рядом, достаточно лишь протянуть руку. Но Бешеный Хвост должен быть осторожен, потому что Безликий Старик — жестокий и ненасытный, как гроза или шторм, или другие силы природы.

— Связаться с Безликим Стариком можно было лишь с помощью сакрального Кровавого Шаманства, но эти ритуалы были священными, и ими нельзя было пользоваться бездумно. Вызвав единожды Безликого, его нельзя было отправить обратно, пока он сам не насытится кровью врагов. Два месяца назад в инии (палатка-парильня, нахождение в которой является ритуалом очищения, подготавливающим к благословениям от Бога — прим. пер.) Бешеного Хвоста снова посетил дух Волчьего Черепа. Время Безликого близко как это уже было в далёкие времена.

У Лонгтри вдоль позвоночника пробежал холодок.

— Кто такой Безликий Старик?

Смеющаяся Луна покачала головой.

— Мой отец больше не будет говорить. Ни один белый не узнает этого. Кровавое Шаманство священо для Братства Черепа. Безликого уже призвали. Он и сейчас среди нас, — произнесла с сияющими глазами женщина, — и с каждым днём всё ближе и ближе.

Лонгтри встревожился.

Его руки похолодели, а к горлу подкатила тошнота.

В её словах была скрытая угроза.

Да, Лонгтри был наполовину белым, и эта половина хотела рассмеяться над всей абсурдностью рассказанного.

Обычная индейская абракадабра и истории о призраках. Бабушкины сказки. Чушь, передающаяся из поколения в поколение.

Вздор, увиденный индейским шаманом во сне, навеянном съеденным пейотом (североамериканский кактус, в мякоти стеблей которого содержится мескалин — психотропное вещество из группы фенилэтиламина — прим. пер.).

Но вторая половина Лонгтри была от Кроу.

И эта его часть была обеспокоена.

Она понимала, что не стоит насмехаться над шаманством племени.

Всем было известно, что Черноногие практиковали могущественное шаманство.

Чёрт, но ведь это всё брехня, ведь так?!

Лонгтри покинул Бешеного Хвоста, зная, что больше сегодня ничего не добьётся.

Он взобрался на своего чёрного коня и посмотрел на Смеющуюся Луну.

Она смотрел на него, беззвучно шевеля губами, и складывалось это в одну-

единственную фразу:

— Береги себя, Джозеф Лонгтри, ведь грядёт Лунный Череп.

Лонгтри выехал из лагеря в темноту ночи и содрогнулся.

7

Примерно в десять вечера не пьющий на тот момент Лаутерс решил нанести визит доктору Пэрри.

Анна, домработница Пэрри, открыла дверь и провела Лаутерса через лабиринты операционных и перевязочных к маленькому кабинету в дальнем конце здания.

— Не ждал тебя в столь поздний час, Билл, — произнёс Пэрри.

— Не мог заснуть, — объяснил Лаутерс. — Давно уже не могу заснуть, чёрт бы всё побрал!

«Пока не напьюсь до потери сознания», — хотел произнести Пэрри, но смолчал.

Он сидел за столом, и перед ним стоял латунный микроскоп.

Рядом с микроскопом лежали несколько предметных стёкол, стояли закупоренные бутылочки из тёмного стекла, несколько пузырьков и множество металлических инструментов.

На столике рядом лежал открытый набор для вскрытия, и на войлочной подкладке отсутствовали скальпель и зажим.

И ещё там находилось несколько пучков меха и шерсти.

— Чем занимаешься, док?

Пэрри пригладил усы.

— Небольшое расследование. Знаешь, что это такое? — указал он на кусочки шерсти.

— Клочки меха животного, — ответил Лаутерс, просматривая стоящие на дубовых полках книги, названия большинства из которых он даже не мог произнести.

— Но не любого. У меня есть образцы меха гризли, лисы, койота, волка... Да вообще всех хищников, что обитают в округе! — заметил Пэрри. — Я сравнивал волоски каждого из них с шерстинками нашего таинственного друга.

Лаутерс сел напротив доктора.

— И как результаты?

— Я пришёл к тем же выводам, что и раньше: клочок шерсти не принадлежит ни одному из известных нам видов. Хотя, — понизил Пэрри голос, — он имеет некоторое сходство с человеческим волосом. Но гораздо более грубый по строению.

— И что нам это даёт?

Пэрри кашлянул.

— Ты знаешь, что такое «мутация», шериф?

— Не имею ни малейшего представления.

Пэрри не сводил с Лаутерса взгляд.

Пальцы шерифа дрожали, а лицо его было бледным и отёкшим.

Кончик его носа стал багровым от разорвавшихся под кожей тонких капилляров.

И яркая пальмарная эритема... (симметричное покраснение внутренней поверхности ладоней — т. н. «малые печёночные знаки», возникают при тяжелом поражении печени — прим. пер.).

И постоянное облизывание губ...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Все признаки хронического алкоголика.

— Док? — услышал Пэрри голос Лаутерса.

— Ах да, прости. Старею. Легко отвлекаюсь.

Лаутерс устремил на него холодный взгляд.

— Не сомневаюсь.

— В общем, шериф, мутация — это изменение уже известных видов. Физическое изменение, которое происходит резко или постепенно; либо от факторов окружающей среды, либо наследственных факторов, либо любых других причин, которые науке еще предстоит определить.

— И какое это отношение имеет к нашему делу?

Пэрри улыбнулся.

Доктор знал, что Лаутерс прекрасно понял, куда он клонит.

Но шериф был человеком, которому нужно всё объяснять простым языком, чтобы не было ни единой возможности неверного толкования.

— Я хочу сказать, Билл, что мы имеем дело с новой формой жизни, неизвестным науке животным.

— Мне казалось, мы это уже выяснили.

Пэрри кивнул.

— Выяснили. Но какое животное ходит на двух ногах, подобно человеку?

8

Лонгтри вернулся на свою стоянку около полуночи.

Первоначально он собирался провести эту ночь в гостинице в Волчьей Бухте, но пришедшее потепление изменило его планы.

Сегодняшнюю ночь лучше всего будет провести под открытым небом у костра, любясь звёздами.

Он подъехал к пересохшему речному руслу и привязал к дереву коня.

Лонгтри разжёл костёр и поужинал бобами и солёной свининой, которые хранились у него в вещмешке, и всё это запил кофе.

У него было над чем поразмыслить.

Он вытянулся на походном одеяле у костра, закурил и задумался.

Сначала факты.

Факт первый.

В Волчьей Бухте и её окрестностях произошло семь убийств.

Факт второй.

Все жертвы убиты одним способом: разорваны на части, обезображены и частично съедены, словно диким зверем.

Факт третий.

Все улики указывают на то, что нападавшим был огромный и мощный хищник.

Факт четвёртый.

Почти у всех жертв было с собой оружие. Они стреляли в нападавшего, но либо

промахнулись (что маловероятно, учитывая то, что у двоих были дробовики, а из них промахнуться с малого расстояния тяжело), либо их выстрел никак не повлиял на нападавшего.

Факт пятый.

Несмотря на то, что всё говорит о нападении животного, существо атаковало с почти человеческой злобой.

Здесь факты заканчивались.

Лонгтри сделал долгую, глубокую затяжку.

А теперь предположения.

Предположение первое. Нападавший — неизвестный вид животного.

Предположение второе. Нападавший обладает разумом.

Предположение третье. Нападавший, похоже, нацелен на определённую группу людей, но пока неизвестно, как они связаны между собой.

Предположение четвёртое. Преступник связан с местным племенем Черноногих.

Вот так.

Когда с фактами и предположениями разобрались, появилось только больше проблем.

Если это дело рук Черноногих, то каким образом они направляют атаки этого чудовища?

И что насчёт Герберта Бешеного Хвоста, его Братства Черепа и это загадочного Безликого Старика?

Бред сивой кобылы?

Пойдёт ли старый индеец на кучу жестоких убийств, чтобы подтвердить свои легенды и мифы?

Лонгтри понятия об этом не имел.

Его мать была Кроу.

В нём текла кровь индейцев, и в то время, когда он жил в поселении Кроу, пока там всех не вырезали Сиу, он был свидетелем духовной и мистической стороны жизни индейцев.

Но в католической школе он обо всём этом забыл, когда в него начали вбивать христианские законы и заповеди.

И позже, во время жизни с дядей Одиноким Ястребом, мистики было мало.

Одинокий Ястреб был христианином.

Он был человеком практичным и мало верил в сверхъестественное.

Но, несмотря на то, что Лонгтри был плохо знаком со спиритизмом индейцев и их разнообразными сложными мифами и легендами племён, он не отрицал, что в этом мире есть место для тайн.

Для неизвестных, тёмных, древних вещей, которые религия или наука белых никогда не сможет объяснить.

Мир был диким местом.

И хотя не было никого лучше, чем белые, в сборе информации и разбору её на крупницы истины, существовали в этом мире вещи, которые бросали вызов рациональности и научному реализму.

Лонгтри поморщился, понимая, что думает, как суеверный человек.

Но по своей сути, все люди суеверны. Таково их животное начало.

Некоторые люди считали определённые ружья или ножи заговорёнными на удачу.

Конкретное пальто или пара сапог могли принести им удачу или, по крайней мере,

сохранить жизнь в этой нелегкой стране.

Во время службы в армии Лонгтри видел многих образованных офицеров, которые надевали в бой только одни конкретные сапоги, или носили в качестве талисмана счастливую монету или фотографию своих детей.

Суеверия встречались всюду.

И сейчас, и двести лет назад, и будут встречаться ещё через двести лет.

Лонгтри озадачил разговор с Бешеным Хвостом об этом Безликом Старике.

Нечто убивало людей и оставляло гигантские отпечатки, похожие на следы какого-то монстра.

Безумие?

Возможно.

Хотелось бы побольше узнать об этом Братстве Черепа и, особенно, о Кровавом Шаманстве.

Судя по переводу Смеющейся Луны, это и был способ, с помощью которого Безликий призван в этот мир, как какой-то дьявол из христианской преисподней.

Но... Господи.

Монстры?

Демоны?

«Ты — законник», — сказал себе Лонгтри.

Действительно.

Законник. Блюститель порядка. Федеральный маршал Соединённых Штатов. Офицер.

Человек фактов, а не иллюзий.

Он не работает с индейскими суевериями и полузабытыми народными преданиями.

И всё же, Лонгтри был напуган.

Он бы никогда этого не признал. Но он боялся.

Это был глубоко коренившийся страх, заставлявший сжиматься всё внутри, и Лонгтри ничего не мог с ним поделать.

После всего, что он делал, после всех опасностей, с которыми он сталкивался, напугало его именно это.

Он боялся, как никогда в жизни.

«Береги себя, ведь грядёт Лунный Череп».

Эти слова лишали его духа.

Дьяволы. Монстры. Первобытные звери.

Вот названия для подобных вещей; для зверей, что бродили по одинокой деревне.

Лонгтри много прочёл за свою жизнь и знал кое-что из фольклора.

Знал, что даже в европейской литературе есть свои страшилища — постоянные герои примитивных и мрачных ужасов.

Богарты, огры и другие пожиратели плоти.

Существа с когтями и зубами, живущие в темных лесах.

«Всё, хватит, — подумал Лонгтри. — Хватит!»

И вдруг со стороны залитой лунным светом деревни он услышал вой.

Низкий, отвратительный, жуткий звук, гармонично вплетающийся в такие же мрачные мысли Лонгтри.

Маршал прикусил нижнюю губу. Его мысли вдруг заполнили видения из ночных кошмаров; жуткие вещи, теньями проносящиеся среди захоронений и кладбищ.

Невероятный кошмар с красными глазами, длинными когтями и острыми зубами ждал заблудившихся путников на замёрзших, забытых тропах...

Лонгтри потрянул головой, пытаясь избавиться от видения.

Монстру из мифов индейцев даровали жизнь, и сейчас он охотится за врагами племени. Безумие.

Ночь стихла. Даже конь Лонгтри, казалось, перестал дышать.

Полуночный мир накрыла покрывалом неестественная, жуткая тишина и неподвижность.

В которой снова зазвучал зловещий вой.

9

Шериф Лаутерс возвращался в офис, когда услышал крики.

В ящике шкафа в офисе его ждали полбутылки ржаного виски, и мысль об этом согревала его. Всё, что шерифу сейчас было надо, это спокойный сон.

Он не обращал внимания на затеявших драку у салунов и игорных домов шахтёров.

Он не обращал внимания на непристойное поведение нескольких фермеров возле соседнего здания.

Он видел лишь бутылку и сладкую свободу, которую она предлагала.

И тогда он услышал крики.

Лаутерс остановился как вкопанный.

Он слышал, как кричит человек, раненый выстрелом или лезвием ножа, или даже оскальпированный.

Но этот крик был не похож ни на что другое.

Это был леденящий кровь вопль, от которого вдоль позвоночника бежал холод.

И который вызывал чувство отвращения.

Крик повторился. На этот раз слабее.

Он доносился со стороны лавки кузнеца.

Несколько человек уже бежали в том направлении с вытянутыми из-за пояса пистолетами.

Лаутерс понёсся вперёд, как молодой, распахивая локтями и мужчин, и женщин.

Сейчас не время для любезностей.

Когда он обогнул лавку и вбежал в узкую улочку позади здания, люди уже брезгливо отворачивались и отходили в сторону.

Райкерс, кузнец, держал в руке фонарь, и то, что он высвечивал, было ужасно.

Лаутерс знал, что это был Дьюи Мейхью.

Он каким-то образом понимал это в глубине души.

Мейхью лежал на утрамбованном снегу, и во всех направлениях от него была разлита и разбрызгана кровь.

Он подгибал ноги к животу, пытаясь руками запихнуть внутренности обратно через рваную рану на животе.

Плоть Мейхью была рассечена, по меньшей мере, в полдюжине мест, и из каждой раны текла кровь.

Левая сторона его лица была содрана до мышц.

Ноги были сломаны и вывернуты под странными углами, а кости торчали через дыры в штанах.

Шея с левой стороны тоже была разорвана, и там отсутствовал огромный кусок плоти.

Кровь шла из носа, ушей, рта... Слишком много мест, чтобы все сосчитать.

Но он пока не был мёртв.

И даже пытался говорить.

Лаутерс упал на колени рядом с ним, стараясь расслышать то, что говорил Мейхью.

Кровь булькала в его горле, губы дрожали, а единственный оставшийся глаз незряче уставился перед собой.

— Что? — тихо произнёс Лаутерс. — Скажи мне.

Мейхью пытался выговорить.

Лаутерс поднёс ухо к разорванным, окровавленным губам мужчины.

— Эти глаза..., - бормотал Мейхью. — Эти красные глаза...

Его тело задёргалось и затихло.

— Проклятье, — пробормотал Лаутерс, поднимаясь на ноги. — Этот человек мёртв. Так что расходитесь. Все. Сейчас же.

Зеваки медленно покинули место происшествия, оставив там только Лаутерса и Райкерса.

Лаутерс подошел к мужчине, который, несмотря на своё мощное телосложение, дрожал как осиновый лист, а с обычно багрового лица отлила вся кровь.

— Ты его нашёл? — спросил шериф.

— Ага, — медленно ответил Райкерс. — Я... Я услышал крик... Зажёг фонарь и вышел на улицу... Господи, о Господи...

Лаутерс повернул его спиной к телу.

— Что ты видел?

— Что-то... Что-то бежало... Не знаю...

— Чёрт, парень, соберись и подумай, — скомандовал Лаутерс. — Это важно.

Райкерс тяжело сглотнул.

— Всё произошло так быстро... Я не уверен...

— В чём? Расскажи мне! — тряхнул он кузнеца за плечи.

Райкерс вырвался из хватки, лицо страдальчески исказилось.

— Фигура... тень... гигантская. Господи, да я не знаю! Что-то очень быстро бросилось по переулку.

— Как оно выглядело?

Глаза Райкерса остекленели.

— Как дьявол.

10

Тело привезли на фермерской повозке в похоронное бюро Вайноны.

Вайнона была, как всегда, мертвенно бледна, но, несмотря на поздний час, была рада новому клиенту.

«У меня всегда найдётся место для еще одного», — любила она повторять.

— Что-то мы стали часто видаться, шериф, — произнесла она. — Не думала, что так

будет, пока...

— Заткнись, Вайнона, — огрызнулся Лаутерс.

— Ах, да... — произнесла владелица похоронного бюро, стягивая с останков Дьюи Мейхью брезент. — Жизнь продолжается. К сожалению.

Чёрный юмор уже вошёл у неё в привычку. Вайнона улыбнулась собственной шутке и провела быстрый осмотр.

— И во что же ты вляпался? — спросила она, глядя на безжизненное лицо. — Не переживай, я приведу тебя в порядок.

— Меня от тебя в дрожь бросает, Вайнона.

Женщина вскинула брови.

— То, что они мертвы, не значит, что они перестали быть людьми, шериф. Уверена, что они по-своему наслаждаются моей болтовнёй. Люди обращались с ними, как с кусками мяса, а я отношусь к ним, как к людям. Я отношусь к ним с тем же достоинством, что и к живым. А вам бы этого не хотелось?

— Просто покончи со всем и побыстрее, чёртова упырица.

На этот раз Вайнона осмотрела труп тщательнее. Проверила каждую рану и каждую ссадину. И пожала плечами.

— Я не могу сказать вам ничего нового, шериф, чего бы вы ещё не знали.

— То есть?

— Этот мужчина умер от большой кровопотери. Похоже, на него напало какое-то животное.

Кто-то вошёл в комнату, и Вайнона перевела взгляд.

Уголки её губ слегка дёрнулись в улыбке.

— Преподобный Клауссен, — произнесла она, ожидая неприятностей и предвкушая их.

— Во плоти, — ответил Клауссен.

Лаутерс потёр глаза и взглянул на преподобного с отвращением.

— Добрый вечер, преподобный.

— Ну какой же он добрый, шериф! — воскликнул Клауссен, сжимая в руках распятие и молитвенник. — Это вечер убийств и хаоса. Люди не могут выйти на улицы этим вечером, опасаясь за собственные жизни и...

— Как скажете, преподобный.

Вайнона по-прежнему улыбалась, наслаждаясь этой перепалкой.

Она аккуратно срезала с тела остатки одежды.

Клауссен прижал молитвенник к сердцу.

— Отче наш! — произнёс он. — Зло среди нас. Свирепое дьявольское чудовище. Дай нам наказ! Мы молим тебя об избавлении от...

— Закройте на хрен свой рот, — сорвался Лаутерс.

Клауссен взглянул на шерифа так, словно тот его ударил.

— Да вы, сэр, еретик!

— Нет, я просто смертельно устал и не хочу сейчас слушать всю эту чушь про господи.

— Да как вы смеете?!

Вайнона перестала разрезать ткань.

— Вайнона, ты знаешь, где меня найти, если буду нужен, — произнёс Лаутерс, поднимаясь со стула. — Лучше я уберусь отсюда, пока моими стараниями наш дорогой преподобный отец не стал ещё одним вашим клиентом.

— Вы будете в тюрьме? — уточнила Вайнона.

— Скорее уж, в ближайшей таверне, — вклинился Клауссен.

Лаутерс стиснул зубы.

— Заткни свою грёбаную пасть.

— Ваши слова, сэр, снова не достигнут моих ушей. Господь защитит меня от жестокого и недалёкого человека.

Но шериф уже скрылся за дверью.

Уж каким-каким, а недалёким Лаутерс не был.

11

Взошла луна.

Жирный жёлтый круг, освещавший Волчью Бухту тусклым, мрачным светом, отражавшимся от снега, льда и промёрзшей земли.

Вайнона Спенс смотрела на город из окон своей квартиры, расположенной над похоронным бюро.

Она размышляла над тем, что рассказал ей Джо Лонгтри.

Неужели такое возможно?

Чудовище с человеческим разумом?

Невероятно.

Вайнона отвернулась от окна.

На подоконнике горели расставленные свечи.

Они горели неестественным оранжевым светом и отбрасывали на стены тени.

Когда Вайнона двигалась, тени танцевали, кружились и крались за ней.

У неё была припасена бутылочка виски. Хорошего виски, ввезённого из Ирландии и купленного в Батон-Руж.

Даже этикетка была на гаэльском языке.

Не дешёвое пойло, отдающее забродившей ослиной мочой, которое обычно подавали в Волчьей Бухте.

Такие помои подходили только фермерам и шахтёрам, которые хотели лишь напиться, подраться и потрахаться, но не удовлетворяли искушенных гурманов.

Любовь к хорошему виски, как и похоронное дело, Вайнона получила в наследство от отца.

Мёртвые её не пугали: они были старыми друзьями и приятелями по детским играм.

Она росла рядом с их серыми лицами и пустыми, незрячими глазами.

Вайнона провела много-много часов с отцом, пока он шил и клеил тела, приводя их в приличный вид, над которым можно поплакать на похоронах. А в городке вроде Волчьей Бухты всегда было множество трупов.

Поножовщина. Перестрелки. Драки. Периодические повешения.

А ещё здесь были шахты и постоянные ссоры между фермерами-конкурентами.

И это даже если не учитывать смерть от естественных причин.

Да, в конце концов, все дороги ведут в морг.

Те, кто отвергал Вайнону при жизни, попадали к ней после смерти.

Это радовало Вайнону.

Когда она была молода, впервые влюбилась и почувствовала влечение к противоположному полу, парни сторонились её.

Она никогда не была, так сказать, физически привлекательной, и скорее напоминала скелет, чем соблазнительную девушку.

Вайнона от природы была худой и костлявой.

Её кожа была холодной на ощупь.

И она была дочерью гробовщика.

Конечно, парни не уставали ей об этом напоминать. Как и девушки.

Да если бы Вайнона была прокажённой, у неё и то было бы больше друзей!

Она не общалась с парнями и девушками, а незадолго до её десятого дня рождения умерла мать Вайноны. Девочка помнила, как отец скрупулёзно готовил её маму для погребения. Вайнона всё глубже и глубже уходила в себя, и к шестнадцати годам она почти превратилась в отшельницу, проводящую любую свободную минуту с отцом, помогая ему с работой.

Мертвецы стали ей друзьями.

Она придумывала тайные взаимоотношения с каждым из них, давала им имена.

Вайнона пела им песни, играла с ними в игры, рассказывала истории и делилась секретами.

И ей всегда было грустно, когда приходилось с ними прощаться.

И в тёмных уголках её мозга укоренилось дурное семя: возможно, однажды она сможет обрести особого друга.

Друга, который останется с ней.

Друга, которого не придётся отдавать сырой земле и пирующим червям.

И у Вайноны была ещё одна общая с отцом черта: она грабила мёртвых.

Называйте это осквернением, если хотите, но для Вайноны это было всего лишь способом пополнить свой доход.

Часы, ювелирные изделия, серебряные пуговицы. Она сбывала их ювелиру в Неваде, который не задавал лишних вопросов.

Золотые зубы уходили на переплавку для колец и цепочек для ожерелий.

Кто-то может назвать Вайнону омерзительной, но она не была расточительной.

Она то и дело получала выгоду от своих клиентов.

Обычно к тому времени, как тела попадали к ней на стол, они уже были обворованы.

Но если нет... Вайнона ликовала. Дополнительный доход.

Даже хорошая пара сапог или неповрежденная шляпа могли принести хорошие деньги.

А почему такие сокровища должны гнить в земле?

Вайнона налила в стакан виски и начала медленно задувать свечи, пока единственным освещением в комнате не стало жёлтое пламя камина и безжизненный свет луны, падающий сквозь стекло.

Она отперла дверь в спальню и села на кровать, на бархатное лиловое покрывало, откинув голову на грудку пуховых подушек.

Рядом с ней на кровати кто-то неподвижно лежал.

Вайнона вздохнула.

— Ох, Мэрион, что это был за день! Захватывающий и необычный, — произнесла она, делая глоток виски. — Ещё больше убийств. Ещё больше работы. И очень интересный человек. Джозеф Лонгтри, заместитель федерального маршала. Обворожительный мужчина.

Что? Ой, не надо себя так вести, он для меня абсолютно ничего не значит...

12

Помощник Боус смотрел, как в комнату входит шериф, и был рад видеть, что его начальник на этот раз трезв.

— Ещё один? — спросил он.

Лаутерс уселся за стол.

— Дьюи Мейхью.

Боус поставил перед шерифом чашку кофе.

— Полагаю, нет смысла спрашивать о подробностях. Я и так их уже все знаю.

Лаутерс кивнул.

— Такие же трёхпалые отпечатки на снегу со шпорой на пятке. Проклятье!

— Может, стоит попытаться их отследить?

Лаутерс не ответил.

Он уставился перед собой, и губы его беззвучно шевелились.

Он отхлебнул сразу треть чашки кофе и открыл нижний ящик стола.

Достал оттуда початую бутылку ржаного виски, вытащил зубами пробку и плеснул в чашку с кофе.

— Что нового за сегодня? — спросил он, проглотив напиток и поморщившись.

— Почти ничего. Только шахтёр по имени Эзра Хоулсем под арестом.

— Хоулсем?

Боус почесал подбородок и усмехнулся.

— Ага. Проиграл пять сотен у Руби в баре и не захотел платить, вот и полез на ножом.

Лаутерс поднял голову.

— Перестрелка была?

— Нет, я его отговорил.

Да, надо отдать ему должное: в этом Боус был хорош.

Лаутерс ещё ни разу не пожалел, что назначил его своим помощником.

У него был врождённый дар — успокаивать горячую кровь и разъярённых зверей тщательно подобранными словами.

Он мог с одинаковой легкостью переубедить и вооружённого бандита, и безумного краснокожего.

Лаутерс подумал, что он мог бы и монашку заставить раздеться.

— Расскажите о случившемся? — спросил Боус.

Шериф кивнул.

— Когда я подбежал, Мейхью был ещё жив.

— И что он сказал? — пристально глянул на начальника Боус.

Лаутерс рассказал ему. Рассказал, что видел кузнец Райкерс.

— Он бормотал, что существо выглядело, как дьявол, — Лаутерс отхлебнул прямо из бутылки. — Чёртов дьявол. Что это может значить?

Боус пожал плечами.

— Думаете, в этом что-то есть?

Лаутерс дёрнул плечом.

— А хрен его знает! Завтра прикажу Джонсону напечатать пару плакатов с надписью «Разыскивается». Это привлечёт профессиональных охотников. Не повредит.

— А оно не стало нападать на Райкерса?

— Даже не пыталось. Он вышел с фонарём и спугнул зверя. Повезло, что остался в живых.

Боус вздохнул.

— Лонгтри считает, — осторожно начал он, — что убийства связаны. Что чудовище охотится за определёнными людьми.

Лаутерс сделал ещё глоток.

— Ты в это веришь?

— Я больше не знаю, во что верить.

— Да Лонгтри свою собственную задницу не узнает, сынок!

— И всё же... Он, похоже, умён.

Лаутерс промолчал.

А что ему было говорить? Он и сам знал, что Лонгтри не дурак.

Знал не хуже любого другого, но никогда не смог бы признать этого. Не смог бы себя заставить.

Вмешательство федералов всегда было больным местом Лаутерса.

И вот снова приходит этот чёртов маршал, и вдобавок ко всему — с проклятыми индейскими корнями.

Хитрый, умный сукин сын.

Лаутерсу не нравилось, что такой человек начинает тут всё разнюхивать.

В слишком многих шкафах в этом городе были скелеты, и последнее, что Лаутерсу было нужно, это чтобы какой-то полуиндеец с грохотом вывалил их наружу.

К тому же, как это будет, мать вашу, выглядеть: отчаянный, коварный индейский ублюдок с лёгкостью разберётся с грёбаными убийствами, пока Лаутерс будет бегать по деревне и чесать жирный зад?

Не хорошо, вот как.

Но убийства...

Господи. Эти тела...

Лаутерс помимо своего желания подумал, что был бы не удивлён, если Райкерс оказался бы прав, и в Волчью Бухту пришёл сам сатана.

И следы...

Лаутерс снова сделал глоток из бутылки.

Виски потёк по подбородку.

Но шериф даже не потянулся, чтобы вытереть кожу.

Он просто смотрел перед собой широко распахнутыми, налитыми кровью глазами.

И губы нервно дрожали.

— Всё в порядке, шериф?

— Да, — ответил Лаутерс, заглядывая в янтарные глубины бутылки. — Но я до смерти напуган.

Было уже около двух, когда Лонгтри услышал, как приближается лошадь.

Он заснул около часа назад и моментально проснулся от постороннего звука.

Годы охоты за людьми, которые, в свою очередь, охотились за ним, сделали его сон чутким.

Он просыпался практически от любого звука. Иногда даже зашумевшего в ветвях ветра было достаточно.

Лонгтри вылез из-под одеяла. Конь фыркнул.

Всадник остановился на краю леса, окружавшего маленький овраг.

— Подойди, — крикнул Лонгтри, подняв пистолеты.

Всадник медленно спустился в низину, его конь мягко и ритмично ступал по снегу.

Лонгтри бросил несколько брёвен в затухающий костёр, и всё вокруг осветило рыжее пламя.

Всадник был индейцем, без сомнений.

Длинный плащ из кожи буйвола, затянутый под подбородком и седло из недублёной кожи.

Только вот это был не «всадник». Всадница. Смеющаяся Луна из лагеря Черноногих.

На ней были варежки из кожи буйвола, а за плечом висела старая винтовка.

Женщина привязала коня и присела к огню.

— Наверно, ты последний человек, которого я ожидал здесь увидеть, — произнёс Лонгтри, пряча пистолеты, садясь рядом с ней у костра и доставая сигарету.

— Ты пришёл задать вопросы, — начала Смеющаяся Луна. — Теперь я пришла за тем же.

Лонгтри кивнул.

— Справедливо. Кто тебя послал? Бешеный Хвост?

Она пристально посмотрела на него огромными карими глазами, в которых отражались языки пламени. Казалось, огонь горит где-то внутри неё.

— Я же сказала: теперь мой черёд задавать вопросы, — резко произнесла она, но затем чуть смягчилась: — Я пришла по своей воле.

— Ты хорошо говоришь на английском, — заметил Лонгтри, не уточняя, где она его выучила.

— Меня учили белые.

Лонгтри кивнул.

— Меня тоже.

— Почему ты здесь? — спросила женщина. — Почему к этому расследованию привлекли правительственные службы?

— Здесь убивают людей. Меня прислали, чтобы я узнал почему.

Он вкратце рассказал ей о проблемах, которые могут вызвать произошедшие убийства: о шахтах, территориях резерваций и ненависти между белыми и краснокожими.

— И ты считаешь, что способен со всем этим справиться?

— Нет, но я могу попытаться.

Блики костра отбрасывали тени на его лице.

— Кто-то должен этим заняться. Всё вышло из-под контроля. Если так и будет продолжаться, люди станут уезжать из Волчьей Бухты. Возможно, это хорошо для твоих людей, Луна, но не для белых.

Она никак не отреагировала на эти слова.

— И ты не уедешь, пока не закончишь дело?

Лонгтри покачал головой.

— Не могу.

— Даже если остаться — значит, встретить свою смерть?

Он пожал плечами.

— Я рискну. За это мне и платят.

— Ты очень упрям. И очень глуп.

Она спустила с плеч накидку из кожи буйвола и позволила ей упасть на землю.

От костра шло тепло. Лонгтри тоже сидел в одной рубашке.

Он сидел, курил и смотрел на Смеющуюся Луну.

Она что-то знала. И он хотел разузнать, что именно.

— Стада буйволов редуют, — произнесла женщина. — Скоро мои люди начнут голодать, как и все остальные равнинные племена. Мы — вымирающая раса.

Он печально смотрела на землю перед собой, переживая не за себя — за весь свой народ.

— Из всех унижений, которым подвергли нас белые, это самое страшное. Они отнимают у нас способность прокормить и одеть себя. Мы станем племенем попрошайек, пытающихся накормить своих детей. Да, мы не любим белых, но простили бы им это, если бы это было случайностью. Но это не случайность.

Она не сводила хмурого и гордого взгляда с костра.

— Армия нацелена на истребление буйволов, и когда все животные падут, мы тоже умрём.

— Думаю, армия хочет остановить Сиу и Шайеннов, — заметил Лонгтри. — Тогда закончатся войны с индейцами.

— А мы здесь причём? — воскликнула Луна. — Почему мы должны погибнуть вместе с ними?

Лонгтри вздохнул.

— Если бы у меня был ответ...

— Твой народ — Абсарока, Кроу — воевали на стороне плоскоголовых против нас...

— А ещё мы воевали против племени Дакота.

— Вы воевали против нас, — повторила женщина.

Лонгтри стряхнул пепел сигареты.

— А разве у Кроу был выбор? После набега Черноногих, которые без всякой жалости вырезали всё племя? С Черноногими нельзя примириться, Луна. Они не мирное племя.

Смеющаяся Луна оставила его слова без внимания.

— Кроу воевали на стороне белых и против нас, и против других племён. И куда это их привело? О них забыли, их отшвырнули, когда они перестали быть полезными для белых. И сейчас Кроу осталась лишь небольшая горстка, Джозеф Лонгтри. Теперь это голодающая, побеждённая раса, вымирающая от болезней белых.

— Я знаю, что произошло, — ответил Лонгтри. — Я всё знаю.

— Белые коварны.

— Не все.

— Твоя мать была Кроу. Как ты можешь так говорить?

— А мой отец был белым. И ни то, ни другое не имеет ничего общего с тем, почему я здесь, — терпеливо пояснил Лонгтри. — Я пришёл не для того, чтобы командовать

индейцами. Я здесь для того, чтобы остановить убийства или, по крайней мере, выяснить, почему они происходят.

— Для тебя это на столько важно?

— Да, — отрезал мужчина. — А теперь я буду задавать вопросы, а ты — на них отвечать. Расскажи мне о Братстве Черепа.

Смеющаяся Луна пожала плечами.

— Это братство мужчин. У нас их много, как и у большинства племён. Есть Братства Медведя, Бобра... Говорят, что Бобры — самые мощные духовно, а из Волков и Медведей выходят лучшие охотники и воины. Но самым древним и самым тайным обществом является Братство Черепа. И оно же — самое опасное.

— Почему?

— Потому что..., — она поджала губы, всем своим видом показывая, что это тайна, — потому что они обладают силой вызывать Безликого.

— И что это за Безликий?

— Сверхъестественная сущность. Ничего более. Согласно нашим верованиям, Безликий исправляет то, что пошло неправильно.

Лонгтри посмотрел на Луну, понимая, что она знает больше, чем рассказывает, но женщина старалась избегать его взгляда.

— Расскажи мне об этом.

Она продолжала некоторое время смотреть на огонь.

— Говорят, — начала она, наконец, — что члены Братства Черепа могут изменять форму и переносить себя в иную сущность.

Она замолчала, давая Лонгтри время осознать сказанное.

— Это довольно распространенное среди моего народа убеждение. Братство Медведя, например, считает, что они могут принимать форму своего духовного наставника — Великого Медведя, а Братство Волка верит, что способно превращаться в волков.

— Ты в это веришь?

— Я верю во многое.

— Но в это ты веришь? У белых есть особое слово для обозначения людей, способных менять облик. Знаешь, какое?

— Оборотни, — тихо ответила Смеющаяся Луна.

Лонгтри кивнул.

— Если верить легендам.

Женщина никак не отреагировала на упоминание оборотней.

— Говорят, что древние были в союзе со многими существами, часть из которых уже не ходит по этой земле. Они стали далеким воспоминанием. Люди охотились с ними, пытались походить на них. Меняли кожу, под которой находились шкуры волков или медведей. Всего этого они добились с помощью Кровавого Шаманства, о котором говорил мой отец.

Лонгтри швырнул сигарету в огонь.

— Ладно, с Братствами Волков и Медведей мы разобрались. Я не насмехаюсь над их верованиями. Но что насчёт Братства Черепа? Во что превращаются они под действием Кровавого Шаманства?

— С помощью Кровавого Шаманства член Братства может стать Безликим.

— Что ещё?

Женщина снова замолчала, а потом повернулась к Лонгтри и пристально посмотрела

ему в глаза, заставив мужчину вздрогнуть.

Свет и тени плясали на её лице.

— Говорят, мой дед был оборотнем. Он часто охотился в облике животного. И такими были его отец и отец его отца.

— А Бешеный Хвост?

— Да, он тоже.

Лонгтри облизал губы.

— Ты хочешь сказать, что твой отец убивает этих людей в облике животного? Какого-то первобытного чудовища? Безликого Старика?

Смеющаяся Луна разозлилась.

— Нет! Ты хотел узнать о Братстве Черепа, вот я тебе и рассказываю.

Но так ли это? Может, она просто хочет его запутать?

«Нет, — решил Лонгтри. — Она лишь рассказывает легенды племени, ничего больше».

Люди не превращаются в животных.

Не существует оборотней-волков.

Не существует оборотней-медведей.

Не существует Безликого Старика.

Если он станет верить в такую чушь, значит, пора сдавать значок и увольняться.

Безумие.

— Год назад, — продолжила Луна, — в Волчьей Бухте была убита местная белая девушка. Её звали Карпентер. Она была изнасилована, а затем зарезана. Красного Лося, моего брата, арестовали по обвинению в этом преступлении.

— А он это делал?

— Нет, он бы никогда так не поступил, — уверенно произнесла женщина. — У него была честь. Его нашли склонившимся над телом, и естественно, белые решили: раз он индеец, значит, он виновен.

Её губы сжались в тонкую линию.

— Его арестовали и посадили за решётку. А двое суток спустя, ночью, туда ворвались линчеватели и повесили его, — она выдавила сухой смешок. — По крайней мере, такую историю рассказал всем шериф Лаутерс.

— И ты считаешь, что он солгал?

— Да. Не знаю, зачем, но уверена, что он кого-то покрывает.

Слова Смеющейся Луны укоренили в Лонгтри росток сомнения.

— В последние годы местные фермеры часто сталкивались с угоном скота. Красный Лось говорил мне, что знает, кто входил в банду похитителей.

— Значит, его арестовали и линчевали, чтобы заткнуть ему рот? — уточнил Лонгтри.

— Думаю, да. Но есть ещё кое-что. После того, как моего брата повесили, начали ходить слухи, в основном среди белых, что Красный Лось не убивал ту девушку. Говорили, что он наткнулся на умирающую, и она в последние минуты жизни рассказала ему, кто на неё напал.

— Кто-то из банды?

— Это было бы логично, не так ли? Красный Лось знал, кто похититель скота, и знал, кто напал на девушку.

Лонгтри вздохнул.

— Это просто догадки.

— Догадки? Я виделась с братом в тюрьме за день до того, как его линчевали. Он сказал мне, что знает, кто убийца, и в зале суда собирается разоблачить не только нападавшего, но и всю банду.

— Но он не сказал тебе, кто это?

Луна качнула головой.

— Он сказал, что мне слишком опасно это знать.

Лонгтри задумался: в рассказанном был некоторый смысл.

Если Красный Лось действительно знал похитителей и убийцу, тогда определённые личности имели все основания посадить его в тюрьму, а потом и убить до того, как он предстанет перед судом.

Но Лаутерс? Какова его роль в этом?

Логика подсказывала Лонгтри, что он входил в банду, но убийцей был некто другой.

Лаутерс не хотел, чтобы убийца появился в суде, потому что в шаге от виселицы он мог всех сдать.

И тут появляется Красный Лось, которого застали согнувшимся над телом. Идеальная замена.

После этого всё встало на свои места.

Банда понимала, что Красный Лось знает о них.

В этом был смысл... И это бы всё объясняло... Но было ли это правдой?

Лонгтри скрутил новую сигарету и прикурил от уголька.

— Кто застал твоего брата склонившимся над трупом? - спросил он.

— Шериф Лаутерс.

Лонгтри поморщился.

Чёрт. Теперь всё слишком очевидно. Или нет?

Не стоит делать поспешных выводов. Надо разобраться во всём медленно и вдумчиво.

Проверить всё тихо, насколько это возможно.

Если Лаутерс замешан во всём и выяснит, что Лонгтри вынюхивает... Станет опасно.

И всё же... Ничего из рассказанного не объясняло череду убийств.

— Я займусь этим, — пообещал маршал. — Но моей первоочередной задачей всё равно останутся убийства.

— Возможно, если ты разберёшься с одним преступлением, ты раскроешь и остальные.

Лонгтри посмотрел на женщину.

Смеющаяся Луна знала гораздо больше, чем говорила, но была очень упряма.

Она не расскажет больше, чем сама решит.

Такую женщину, как Луну, нельзя принудить к ответу.

Он должен был завоевать ее доверие, и единственный способ это сделать — это расследовать смерть её брата и причины его убийства.

Шаг за шагом.

— Временами мне кажется, — заметил Лонгтри, — что ты пытаешься сказать мне, что эти убийства совершены из-за мести.

Женщина пожала плечами.

— Это ты должен выяснить сам.

Лонгтри решил не давить. Он и так подозревал, что между убитыми существует связь, и вот она: скорей всего, все они — угонщики скота. Те же, кто линчевал Красного Лося, и

один из них был убийцей девушки.

«Тише, — предостерег он себя. — Будь осторожен. Она может лгать».

Он пока не принял решение. Он всё изучит и уже потом сделает выводы.

Он понял, что всё это время смотрел ей в глаза. А она — ему.

Он наклонился вперёд, и она обхватила его лицо руками, страстно целуя.

Вдруг она отстранилась и сбросила платье. Лонгтри последовал её примеру.

На её гибком теле плясали оранжевые отблески костра. Лонгтри целовал её грудь, живот: всё, до чего мог дотянуться.

Она обвивала его ногами и отвечала с не меньшей страстью.

Но даже когда он входил в неё мощными толчками и, не отрываясь, смотрел в дикие, голодные глаза, он видел перед собой лицо Лаутерса.

Но недолго.

Чуть позже они лежали у костра, завернувшись в одеяло Лонгтри.

Ночь была холодной, но они вспотели и были переполнены тем приятным теплом, которое приходит только после секса.

Они долго молчали. В словах не было нужды.

Ветер был прохладным, но стена сосен вокруг оврага, где они лежали, не давала ветру разбушеваться.

Над головой мерцали звёзды.

Приподнявшись на локте, Смеющаяся Луна спросила:

— Тебя воспитали в миссионерской школе?

— Частично, — Лонгтри рассказал её о набеге Сиу, разрушении его деревни и убийстве семьи. — Можно сказать, что меня воспитали в равной степени и Кроу, и белые.

— Белые всегда пытаются всё классифицировать, ты заметил?

— Да.

— Всё должно быть помечено, организовано и разделено на определённые категории. Странно.

Лонгтри захохотал.

— Им кажется, что так жизнь становится проще.

— Мой отец, Герберт Бешеный Хвост, очень мудрый человек, — продолжила Луна. — Когда я была маленький, он дружил со многими белыми. Когда они построили в Вирджинии миссионерскую школу, он отправил меня туда, чтобы я изучила образ жизни белых. Там я выучила их язык и познакомилась с их богом. Отец говорил, что белые обладают знаниями сильного шаманства.

— Он был прав, — признал Лонгтри. — Я тоже постиг это на собственном опыте.

— Как и мой народ. Бешеный Хвост хотел, чтобы я узнала про их уклад жизни и поняла, что, несмотря на то, что они способны на сильное шаманство, они злоупотребляют им. И я это поняла. Он хотел, чтобы я осознала, что бог белых и его учения мудры, но белые не следуют им. Это я тоже поняла. Белые люди расточительны, Джозеф Лонгтри. Они разрушают то, чего не могут понять, и смеются над тем, во что не могут вникнуть. У них есть бог, но белые оскверняют его, не следуя его учениям.

Лонгтри не мог с этим спорить.

Религия белых, в отличие от религии индейцев, была по существу вопросом выгоды.

К ней обращались только, когда это не мешало другим стремлениям и потребностям.

— Белые люди разделяют природное и сверхъестественное, в отличие от моего или

твоего народа. У нас нет слов, которые бы их разделяли. Они едины, — заметила Смеющаяся Луна. В её глазах отражались всполохи. — Если бы белые верили в это, то смогли бы принять нас. А мы — их.

— Наверно, ты права, — кивнул Лонгтри. — Всё, что мы тут видим, это последствия столкновения двух культур.

— Ответь мне на вопрос, — попросила Луна, проводя длинными тонкими пальцами по щеке Лонгтри. — Раз ты наполовину белый, веришь ли ты в сверхъестественное? Или доверяешь лишь тому, что можешь потрогать, увидеть и коснуться?

Это был непростой вопрос.

И единственный способ ответить на него — рассказать ей о Дьябло.

— Это произошло в Оклахоме, на границе с Нью-Мексико. Много лет назад. В то время я был охотником за головами. Один человек заплатил мне, чтобы я привёз ему тело...

14

Джозеф Лонгтри проехал почти триста двадцать километров, чтобы забрать тело, и всю дорогу дул дьявольский пронизывающий ветер.

Он пришёл с севера, проносясь по сухой выжженной земле.

Когда Лонгтри, наконец, добрался до Дьябло, он понял, что что-то не так.

Перед ним лежал обычный для пограничных территорий заброшенный городок с лежащими на улице скелетами. Покинутые, заколоченные досками дома были разрушены ветрами и палящим солнцем.

На улице никого не было, и Лонгтри это не понравилось. Ещё год — и это место станет новым городом-призраком, пылью в пустыни, без людей и надежды.

Как только Лонгтри получит то, зачем явился, он сразу свалит отсюда.

— Вот дерьмо, — выругался он себе под нос и направил повозку вниз по черной, пустынной улице.

И без того громкий топот копыт по утрамбованной глине отдавался эхом от заброшенных зданий.

Через дорогу гонялись друг за другом два перекасти-поля.

У Лонгтри по бокам к седлу были прикреплены два фонаря, но они давали недостаточно огня, чтобы осветить дорогу.

Лонгтри словно пробирался сквозь тёмный-тёмный тоннель.

А в дальнем его конце был свет и люди.

Перед салуном стояли привязанные кони, на улице горели разложенные костры, и рядом с ними толпились люди.

Лонгтри остановил повозку на разумном от них расстоянии и спешил.

Индейцы, без сомнений.

Из района Пэнэндл в Оклахоме.

Это был не его народ, не народ его матери.

Она часто говорила маленькому Лонгтри, что Кроу отличаются от остальных племён.

И Сиу, и Юта, и Плоскоголовые, и Банноки — все были отдельными народностями.

Общими у них были только солнце, луна и звёзды, больше ничего.

Но белые учителя Лонгтри рассказывали мальчику, что все индейцы одинаковы —

язычники и дикари, ни больше, ни меньше.

А в мрачные дни службы разведчиком в армии и боёв на ринге его не заботило ничего, кроме денег.

Все люди — и белые, и краснокожие — были для него дикарями.

Лонгтри считал, что не принадлежит ни тому, ни другому миру, поэтому в равной степени ненавидел оба.

* * *

Он смотрел на индейцев, а они смотрели на него.

Исхудавшие, обессиленные, завёрнутые в драные, поеденные молью покрывала и пыльные плащи.

«Зуни», — решил Лонгтри.

Они изучали его полными насмешек и ненависти глазами, запавшими на костлявых лицах.

Да кто они такие, чтобы подобным образом смотреть на Лонгтри?!

Жалкие, безнадежные сукины дети, которые выпрашивали крошки в городах белых людей и грелись вокруг костров в шкурах буйволов?!

Лонгтри презирал их.

Он привязал лошадей так, чтобы вороватые краснокожие не сбежали с ними прочь, и, забрав ружье и седельные сумки, вошёл внутрь.

В очаге горел огонь, и несколько унылых пьяных мужчин склонились над стаканами виски и позабытыми картами.

В воздухе пахло мочой, нищетой и страданиями.

За стойкой бара стоял Мекс, низенький толстенький одноглазый мужчина.

Лонгтри положил ружье на стойку.

— Стакан чего-нибудь крепкого, — сказал он Мексу.

Мекс протянул виски.

Лонгтри тайком огляделся.

— Знаешь парня по имени Беннер?

Кто-то направился к Лонгтри сзади, и мужчина резко развернулся, кладя руку на рукоять своего флотского кольта.

— Ну, я Беннер, — произнёс подошедший. Его кожа была настолько изменена ветрами и солнцем, что его можно было принять за индейца племени Арапахо. — Ты за телом?

— Ага, — рассеянно ответил Лонгтри.

Он прислушивался к суматохе на улице.

Индейцы что-то скандировали, били в барабаны и гремели чётками.

Смешанный со стоном ветра, получался жуткий, тревожный звук.

— Языческий Хэллоуин, — прохрипел Беннер.

Лонгтри поднял взгляд на собеседника, чтобы понять, не шутит ли он, но лицо Беннера ничего не выражало.

— И с каких это пор краснокожие его празднуют? — вскинул брови Лонгтри. — Хэллоуин — праздник белых...

— Он не принадлежит ни одной ветви христианства, — тихо и сдержанно ответил Беннер. -

Хэллоуин — языческий обряд, друг мой.

— Хэллоуин... Здесь? Да это сумасшествие! Ладно бы ещё на востоке, но тут...

Беннер пожал плечами.

— Мы его так и называем — языческий Хэллоуин. Они празднуют его каждый год в эту ночь, — казалось, эта мысль тревожила Беннера. — В общем, давай лучше разберёмся с тем, зачем ты здесь.

Лонгтри залпом осушил стакан и двинулся за Беннером в крохотную дальнюю комнату.

Мужчина чиркнул спичкой и зажёл фонарь.

На массивном столе стоял деревянный ящик.

Сантиметров сто восемьдесят длиной, и смахивал он больше на гроб.

Беннер вскрыл крышку и поднёс ближе фонарь, чтобы Лонгтри мог рассмотреть содержимое.

— Господи, — пробормотал Лонгтри.

Внутри лежал какой-то индейский вождь в шкурах, бусах и ожерельях из зубов животных.

Смуглая кожа цвета дублёной звериной шкуры обтягивала острые кости черепа.

Глаза напоминали две серые ямы, а зубы были сломаны.

Из одной из глазниц выполз жук, и Беннет смахнул его на пол.

— Ему почти две тысячи лет, — сказал он Лонгтри. — Высыхал на солнце и сушился на ветру почти с тех времён, как сюда впервые ступила нога белого...

Лонгтри пожал плечами, подумал о деньгах, которые ему заплатят за это тело в Сан-Франциско и ухмыльнулся.

— Похоже, некоторые готовы заплатить неплохие деньги за что угодно.

И всё же он не мог не думать о том, что ему заплатили деньги за доставку индейского вождя. Что это значит?

— Обычно те индейцы, что сейчас на улице, проводят свои дикарские обряды на холмах, где мы их не увидим, — прошептал Беннер. — Но сегодня они пришли в город, поскольку здесь это тело. Их очень разозлило то, что я его украл. Кажется, для них он является неким божеством.

— Не тянет он на божество, на мой взгляд, — пробормотал Лонгтри.

Беннер пристально на него взглянул.

— У тебя смуглая кожа, друг мой... В тебе ведь нет индейской крови?

— Нет, — солгал Лонгтри.

— Это хорошо. Значит, я могу тебе доверять.

Лонгтри хмыкнул, посмотрел на вождя и содрогнулся: старик выглядел злобным.

Его обтянутый сморщенной кожей череп, казалось, ухмылялся.

И было кое-что ещё, что тревожило Лонгтри.

Когда он внимательно изучал лицо старого вождя, его не отпускало ощущение, что с ним что-то не в порядке, словно кости под кожей лежат неправильно.

Его лицо было неестественно узким, глаза огромными, а челюсти чересчур массивными.

Этот череп больше походил на череп рептилии. Гремучей змеи.

— Надо вынести его через задний вход, — скомандовал Беннер. — Если эти индейцы узнают, что тело исчезло, и это ты увёз его, они будут опаснее, чем выводок змей.

Лонгтри кивнул.

Внезапно Беннет отшатнулся, схватился дрожащей рукой за виски, а его губы побледнели.

Да и сам он стал блее муки.

Полные безумия глаза выпучились, и зрачки задёргались из стороны в сторону.

— Какого хрена? — протянул Лонгтри.

Беннер тряхнул головой, пробормотал несколько непонятных слов и, казалось, успокоился.

На какую-то жуткую секунду Лонгтри показалось, что Беннет видел то, что не видел он сам.

— Я в порядке, — прошептал Беннет.

— Восприимчив к заклятиям?

— Я в порядке, — повторил Беннет. — Наверно, всё дело в месте. Через какое-то время от него начинает тошнить: здесь нет ничего, кроме индейцев, песка и ветра. И долбанных змей.

Он вытер лоб выгоревшей на солнце банданой.

— Лучше бы эти чёртовы индейцы проводили свои грёбанные языческие обряды в другом месте.

Беннер задвинул крышку обратно на ящик и приоткрыл заднюю дверь помещения.

Ветер яростно гудел снаружи. Мужчины принялись за дело.

Лонгтри подогнал повозку к заднему входу.

Ящик весил немного, поэтому загрузить его не составило труда.

— А где ты его вообще нашёл? — шёпотом спросил Лонгтри в темноте.

— Там, на холмах, — нерешительно ответил Беннет. — На каком-то кладбище, которое краснокожие называют Лощиной Старого Бога. Там есть много чего интересного. Наверно, я единственный белый, побывавший в том жутком месте. Это древнее место. И злое, друг мой. Такое только в кошмарах можно увидеть: десять или пятнадцать виселиц с иссыхающими на ветру трупами индейцев, и у каждого такое же дьявольское лицо, как у этого старика. И такие же рожи нарисованы на скалах, черепах... Везде. Да, и скальпы. Господи, их, наверно, тысячи. Натянуты на столбах. И не свежие, а застарелые, успевшие потемнеть на солнце.

Беннет замолчал на секунду и продолжил шёпотом:

— Этот старый шаман и другие, кого я видел... Что-то с ними не так. Я слышал истории о древнем народе... Чёрт, не знаю. Но кто-то ведь научил краснокожих так снимать скальпы.

— Приятель в Тусоне говорил мне, что это начали белые, — произнёс Лонгтри.

Беннер ухмыльнулся.

— И ты в это веришь?

— Не-а. Просто упомянул.

— Если бы ты побывал в той Лощине, ты бы так не думал.

— И где это место? — спросил Лонгтри.

— Около шестнадцати километров на восток, — в глазах Беннета снова промелькнуло прежнее безумие. — Мне рассказал о нём старик из племени Кайова — то ли Охотящаяся Ящерица, то ли Скачущая Ящерица, не помню. Сейчас это был обычный пьяница, готовый душу продать за бутылку, но в прежние времена, бьюсь об заклад, он был отличным шаманом. Он называл это место Змеиными Землями. Сказал, что там есть много золота — больше, чем человек может перенести за неделю. И я купился. Старик получил за рассказ бутылку и отправил на верную смерть белого идиота, то есть, меня. Конечно, золота там не

было — только скальпы, мумии и всё остальное, от чего любой здравомыслящий человек свихнётся.

Лонгтри равнодушно кивнул.

— Золото, говоришь? Может, ты плохо искал?

— Может быть. Я просто хотел убраться оттуда побыстрее. Проклятое место.

— И вместо золота ты взял с собой этого мертвеца?

Беннер отряхнул ладони о ткань брюк, словно пытаясь стереть застаревшую грязь и вонь.

— Ага. Я надеялся, что смогу продать его на каком-нибудь карнавале. Чёрт! Ветер тогда завывал жутко, я в жизни такого не слышал. И змеи, везде змеи! Свернувшиеся возле столбов со скальпами, скрывающиеся среди камней и скал... Я в жизни таких жирных гремучек не видел! Убил с десятков, но еле-еле выбрался живым из этого проклятого места.

— В этих землях полно змей, — заметил Лонгтри.

— Но не таких, друг мой, не таких, — Беннер зловеще усмехнулся. — Если бы ты их видел, заглянул в их дьявольские глаза...

— Я лучше пойду своей дорогой, — ответил Лонгтри, желая одного — убраться побыстрее из этого чёртового городка.

— Надеюсь, бог присмотрит за тобой в пути, сынок.

Лонгтри заплатил ему и отвязал своих коней.

— Удачи, — пожелал Беннер и ушёл.

Несколько индейцев наблюдали за Лонгтри и пытались рассмотреть, что у него находится под брезентом в повозке.

Джозеф положил ружьё и кольт на сидение рядом с собой.

«Если вы хотите стрельбы — вы её получите», — подумал Лонгтри.

Этот старик отправится в музей, и Лонгтри плевать — Хэллоуин у них тут или нет.

Бормотание и пение индейцев стало монотонным, многие плясали в кругу, тряся костями, талисманами с перьями и размахивая черепами.

Лонгтри направил лошадей на дорогу, по которой приехал, и подстегнул животных.

Но едва они перешли на рысь, как индейцы зашевелились.

Многие вскочили на ноги и начали размахивать ножами и ритуальными копьями.

Некоторые мужчины завывали, как безумцы, у которых по жилам течёт горячая смола.

Если бы Лонгтри прежде видел, как индейцы достигают безумной кульминации в обрядах, он бы узнал её. Но он такого раньше не видел.

Лонгтри только знал, что они стоят между ним и свободой. Между ним и его деньгами.

Он оставил их позади в облаке пыли и рассмеялся.

* * *

Это была долгая и трудная поездка среди ночи.

Где-то когда-то он свернул не туда.

Небо застилало плотные тучи, звёзд не было видно, и Лонгтри не мог ориентироваться. Он остался наедине со своей повозкой и лежащим в ней телом.

Лошади сразу начали странно себя вести.

Они шли рывками и тащили повозку по кругу.

Даже удары хлыста не могли заставить их слушать приказы Лонгтри.

И спустя некоторое время мужчине просто пришлось их остановить.

В пустыне было холодно, одиноко и тихо, как в склепе.

Стояла тяжёлая зловещая тишина.

Казалось, сам воздух вокруг Лонгтри был странным: плотным, удушливым; его тяжело было вытолкнуть из лёгких. Словно он имел консистенцию загустевшей смазки.

Лонгтри почти мог чувствовать, как воздух остаётся на его коже тонкой плёнкой.

И пах он странно: специями, древностью и чем-то ещё.

Лонгтри спустился с повозки и не смог сориентироваться.

Лонгтри был разведчиком.

В отряде про него говорили, что Лонгтри может найти горошину в снежную бурю. Но сейчас... Он словно ослеп. Все его чувства — обычно сверхъестественно острые — сейчас молчали.

Его забросили на пустынную равнину какого-то инопланетного мира, и он остался беспомощен.

«Что же это такое? Где я?»

Вокруг было так темно, будто Лонгтри посадили в мешок из чёрного бархата и плотно зашили.

Лошади фыркали, ржали и перебирали копытами.

Лонгтри никогда не чувствовал ничего подобного: по коже побежал холодок, а сердце словно сжали ледяными тисками.

Ему хотелось бежать без оглядки.

Что-то глубоко внутри него требовало этого, истошно вопило в голове: «Беги! Беги, чёртов глупец! Убегай, пока ещё можешь! До того, как...»

Ветер начал завывать сильнее, добавляя проблем с ориентацией.

Дыхание Лонгтри казалось громким, почти оглушающим.

Гул ветра стал тише, протяжнее, и от этого у Лонгтри вдоль позвоночника побежали мурашки.

Звук был далёким, но с каждой секундой всё приближался и напоминал по звучанию сотни бормочущих в унисон голосов, идущих со всех сторон.

Лонгтри издал придушенный вопль и выхватил кольт.

Скалы и горные пики вокруг него, казалось, становились всё выше и выше, поднимались к небу и... и загибались кверху, сжимались, как пальцы в кулаке, пытаясь удержать внутри Лонгтри.

Ветер превратился в бурю. Порывы поднимали с земли пыль, песок и мелкие камешки, которые скрипели на зубах и заставляли Лонгтри зажмуривать глаза.

И со всех сторон продолжали эхом разноситься бормочущие голоса, шепчущие его, Лонгтри, имя.

И всё это превратилось в настоящую песчаную бурю, которая хлестала, и выла, и громила всё на своем пути.

Откуда-то появился тусклый свет, в котором мелькали мрачные, сюрреалистичные формы и фигуры.

Лонгтри упал на колени рядом с повозкой и натянул шейный платок на глаза. Так было надо. По другому было нельзя.

Потому что теперь песок стал обретать человеческие формы, которые тянулись к Лонгтри и хватали его.

Повозка закачалась под порывами ветра.

Лонгтри держался за неё, полагая, что это его единственная связь с реальностью.

Ветер немного поутих, и сквозь слезящиеся прищуренные глаза Лонгтри больше не видел фигур... Кроме одной.

В вихре песка и пыли стояла высокая, скелетообразная фигура в обрывках ткани.

Кусочки материи хлопали и трепыхались на ветру.

Он смотрел в направлении Лонгтри, и у того сжалось сердце и захотелось сесть и заплакать, как ребёнку.

Фигура стояла так спокойно, так неподвижно в вихре песка. Ничто живое не могло противостоять стихии, даже лошади свалились с ног.

Но фигура стояла, не двигаясь, и Лонгтри чувствовал на себе её беспощадный, полный ненависти взгляд, который разъедал мужчину, как кислота.

А потом она начала пропадать.

Постепенно, почти небрежно, фигура двинулась навстречу ветру и песчаной буре, пока не слилась с ними и не исчезла.

Несколько минут спустя ураган стих. Лонгтри лежал на земле. Его кожа была вся исцарапана осколками скал и песчинками.

Мужчина поднялся, вытаскивая ноги из песка.

Отряхнув одежду, он удостоверился, что кони в порядке, просто напуганы.

Лонгтри успокоил их и поплёлся обратно к повозке.

Тучи рассеялись.

На небе появились звёзды и луна.

Но самым странным, тем, что выбивало из колеи не давало покоя было то, что Лонгтри оказался в километрах от того места, которое помнил последним.

И не в двух-трёх километрах, а в двадцати или тридцати, если не больше.

Освещаемый луной пейзаж это доказывал.

Ровная и безжизненная пустыня.

Ни холмов, ни гор, отшлифованных древними морями.

А в повозке стоял открытый ящик.

Вождь исчез.

15

Лонгтри закончил рассказывать историю Смеющейся Луне и осознал, что дрожит.

Несмотря на пылающий костёр и прижимающееся к нему горячее женское тело, его трясло.

— Ты спрашивала меня, верю ли я в сверхъестественное, — произнёс Лонгтри, потирая уставшие глаза. — Думаю, должен сказать «да». Часть меня от белого человека пытается найти произошедшему той ночью рациональное объяснение, но ничего не получается.

Смеющаяся Луна крепче обняла его и бросила полный жалости взгляд.

Лонгтри дёрнул головой.

— Знаю, что ты думаешь: либо я спятил, либо разозлил старого вождя, и он преподавал мне урок. И, возможно, ты будешь права по обоим пунктам.

Женщина усмехнулась.

— Ты не спятил. Ты столкнулся с мощным шаманством, способным поднять человека из могилы. Такие вещи широко известны среди наших народов, Джозеф.

— Наверно. С тех пор, как я приехал в Волчью Бухту, я не перестаю думать о том старом шамане. Они говорили, что он является частью некой древней расы. Мне нужно время, чтобы всё обдумать. Интересная пища для размышлений, не находишь?

Но Смеющаяся Луна притянула его к себе и не захотела больше ничего слушать.

16

Следующим утром доктор Пэрри провёл около часа с трупом Дьюи Мейхью.

Пинцетами, скальпелями и секционными ножами он убеждал тело поведать ему свои тайны.

Оно не казалось ему ничего, чтобы он уже не знал или, по крайней мере, не догадывался: Мейхью, как и остальных, убил крупный хищник.

Только тело Мейхью было менее обезображено и искусано, поскольку зверя спугнули.

Брюшная полость трупа была вскрыта от грудины до паха, но ни один внутренний орган не потревожили.

Причиной смерти, вероятно, была массивная кровопотеря и нанесённые травмы — либо рана живота, либо прокушенное горло.

Учитывая подобные травмы, основную роль сыграл шок.

— Вот и всё, — сказал он Вайноне Спенс.

Вайнона кивнула и накинула простыню на тело.

Пэрри сложил свои инструменты в соответствующие отделения чемоданчика.

Он даже захватил свой микроскоп для детального исследования крови и тканей.

Но это ему ничего нового не дало.

Единственным интересным, но неудивительным открытием было обнаружение в ране нескольких жёстких волосков.

И они в точности совпадали с теми, которые Пэрри нашёл в доме Нейта Сегариса.

— Давно хотел спросить, Вайнона, — начал Перри. — Как Мэрион?

Вайнона посмотрела на доктора и быстро отвела взгляд.

Это могло не значить ничего... А могло значить многое...

— Ох, прекрасно. Прекрасно.

— Она когда-нибудь спускается?

— Нет, она предпочитает уединение, а я уважаю её желания.

Пэрри кивнул. В конце концов, это совершенно не его дело.

— Ясно.

Вайнона кашлянула и снова стала прежней.

— Вынуждена вас покинуть, доктор, — произнесла она. — У меня назначена встреча.

Пэрри ужасно хотелось спросить «с кем?», но он знал, что это было бы невежливо.

Да, она была странной женщиной, но её дела — это только её дела, и никого больше.

Поэтому он прикусил язык и ответил:

— Конечно, иди, я сам справлюсь.

Вайнона усмехнулась.

— Если кто-то из моих клиентов начнёт беспокоиться, можете их успокоить... за них

уже заплачено, — хихикнула она. — Это мой девиз: «никто не выйдет отсюда живым».

Пэрри уставился на женщину.

Если бы это сказал кто-то другой, он бы уже давно взорвался и осадил собеседника. Но Вайнону...

Нет, он не мог так поступить с ней.

Он знал её ещё ребёнком.

Отец Вайноны был одним из немногочисленных друзей Пэрри и чертовски хорошим шахматистом.

Вайнона всегда была замкнутой и бесстрастной девушкой.

Лишь в последние пару лет у неё появилось это мрачное, ненормальное чувство юмора.

Как и у её отца.

Вайнона, наконец, хоть чуть-чуть оживилась, и Пэрри не собирался это рушить.

Нет, пусть всё идёт своим чередом.

Возможно, благодаря такому особому складу характера у неё, как и у её отца, прекрасно пойдут дела в подобном бизнесе.

Так и студенты-медики (да и сам он когда-то!) проворачивали над трупами в анатомичках неприемлемые, прямо такие ужасные шутки.

«Всё, что надо, Вайнона, — думал Пэрри. — Делай всё, что надо».

— Всё, беги, Вайнона, чёртова кровопийца! — пошутил он.

Женщина усмехнулась.

— Как скажете, сэр.

Пэрри выдавил улыбку, но она быстро померкла.

Слишком многое беспокоило его в последние дни. Слишком многое.

Не прошло и пяти минут после ухода Вайноны, как в комнату вошёл преподобный Клауссен, и выглядел он встревоженным.

— Думаю, пришло время поговорить, доктор.

Свисающие кончики усов Пэрри, казалось, поникли ещё больше.

— И о чём нам говорить, преподобный?

— О благополучии нашей паствы, -

со всей серьёзностью заявил Клауссен. — Вы исцеляете их физические недуги, а я — духовные раны.

Доктор Пэрри не был религиозен.

С тех пор, как около десяти лет назад во время эпидемии гриппа умерла его жена, он ни разу не был в церкви.

— Слушаю вас.

— Что вы знаете о сверхъестественном?

Пэрри вздохнул и присел.

Его взгляд окинул полки с химикатами и инструментами. Выглядел он не очень радостным.

— Практически ничего.

— Но вы же образованный человек, — заспорил преподобный. — Уверен, вы читали о таком.

— Читал, преподобный, но это не значит, что я хоть что-то об этом знаю. Сверхъестественное — это ваша сфера деятельности, а не моя.

— Что-то убивает людей, доктор. Что-то нечеловеческое.

— Я в курсе, преподобный.

— До меня дошли слухи, что шериф объявил награду за голову этого зверя, — продолжил Клауссен. — Словно его можно выследить, как обычную дикую кошку. Что вы об этом думаете?

Пэрри пожал плечами.

— Полагаю, стоит попробовать.

— А я полагаю, что ни один охотник не сможет перехитрить это чудовище.

— Ясно, — Пэрри поджал губы. — Вы считаете, что мы имеем дело с чем-то сверхъестественным? Вы на это намекаете?

— Да. Я уверен, что нападавший — не обычное животное.

— Это я уже и сам выяснил. И тем не менее, преподобный, это существо из плоти и крови, а не призрак.

Клауссен раздражённо ткнул пальцем в Пэрри.

— А я ничего и не говорил о призраках, доктор. Я имел в виду древние языческие суеверия о превращении человека в животное.

Он начал вышагивать вдоль стены, произнося речь, словно на проповеди.

— Это называется сменой обличия. Индейцы верят в подобные вещи, и они даже являются частью их языческих поклонений.

— Вы об оборотнях? — недоверчиво уточнил Пэрри.

Клауссен кивнул.

— Да. Только, думаю, это их европейское название.

— Во имя всего святого, Клауссен, вы свихнулись?!

— Нисколько.

Пэрри тряхнул головой.

— Я человек науки, преподобный. Люди не могут превращаться в животных. Это невозможно с точки зрения анатомии и физиологии.

— И тем не менее, доктор, — настаивал Клауссен, — история полна преданий о перевёртышах. Я довольно глубоко изучал в университете этот предмет. Он присутствует в преданиях всех культур.

Пэрри хмыкнул.

— Конечно, присутствует. Вы же говорите о языческих религиях и первобытных людях. Неужели вам кажется странным, что человек хотел считать себя единым целым с животным, которым восхищается?

— Нет, нисколько. Но, к сожалению, мы говорим не только о первобытных, отсталых культурах, но и довольно развитых.

— Даже не хочу этого слушать, — Пэрри был не в настроении. У него снова болела спина, и он чувствовал, как затекли мышцы. — Это нелепо.

Клауссен непокорно соединил кончики пальцев.

— А вы знаете, доктор, что у живущего поблизости племени Черноногих есть культ под название Братство Черепа? — спросил преподобный. — Я не шучу. Мне рассказал об этом старый золотоискатель. Он говорил, что члены этого сообщества верят, что способны превращаться в монстров.

— Забудьте об этом, преподобный, — тихо произнёс Пэрри. — Монстров не существует. И оборотней не существует. Если вы начнёте рассказывать о таком на всех углах, то расшевелите многих. Слишком многие в этом городе хотят найти козлов отпущения за

произошедшие убийства, а я не желаю видеть, как из-за какой-то идиотской причины погибают безобидные индейцы. Хватит кровопролития.

Клауссен выглядел оскорблённым.

— «Безобидные индейцы»? -

прошипел он. — Эти варвары? Хочу вам напомнить, что они тоже убивали. Из-за них умирали...

— Смертей хватало и у нас, и у них, — прервал преподобного Пэрри. — Поверьте, мы причинили индейцам вреда куда больше, чем они когда-либо будут способны причинить нам. И я не хочу, чтобы ваши истории о призраках вызвали ещё больше неприятностей.

Клауссену будто дали пощёчину.

— Вы, сэр, можете так и продолжать игнорировать, но я не стану. Если ад развергся и выпустил к живым свои ужасы, то лучше никому не стоять у меня на пути, — он отрывисто кивнул доктору. — Хорошего дня, сэр.

Пэрри посмотрел, как он выходит из комнаты, и вздохнул.

— Чёртов глупец, — сказал он себе под нос. — Чёртов набожный идиот.

17

Солнце было уже высоко в небе, когда Лонгтри, наконец, проснулся.

День был ярким и солнечным.

Смеющаяся Луна исчезла.

Лонгтри выбрался из-под одеяла и снова разжёл костёр.

Он быстро позавтракал печеньем с джемом в жестяной банке и запил всё кофе.

Природа вокруг него начинала просыпаться, чтобы избавиться ото льда и снега и приветствовать день.

Он слышал, как поют птицы и ищут корм животные.

Было хорошо проснуться и ощущать свежесть ночи, проведённой под открытым небом.

Возможно, в нём говорила кровь его матери, но Лонгтри нравилось спать вне помещений.

Интересно, как давно ушла Смеющаяся Луна?

Она слышала его рассказ и, похоже, поверила ему.

Отлично, потому что Лонгтри иногда и сам не мог в него поверить.

Он испытал всё на собственной шкуре, но произошедшее до сих пор казалось невозможным.

Но если Смеющаяся Луна насмеялась над ним... Это было бы обидно.

И не потому, что он начинал питать к женщине сильные чувства, а потому что он никогда ни единой душе не рассказывал эту историю.

Ладно, неважно.

Волчья Бухта находилась на некотором расстоянии за холмами, но Лонгтри уже слышал её, чувствовал её запах и ощущал присутствие других людей.

Он накормил и напоил коня и задумался, что же принесёт этот день.

Что-то подсказывало ему: ничего хорошего.

И Лонгтри верил своему внутреннему голосу.

— Я уже и не думал, что увижу вас когда-либо живым, — произнёс заместитель шерифа Боус, когда Лонгтри вошёл в здание тюрьмы. — Уже планировал, как буду ночью посылать отряд, чтобы забрать ваше тело.

— У меня не возникло никаких проблем, — признал Лонгтри. — А где Лаутерс?

— Дома, наверно. Этим утром я его ещё не видел.

— Отлично.

— Краснокожие рассказали вам то, что вы хотели?

Лонгтри снял шляпу и присел на край стола.

— Ты знаешь человека по имени Герберт Бешеный Хвост?

Боус кивнул.

— Можно и так сказать. Где-то год назад его люди были очень взвинчены после убийства сына Герберта. Линчеватели ворвались в тюрьму, одолели шерифа и подвесили ублюдка на суку.

Тон Боуса говорил о том, что он предпочёл бы забыть о произошедшем.

— После этого обстановка стала напряжённее.

— Это как?

— Сын Бешеного Хвоста, Красный Лось, обвинялся в изнасиловании и убийстве местной белой девушки по имени Карпентер.

Боус сжал губы.

— Можете представить, как себя чувствовали люди? Ну да, Красный Лось утверждал, что невиновен, но полагаю, линчеватели ему не поверили. А после повешения начались проблемы.

Боус уставился на дно чашки с кофе.

— Несколько золотоискателей погибли в горах, школьный учитель по имени Пенроуз был убит. Потом ещё пару убийств. Скорей всего, месть Черноногих. Застрелили нескольких индейцев. Было такое чувство, что ад разверзнется. Правительство направило сюда своего агента. Он сгладил ситуацию с племенем, и дела пошли на лад.

— Но знаете, что я вам скажу, маршал, — продолжил Боус, бросая на Лонгтри предупреждающий взгляд, — только дурак пойдёт сейчас в резервацию Черноногих. Их и до этого не очень заботило благополучие белых, а уж после того случая с Красным Лосем... Думаю, что это взаимно.

Лонгтри задумался на минуту.

— Был кто-то из индейцев арестован за те убийства?

— Нет, — вздохнул Боус. — Золотоискатели частенько убивают друг друга, как только один перейдёт дорогу другому. Никаких доказательств. А школьный учитель... Тоже никаких доказательств, одни слухи.

— Но ты считаешь, что виновны Черноногие?

— Не похоже на простое совпадение, — ответил Боус. — Но... Чёрт, да кто знает!

Лонгтри налил себе чашку кофе.

— В ночь, когда сюда пришли линчеватели, Лонгтри оставался здесь один?

Заместитель поморщился.

— Да. Я сопровождал заключённого в Вирджинию и вернулся только ранним утром.

Боус откинулся на спинку стула и сцепил пальцы на затылке.

— Это имеет какое-то отношение к тому, почему вас сюда прислали?

— Может быть, да, а может быть, и нет... Я должен взглянуть на дело под разными углами.

— Как вы считаете: эти убийства могли быть мстью Черноногих?

— Я не могу игнорировать такую возможность.

Лонгтри сделал глоток кофе и задал вопрос, который крутился у него на языке.

— Кем был тот преступник, которого ты конвоировал в Вирджинию?

Боус почесал подбородок.

— Парень по имени Карсон. Шахтёр, добывал серебро в лагере. До нас доходили слухи, что его разыскивают за убийство в Дэдвуде на территории Дакоты. Мы его схватили. Из службы маршалов приказали нам отправить его в Вирджинию и оставить там под стражей, пока за ним не сможет приехать один из их людей.

— Была ли какая-то срочность в том, чтобы доставить его в Вирджинию?

Боус подозрительно прищурился.

— Вы спрашиваете, почему я повёз его именно той ночью, а не любой другой?

— Да.

— Мне приказал шериф, вот и всё. Не было никакой спешки. Тюрьма не была переполнена, а маршал из Дакоты не должен был появиться ещё с неделю. Просто однажды утром шериф вызвал меня и приказал сопроводить заключённого. Ничего больше. К чему вы клоните?

Лонгтри сделал глоток кофе.

— Я просто хочу знать, было ли так необходимо отправлять преступника в Вирджинию именно той ночью.

— Вы считаете, что шериф замешан в том линчевании, так? — проницательно заметил Боус. -

Если это так, маршал, то должен вам сказать, что вы слишком много слушаете местных сплетников. А я думал, что спустя столько времени, разговоры стихли...

— Неужели ходили слухи, что Лаутерс связан с линчевателями?

— Вы знаете, что я хотел сказать.

Лонгтри сдержал ухмылку.

По крайней мере, этот разговор с Боусом подтвердил сказанное Смеющейся Луной: Красный лось был убит линчевателями, и к этому, по слухам, был причастен и Лаутерс.

Боус бросил на шерифа убийственный взгляд.

— Я вам кое-что скажу, маршал. Здесь и сейчас. Я предан Биллу Лаутерсу и не желаю слушать такие разговоры. Расследуйте убийства, делайте всё, что вам надо, и я помогу всем, чем смогу, но я и слышать не хочу, как вы оскорбляете этого человека. Может, сейчас он и не в лучшей форме, но некогда он был прекрасным законником.

Лонгтри кивнул.

— Не переживайте, помощник, никто не пытается его оскорбить. Не забывайте, что моя работа заключается в том, чтобы рассмотреть любой возможный мотив убийств. И если я начну думать, что в этом замешаны индейцы, то придётся задать себе вопрос: «Почему?» — искренне пояснил Лонгтри. — Если мне рассказывают про убийство линчевателями Красного Лося и гуляющих по городу слухам, то я становлюсь подозрительным. А если нет — то грош мне цена как законнику!

— Ладно, маршал, я понял. И думаю, вы меня тоже поняли.

Лонгтри прищурился и окинул Боуса взглядом.

— Расскажи мне про угонщиков скота.

Боус захохотал.

— Чёрт! А здесь вы что хотите знать?

— Это моя работа.

Боус пожал плечами.

— Да что тут рассказывать... Последние года три-четыре в тёплые месяцы у нас угоняют скот. Никого ни разу не задерживали, пару человек опрашивали. Никаких зацепок, ничего. Сплошные слухи.

— Тогда расскажи мне о слухах.

— Жители поговаривают, что существует банда, ответственная за это дело. Кто-то говорит, что они живут здесь, в Волчьей Бухте, другие — что они из Вирджинии или даже Баннока. Вариантов куча. Боюсь, ничего не изменится. Местные называют их Бандой Десяти. Не знаю почему. Вот и всё.

Лонгтри слушал Боуса и вспоминал, как Смеющаяся луна рассказывала о линчевателях, которые были и похитителями скота, и как со всем этим связан Лаутерс.

И ещё он размышлял вот над чем: если линчевателями была Банда Десяти, то, возможно, восемь её членов уже были убиты.

Не было никаких доказательств существования Безликого Старика или того, что индейцы принялись мстить, но Луна определённо хотела подтолкнуть его к этой мысли.

Ему нужны были доказательства. Любые.

Но откуда их получить?

Найти что-то на Лаутерса будет непросто.

А на индейцев? Тоже сложно.

Смеющаяся Луна говорила, что её брат, Красный Лось, был оборотнем.

Звучит безумно и невероятно, но...

— Черноногие хоронят своих умерших, ведь так?

Боус посмотрел на Лонгтри, как на свихнувшегося.

— Да, хоронят в земле, как и мы.

— А где похоронен Красный Лось?

Лицо Боуса пересекла тень, словно он не хотел даже задумываться, к чему клонит маршал.

— На холмах. Там есть кладбище. Но лучше выбросьте из головы эти бредовые идеи, маршал. Это кладбище для них священо. Если краснокожие поймают вас, когда вы что-то разнюхиваете, они похоронят вас прямо там.

— А это уже моя забота, — ответил Лонгтри. — Как мне туда добраться?

Боус выглядел расстроенным.

— Оно находится в небольшой долине, её сложно отыскать. — Помощник тяжело вздохнул. -

Думаю, я могу вам показать. Однажды я был там, будучи ещё ребёнком. Я вас отведу. Если вы не передумаете.

— Не передумаю.

Боус только покачал головой.

— И что вам там надо?

— Я хочу осмотреть останки Красного Лося.

19

— Да, Мэрион, думаю, мы поставим рекорд в этом году, — произнесла Вайнона Спенс, сияя. — Подобного года у нас уже не будет.

Женщина сделала глоток чая и подумала об убийствах. Конечно, она не получала удовольствие от несвоевременной кончины людей (словно смерть может быть своевременной!), но не могла отделаться от ощущения удовлетворения от полученных денег.

Просто бизнес, ничего более.

Когда она взяла на себя дело своего отца, люди начали смотреть на неё, как на сумасшедшую.

Женщина — и гробовщик?

Господи, да как вообще о таком можно помыслить? Какая женщина в здравом уме захочет проводить время среди мертвецов?!

Все в Волчьей Бухте пришли к единогласному мнению, что долго это не продлится.

Безусловно, она потерпит неудачу.

Но ей удалось, и она процветала.

Она взяла в свои руки построенный отцом бизнес, расширила его, подпитала его и аккуратно занималась всем, пока все не осознали: это, определённо, успех.

Дело стало настолько успешным, что Вайнона расширилась, выкупила значительную часть шахт по добыче серебра и управляла несколькими предприятиями в Волчьей Бухте.

С идеями её отца было покончено: она не бальзамировала и не хоронила в кредит, не отдавала гробы и участки для захоронения за обещание принести деньги позже и не устанавливала памятники друзьям о скидкой.

Такое только вредило бизнесу и могло привести к провалу.

Погребальный бизнес ничем не отличался от любого другого: он существовал, чтобы зарабатывать деньги и получать прибыль, а не для того, чтобы сочувствовать окружающим.

Возможно, как женщину, Вайнону и не очень любили, но она была хваткой, трезвомыслящей и деловой.

Этого было у неё не отнять, несмотря на разошедшиеся сплетни о том, что она живёт с женщиной, которую никто и никогда не видел.

Вайнона поставила на стол чашку и прихлопнула муху.

— Мухи в такое время года... Можешь в это поверить, Мэрион? Наверно, пригрелись на подоконнике на солнце. Ты как считаешь?

Мэрион, одетая в струящийся пеньюар из тончайшего кружева и атласа, ничего не ответила.

Она была накрыта покрывалом до пояса, а руки сложены на груди.

Она не шевелилась.

Вообще ничего не делала.

Вайнона добавила в чай нотку ирландского виски и удовлетворённо кивнула.

— Да, думаю, отец гордился бы мной. Согласна, Мэрион?

Мэрион лежала неподвижно с закрытыми глазами.

Над её волосами закружила муха и села ей на лицо.

Насекомое пробежалось от лба до губ, щечка кожу крохотными лапками.
Мэрион не шевелилась.

20

Шериф Лаутерс сидел в небольшом кабинете доктора Пэрри и размышлял над той чепухой, которую Клауссен рассказал доктору, а доктор — ему.

И с каждой минутой он становился всё злее.

— Чёрт бы побрал этого идиота, — прошипел Лаутерс. — Клянусь Господом, если бы он сейчас был здесь, я б его шею в узел завязал! Тупой сукин сын.

— Расслабься, Билл, — произнёс Пэрри, разминая спину и морщась. — Клауссен пока не понимает, насколько заблуждается.

— Не понимает... Да, чёрт возьми, не понимает! Он образованный человек, а распространяет какие-то бабские сплетни! Оборотни, монстры... Твою ж мать!

— Надеюсь, он всё же будет держать свой язык за зубами.

Шериф фыркнул от отвращения.

— Похоже, нам только и осталось надеяться, док.

Пэрри пожал плечами.

В данный момент его заботила только собственная спина.

Не убийства.

Не Клауссен.

Не оборотни и нежить.

Его поясницу скрутило от боли, и лучше никак не становилось.

Вскоре он вообще не сможет встать с кровати.

— Попомни моё слово, док: одним прекрасным воскресным днём этот идиот будет читать проповедь про оборотней, чертей и бог ещё знает кого.

— И мы ничего с этим не можем сделать, шериф...

— Это мы ещё посмотрим, — Лаутерс застегнул кобуру и направился к двери. — Посмотрим.

— Шериф..., - Пэрри попытался встать со стула, но резкая боль в спине заставила его опуститься обратно. Лоб покрылся испариной.

Облизав губы, он открыл нижний ящик стола и достал оттуда маленькую чёрную коробку.

В ней лежал шприц и несколько ампул морфия.

Оставшись один, Пэрри сделал укол.

21

Преподобный Клауссен сидел в доме приходского священника. Вокруг стояла тишина. Сегодня он был один.

Клауссен остался наедине с десятком лежащих перед ним книг о фольклоре и оккультизме.

Часть его личной коллекции.

Он просмотрел корешки.

Английская «Из человека в зверя», французская «Ликантропия», немецкие «Вервольф» и «Об оборотнях и животных превращениях в средние века», латинские «Превращения человека в волка» и «Демонология», и многие другие...

Одна представляла особый интерес — «Индейцы верхних равнин: общие верования и мифы».

В этих книгах было всё, что ему нужно.

Всё, с помощью чего он мог одолеть зло, пришедшее в Волчью Бухту.

Клауссена не заботило, верит кто-то или нет в его версию происходящего.

Он попробовал сначала поговорить с доктором, потому что Пэрри был образованным человеком.

И в этом была его ошибка.

Теперь ему придётся охотиться на зло самому.

Внезапно дверь распахнулась.

На пороге стояла молодая женщина без одежды.

— Я чувствую себя грешницей, — произнесла она.

22

Шериф «Большой» Билл Лаутерс стоял на ухабистой грунтовой дороге, ведущей к церкви.

Он огляделся, достал бутылку ржаного виски, залпом допил оставшееся и отбросил бутылку в сторону.

Он вытер губы рукавом дублёнки и затаился, проверяя, есть ли кто поблизости.

Никого не было.

Ему предстояло дело с преподобным, и оно требовало уединения.

Похоже, он пришёл вовремя.

Ни в церкви, ни вокруг неё движения не наблюдалось.

Никаких старушек.

Никаких грешников, ищущих прощения.

Отличный день для небольшой дискуссии.

Отличный день, чтобы научить Клауссена уму-разуму.

В обоих направлениях дорога была пуста, Лаутерс быстро пересёк её по плотно утрамбованному снегу и вошёл в церковь.

Внутри было тихо.

Шериф выглянул за дверь, проверяя, не следит ли за ним кто-нибудь. Никого не было.

Он двинулся по проходу мимо полированных скамей.

Он двигался медленно, беззвучно.

И это было огромным достижением, если учесть, что с тех пор, как он час назад покинул дом Пэрри, он только и делал, что пил.

Лаутерс питал слабость к виски. Виски в кофе. Виски со льдом. Виски прямо из бутылки.

Вид значения не имел.

Лаутерс точно знал, что без виски он будет несчастен.

Безнадежная развалина.

А вот с виски... С виски он был смелым, решительным законником, способным без страха сойтись с любым вооружённым бандитом.

Лаутерс не спеша приблизился к алтарю.

По пути в тихой темноте он непроизвольно заметил, где под ногами истончился ковёр, в каких молитвенниках истрепалась обложка, и какие скамьи требуют ремонта.

Несмотря на шум в голове от выпитого, Лаутерс оставался внимательным и обстоятельным.

У него было дело, и он его закончит.

В самой церкви Клауссена не было. Значит, он сидит в доме приходского священника.

Лаутерс знал, что там преподобный спал, ел и замышлял свои игры и козни.

— Больше этого не будет, — выдохнул Лаутерс себе под нос. — Не будет.

Шериф ждал этого дня долгие годы.

Он ничего не сказал, когда Клауссен появился в городе, распираемый чувством собственной важности и святости.

Он ничего не сказал, когда Клауссен во время проповеди с кафедры осудил на вечные муки и пламя ада честных людей.

Лаутерс даже не сказал ничего, когда этот сумасшедший, стуча Библией, настроил жену шерифа против него самого.

Он смирился.

Но когда Клауссен начал критиковать работу шерифа и отсутствие прогресса в расследовании убийств... Это было последней каплей.

А теперь он несёт эту суеверную чушь про призраков.

Лаутерс больше не мог терпеть.

Пришло время заплатить Клауссену за свои грехи.

Лаутерс не позволит этому чёртовому святоше ввергнуть Волчью Бухту — его город — в панику своими страшилками.

Нет. То, что произойдёт сейчас, должно было произойти уже давно.

Лаутерс вошёл в дом.

Первой комнатой была маленькая гостинная с разожжённым камином.

Лаутерс на пару секунд поднёс руки к огню, пытаясь отогреть пальцы.

Потом заглянул на кухню и в тесный кабинет Клауссена.

Преподобного нигде не было.

Значит, остался только второй этаж.

Лаутерс начал подниматься по узкой лестнице и замер на второй ступеньке.

Сверху доносились звуки.

Стоны.

Скрип пружин на кровати.

Либо Клауссена убивали и он метался от боли, либо...

«Да нет, — решил Лаутерс, — второй вариант невозможен».

Нет, только не преподобный Клауссен. Благочестивый ханжа Клауссен на такое не способен.

Лаутерс медленно двинулся вверх по лестнице и остановился на верхней ступени.

Теперь он отчётливо слышал два разных тембра стонов.

Клауссена и задыхающейся, разгорячённой женщины.

Лаутерс усмехнулся и двинулся по коридору к первой двери, которая была слегка приоткрыта.

Он постоял перед ней около минуты, а потом пинком ноги распахнул настежь.

Сначала его никто и не заметил.

Клауссен лежал на кровати совершенно голый, и его запястья были привязаны кожаными ремнями к столбикам у изголовья.

А верхом на нём, тоже обнажённая, сидела Нелл Хатсон — проститутка из заведения мадам Тилли.

Её спина была мокрой от пота, а широкие бёдра поднимались и опускались с такой силой, что вдавливали преподобного в матрас и грозили развалить кровать.

— Так, так, так, — протянул Лаутерс. — И что у нас тут происходит?

23

На холмах, в лагере черноногих, Смеющаяся Луна выглянула из хижины.

Она смотрела на купальню-инипи.

Из неё только что вышли её отец, Герберт Бешеный Хвост, и другие члены Братства Черепа.

Их лица были грозными и мрачными, разрисованными белым с чёрными полосами под глазами.

Они были одеты лишь в волчьи и медвежьи шкуры, как и предписывал кодекс Братства.

Мертвенно-бледные духи воинов с мёртвыми лицами, облачённые в шкуры.

На одном из мужчин была жуткая маска какого-то ухмыляющегося демона, сделанная из огромного черепа гризли и полос плотно прилегающей кожи.

Остальные один за другим надели похожие маски.

Они были изготовлены из волчьих черепов и разукрашены ритуальными цветами.

Надев маски, они направились через лес в священную рощу на склоне горы, где проводились все обряды. Бешеный Хвост шёл во главе.

Это будет скверная ночь.

Запах смерти уже витал в воздухе.

24

Помощник Боус стоял у окна в кабинете и смотрел на промёрзшую, изрезанную колеями дорогу, идущую через Волчью Бухту.

Было пасмурно. Вот-вот грозился начаться снегопад.

Температура поднялась до пяти градусов, и дорога под ногами превратилось в болото из растаявшего снега и грязи.

Но это ненадолго.

Пройдёт всего пару дней, и с гор снова придут морозные ветра, опуская температуру до минуса двадцати.

«Интересно, где сейчас шериф?» — задумался Боус.

Он не видел начальника всё утро, а для Лаутерса было нетипичным не появляться на

работе.

По крайней мере, до тех пор, пока он не начал прикладываться к бутылке.

Боус постоял у окна ещё пару минут, затем вернулся к столу и отхлебнул кофе.

Сегодня в тюрьме было пусто.

Не надо было носить никому еду или убирать ночные горшки.

Эзру Хоулсема отпустили ещё вчера, потому что он согласился оплатить причинённый ущерб.

А в остальном было тихо.

Можно даже сказать, что произошедшие убийства облегчили ему работу.

После того, как нашли изуродованное тело Эйба Раньона, преступлений стало меньше.

Даже шахтёры притихли. Они предпочли остаться в лагере, чтобы с наступлением темноты не попасться кому-нибудь на дороге.

Боус задумался, где сейчас Лонгтри, и что он вынюхивает.

Если Лаутерс узнает, что он задумал, то Лонгтри — труп.

А если он погибнет, то Служба маршалов не пожалеет никаких средств, чтобы наказать виновного.

С какой стороны не посмотри, Волчья Бухта была по уши в дерьме.

25

Лонгтри как раз ехал по склону от общего кладбища, находящегося за пределами города, когда увидел в горах дым от костра.

Он должен был исследовать могилы убитых мужчин, ничего более.

Только смотреть было особо не на что.

Памятники у всех были выструганы из дерева, это ясно давало понять, что никто из почивших не был богат.

Со дня их захоронения уже не раз выпадал снег, покрыв собой могилы.

На памятниках начинали таять сосульки.

И когда Лонгтри увидел впереди дымок, то решил, что следует узнать, откуда он.

Возможно, он от костра свободного охотника, который может рассказать что-то новое об убийствах... Или о похитителях скота.

Стоило попробовать.

Оставив этим утром Боуса в тюрьме, Лонгтри отправился побеседовать с вдовами погибших.

И не узнал ничего нового.

Все они были в трауре, и ничего не могло заставить их выдать нелицеприятную правду об умерших.

Лонгтри подстегнул коня и направился через заросли сосен.

Он чувствовал примесь дыма от костра в свежем холодном воздухе.

А ещё — нотки бекона и кофе.

Лонгтри медленно и осторожно приблизился к лагерю.

Следовало быть осторожным, особенно с разгуливающим на свободе зверем, убивающим людей.

Люди всегда быстро хватаются за оружие, когда слышат, как кто-то или что-то

приближается.

Чем ближе он подбирался, по-прежнему оставаясь невидимым, тем яснее слышал звук раскалывающего дерево топора.

Лонгтри вёл коня медленной рысью по слякотной земле, прислушиваясь к звукам.

Когда он приблизился к небольшому свободному от деревьев участку, в кусты шмыгнул кролик.

Стук топора прекратился.

Наступила тишина.

Лонгтри видел костёр и нескольких привязанных у леса лошадей.

Рядом с маленькой армейской палаткой стояла повозка.

К её борту были прислонены несколько винтовок: винчестеры и винтовка Шарпа калибра.50.

А внутри лежали стальные капканы и шкурки зверей всевозможных видов.

Рядом с костром находилась охапка дров и хвороста на неделю обогрева.

Но в пределах видимости не было ни одного человека.

Лонгтри поморщился.

— Я выхожу, — крикнул он.

Он остановил коня у повозки и привязал к дереву, подошёл к костру, вытянул руки над пламенем и огляделся.

Он знал, что хозяин привала притаился среди деревьев и держит его на мушке.

Но то, что Лонгтри пока жив, значит, что в него пока не собираются стрелять.

— Кто ты? — спросил голос. Где-то Лонгтри его уже слышал.

Голос доносился из-за спины, но маршал не стал оборачиваться.

— Джо Лонгтри, заместитель федерального маршала, — ответил он.

Он слышал, как мужчина чертыхнулся, выходя из-за деревьев.

Он был не очень-то рад видеть здесь законника.

Лонгтри медленно и осторожно засунул руку под пальто и вытащил револьвер.

Он не делал никаких угрожающих движений, просто держал палец на спусковом крючке.

— Какого хрена тебе надо? -

спросил хриплый голос.

Лонгтри медленно-медленно повернулся.

Перед ним стоял огромный мужчина с бородой в распахнутой рубашке, и грудь его блестела от пота.

В руке он сжимал армейский карабин.

И нацелен он был Лонгтри в голову.

— Я хотел погреться у огня, — произнёс маршал.

— Грейся в другом месте, Лонгтри, — ответил мужчина.

По манере разговора Джо убедился, что знает этого человека. Но вот откуда?

Голос был знакомым, но на этом всё. Может, если убрать бороду...

И до Лонгтри дошло.

Джако Ганц.

И никто другой.

Лет десять назад, до того как стать законником, Лонгтри охотился за людьми за деньги.

За Ганца назначили награду в пять сотен баксов за грабежи на территории Аризоны.

Лонгтри столкнулся с ним в салуне в Уикенберге, спустя три месяца выслеживания. Случилась перестрелка.

Лонгтри поймал пулю в плечо, а Ганц — одну в ногу, и ещё одну — в рабочую руку. Это вывело преступника из игры.

Лонгтри надел на него наручники и отправился с заключённым к врачу, который был нужен им обоим.

А через три дня он доставил Ганца в Феникс и передал его с рук на руки Тому Риверсу, который тогда ещё был простым маршалом, а не руководителем всей службы.

После суда Ганц был приговорён к десяти годам заключения в территориальной тюрьме штата Аризона в Юме.

— Когда ты вышел, Ганц? — спросил Лонгтри.

Ганц продолжал в него целиться.

— Два года назад, Лонгтри. Я провёл восемь долгих лет в этой грёбаной дыре! Благодаря тебе.

Лицо Лонгтри ничего не выражало.

— Я лишь делал свою работу.

— Конечно, работу, сукин ты сын, — злобно буркнул Ганц. — Восемь лет моей чёртовой жизни. Восемь лет! А что с тобой произошло за это время, Лонгтри? Ты стал законником, федеральным маршалом. Как такой полукровка, как это, это провернул?

Он рассмеялся сквозь зубы.

— Это Риверс устроил тебе то назначение, так? Слышал, он сейчас большая шишка.

— Я был бы очень признателен, если бы ты, Ганц, опустил ружьё.

Ганц не шевельнулся.

— Не сомневаюсь, маршал, не сомневаюсь...

Он не сводил взгляда с Лонгтри, и глаза его горели от жгучей ненависти.

— Я много думал о тебе в тюрьме, Лонгтри. Ни дня не проходило, чтобы я не мечтал тебя убить. И только посмотри, что произошло: твоя жалкая шкура в моих руках.

— Брось оружие, — спокойно произнёс Лонгтри.

— А то что? Ты выстрелишь в безоружного, как и в прошлый...?

— Ты не был безоружен, Ганц, и у меня даже есть тому доказательство: пуля в плече.

— Я должен был пристрелить тебя, как больного пса, — проворчал Ганц.

Лонгтри прищурился.

— Брось оружие, Ганц. Сейчас же. Это приказ маршала Соединённых Штатов.

Ганс не отводил взгляда.

Лонгтри выхватил кольт, прицелился мужчине в живот.

Они замерли на пару секунд и молча смотрели друг на друга.

Лонгтри, присевший на корточки у костра, и Ганц, стоящий напротив и целящийся из карабина маршалу в голову.

— Да ты, должно быть, полный идиот, Лонгтри, — произнёс Ганц. -

Если я нажму на спусковой крючок, твои мозги разлетятся на сотню метров вокруг, и никакой значок тебе не поможет.

— Может и так. Но в ту же секунду, когда ты выстрелишь, выстрелю и я. И моя пуля попадёт тебе в живот. Если ты надеешься добраться до Волчьей Бухты с раной в животе, то ты ещё больший кретин, чем я думал. Ты истечёшь кровью за считанные минуты.

— А может оно того стоит?

Лонгтри вскинул брови и медленно поднялся.

— Может. Но даже если ты выживешь, всю оставшуюся жизнь за тобой будут охотиться. Убийство федерального маршала — серьёзное преступление, Ганц. Законники будут преследовать тебя до самой смерти.

Ганц молчал.

Ствол его карабина был по-прежнему направлен в голову Лонгтри. Он облизал губы.

— Если собираешься стрелять — стреляй! — прокричал ему в лицо Лонгтри. — Спусти курок, парень! Стреляй, чёрт тебя дери, стреляй!

Ганц заколебался, и, в конце концов, опустил карабин и усмехнулся.

— А я и не говорил, что собирался.

Лонгтри сделал вид, что собирается засунуть свой револьвер в кобуру, но в последний момент замахнулся и резал Ганцу по лицу рукоятью.

Ганц с криком упал на землю; из раны на щеке текла кровь.

Лонгтри выхватил у мужчины карабин и пнул по рёбрам.

— За такое я могу тебя снова упечь за решётку, Ганц, — Лонгтри вытряхнул патроны из ствола и отбросил карабин в кусты. — Сделай так ещё раз, и я не ограничусь одним ударом.

Ганц сел, постанывая и прижимая дрожащую руку к ране.

— Сукин ты сын, — выдохнул он. — Зачем это было делать?

Лонгтри проигнорировал вопрос и закурил.

— Зачем ты здесь?

— Охочусь за зверем, чтобы получить награду за его голову.

Лонгтри сплюнул в грязь рядом с Ганцем.

— Всё, что тебя ждёт, это твоя собственная смерть, слышишь? Если ты не дурак, то уберёшься отсюда.

— Закон не запрещает охотиться на опасное животное, — пробормотал Ганц.

— Охотиться — нет, а вот угрожать жизни федеральному маршалу — вполне.

— Я не собирался...

— Держись подальше от меня, Ганц. Если ты ещё раз перейдёшь мне дорогу, то станешь мертвее, чем выделанная шкура оленя.

Ганц кивнул.

Лонгтри отвязал от дерева своего чёрного коня и запрыгнул в седло, отправляясь дальше.

Он понимал, что это не конец. Далеко не конец.

На нём висит зверь-убийца.

И шериф — вспыльчивый пьяница.

А теперь ещё и Ганц.

Кто-то точно умрёт, пока он разберётся с этим бардаком.

26

— Прикройся, Нелл, — произнёс шериф Лаутерс.

Он не смотрел, как она одевается — любая женщина заслуживала от него уважительного отношения, даже проститутка.

— И вы тоже, преподобный. Меня начинает подташнивать, когда вижу вас голым.

Клауссен был не просто смущён.

Он был в ужасе.

На некогда багровом лице не осталось ни кровинки.

Его самоуверенность и напыщенность рассыпались пеплом.

Сейчас перед Лаутерсом сидел сломленный, побеждённый человек, чьи грязные маленькие тайны были разоблачены — да ещё и человеком, которого он больше всего презирал.

— Шериф..., - начала Нелл.

— Уходи отсюда, девочка. Я не хочу ловить тебя за то, что ты снова промышляешь в молитвенном доме. Поняла?

Она кивнула.

Её голубые глаза были полны слёз, словно её застал её собственный отец.

— Забудь о том, что здесь сегодня случилось, — давал ей указания Лаутерс. — Забудь, что видела меня, забудь о преподобном. Ничего не произошло. Ясно?

Девушка кивнула и всхлипнула.

— А теперь ты, мерзавец!

Нелл бросилась по лестнице вниз, не оборачиваясь.

Лаутерс знал, что она никому не расскажет о случившемся. Никогда.

Ведь если расскажет — у неё будут крупные неприятности.

Клауссен сидел на кровати и смотрел на свои пальцы.

Они тряслись. Как и сам преподобный.

Лаутерс смотрел на него несколько мгновений, не потрудившись скрыть отвращение на лице.

Он снял свою дублёнку и повесил её на дверь.

— Господи, — хныкал Клауссен. — Господи...

— Заткнись, — резко произнёс Лаутерс. — Ты отдалился от своего бога, преподобный. А если предположить, что произошедшее сегодня случилось уже не в первый раз, то я бы сказал, что вы с богом отдалились друг от друга уже давно.

Клауссен больше ничего не сказал; он сидел, плакал и трясся.

— Господи Иисусе, — пробормотал Лаутерс.

Он вытащил из кармана кисет с табаком и заложил щепотку между щекой и десной.

Затем он снял значок, протёр его и положил на тумбочку у кровати.

— Теперь я больше не слуга закона, как и ты больше не слуга божий, — произнёс Лаутерс.

— Шериф, я...

— Заткнись, — ответил Лаутерс. — И как долго ты обманывал своих добрых прихожан?

— Недолго, клянусь. Грех победил меня...

— Ты кусок дерьма, — рявкнул Лаутерс, схватил преподобного за отворот рубашки и швырнул на пол.

Клауссен попытался подняться на ноги, но Лаутерс пнул его в голень.

— Пока ты был ещё божьим человеком, — начал Лаутерс, — я натерпелся от тебя всякого дерьма. Но не мог же я ударить человека в рясе, так? зато сейчас, когда ты такой же грешник, как и я... Что меня остановит?

Он схватил Клауссена за локоть и рывком поднял на ноги.

Они оказались друг напротив друга.

Лаутерс плюнул преподобному в лицо, но тот только вздрогнул.

— Грешник, — прошипел Лаутерс, впечатывая преподобному кулак в живот.

Клауссен согнулся, резко выдохнув.

Лаутерс схватил его за ухо и потянул назад, к себе, и ударил преподобного в лицо огромным кулаком.

Клауссен споткнулся о стул и упал; из его сломанного носа струилась кровь.

Прежде чем он смог подняться или хотя бы прийти в себя, Лаутерс уже навис над ним.

Он схватил преподобного за рубашку и ударил его в лицо коленом.

Клауссен отлетел назад, врезался головой в стену и свалился на пол кучей.

— Ты настроил против меня мою собственную жену, — произнёс Лаутерс.

Из отёкших глаз Клауссена текли слёзы. Он затряс головой. Лаутерс ещё раз ударил его по лицу.

И ещё раз, и ещё. То кулаком, то открытой ладонью.

На лице преподобного отпечатались горящие следы от ударов.

Из его рта летели брызги крови и слюны.

Лаутерс рывком поднял его на ноги и похлопал по плечу.

— Со временем ты настроил бы против меня весь город.

Он прижал Клауссена к стене и удерживал на отвороты рубашки.

— Я сражался и с худшими, чем ты, врагами, преподобный. Я убивал и побеждал самых подлых и отвратительных мерзавцев, которых бросала против меня эта поганая страна. Как ты думаешь, у тебя есть хоть один шанс?

Он снова ударил Клауссена по лицу.

— Отвечай!

— Я никогда... Я не...

Лаутерс пнул его в пах, а затем в живот.

Клауссен согнулся, упал на колени, хватая ртом воздух и задыхаясь, а Лаутерс нанёс ему несколько резких ударов в челюсть и скулу и бросил избитое, истекающее кровью тело на полу в центре комнаты.

Преподобный приподнял голову.

На его лице не осталось живого места.

Левый глаз отёк и покраснел.

Нос был разбит и свёрнут в сторону.

Нижняя губа была рассечена и опухла.

По подбородку и щекам была размазана кровь.

А оставшийся здоровый глаз смотрел на шерифа с животной ненавистью.

Лаутерс ударил его по лицу.

С яростью, усугубленной выпитым виски, он схватил преподобного левой рукой за рубашку, а правой начал раз за разом наносить удары.

Он снова врезал Клауссену коленом в живот, тот упал, ударившись затылком о пол, А шериф безжалостно начал избивать его двумя руками.

Клауссен лежал на полу и не шевелился.

Отдышавшись, Лаутерс потёр сбитые в кровь кулаки.

— Всё ещё только начинается, преподобный.

Он взял с полки кувшин из китайского фарфора, налил из него в тазик воды и

опрокинул его на неподвижного, искалеченного священника.

Клауссен пришёл в себя. Он не мог сфокусировать взгляд, в голове шумело.

Лаутерс поднял его и швырнул на кровать.

— Я хочу, чтобы ты свалил из этого города, преподобный. Если послезавтра ты ещё будешь здесь, я тебя убью. Ясно?

Клауссен попытался кивнуть.

Лаутерс похлопал преподобного по груди, затем снова надел значок, а наверх — пальто.

Уходя, он остановился в дверях и усмехнулся.

— Считай, что у тебя каникулы.

27

Вайнона занималась тем, что у неё получалось лучше всего.

Она зашила раны на теле Дьюи Мейхью, чтобы привести труп в надлежащий вид, и одела его в старый, принесённый его вдовой костюм.

Это было непросто.

Когда Мейхью умирал, он лежал на земле в позе эмбриона перед лавкой кузнеца.

Трупное окоченение и морозные ветра с севера сделали своё дело: мышцы и связки навсегда заledenели в таком положении.

Они с доктором Пэрри попытались немного разогнуть конечности во время вскрытия... Но этого было недостаточно.

И, тем не менее, Вайнона должна была сделать всё, как следует; это и было её работой.

Иначе Мейхью просто не влезет в гроб.

Одно дело было натянуть на труп одежду, и совсем другое — заставить его лежать ровно.

— Ну, давай же, Дьюи, — бормотала Вайнона, — не сопротивляйся, дружище.

Она сидела на Мейхью сверху и давила на него всем своим весом.

Обе ноги и одна рука выпрямились, но вот вторая никак не поддавалась.

Каждый раз, когда она прижимала к столу его плечо, кисть дёргалась вверх и ударяла её по лицу.

Вайнона упёрлась коленом в бицепс Мейхью и изо всех сил надавила на запястье мужчины.

Подобная работа требовала хорошей физической формы.

Вайнона могла перетаскивать девяностокilограммовые трупы, как фермерша — мешки с кормами.

Но иногда трупы не соглашались помочь ей.

Вот и Дьюи после смерти остался таким же упрямым, каким и был при жизни.

— Ну, давай же, сукин ты сын, -

прорычала Вайнона. — Уже поздно сопротивляться... Помоги мне... Ох!

Вайнона перевела дыхание.

Она уже вывернула конечность достаточно для того, чтобы она вместилась в гроб, но теперь Вайноне хотелось, чтобы она лежала, как и вторая рука, на груди покойного.

В традиционном положении.

— Хочешь ты или нет, ты всё равно залезешь в этот гроб... Поэтому, прошу тебя,

помоги мне...

Вайнона вытерла лоб, отбросила свесившиеся на лоб пряди волос, сделала глубокий вдох и снова бросилась в бой.

Послышался отвратительный щелчок — и рука Мейхью приняла нужное положение.

— Ну вот, — выдохнула она, — не так уж и плохо, да?

— Что, чёрт тебя дерит, ты делаешь?!

Вайнона, не привыкшая, чтобы в зале для подготовки кто-то разговаривал, чуть не подпрыгнула на месте.

Она обернулась и увидела в дверях Майка Райана.

— Ой, мистер Райан, — хихикнула Вайнона. — Вы меня до смерти напугали!

— Какого чёрта ты вытворяешь, женщина?!

Она улыбнулась, по-прежнему сидя на трупе, обхватывая его ногами с двух сторон и прекрасно понимая, как это выглядит.

И каким неприличным может показаться.

— А что вы, мистер Райан, думаете, я делаю?

— Ну, просто...

Вайнона снова хихикнула и соскользнула со стола.

— Иногда их приходится выпрямлять, чтобы тело поместилось в гроб. Неприятно... Но необходимо. В каждой работе есть свои неприятные моменты, ведь так?

Райан проигнорировал её вопрос и уставился на тело.

— Это Мейхью?

Сложно было сказать точно. Райан долгие годы был знаком с Дьюи Мейхью, но то, что осталось... Оно лишь смутно напоминало человека.

Скорее раздувшееся, бледное, сшитое нитками чудовище из театральной постановки.

— Да, — ответила Вайнона, быстро прикрывая тело простынёй.

— Господи, он выглядит ещё хуже, чем мне описывали.

Вайнона обиделась.

— Это всё, что я смогла сделать.

Майк Райан был крупным мужчиной с густыми бровями, жестким лицом и пристальным взглядом, который, казалось, видел человека насквозь.

Он был хозяином местного ранчо и очень богатым человеком.

Одевался только в лучшие костюмы, привезённые из Сент-Луиса, владел отелями в Вирджинии и Неваде и контролировал добычи и продажи с нескольких медных и серебряных рудников.

С этим человеком нужно было считаться.

Если вы ему нравились, можно было вздохнуть спокойно; а если нет — он мог уничтожить вас, ведь почти всё и все в Волчьей Бухте и её окрестностях принадлежали ему.

Он был хорошим приятелем Лаутерса и в своё время поспособствовал тому, чтобы тот занимал сейчас пост шерифа.

К тому же, он был мэром и главой городского совета в одном лице.

Вайнона сполоснула руки в тазе с водой, вытерла и припудрила тальком.

— Чем я могу помочь вам, мистер Райан, этим прекрасным днём?

— Прекрасным? — гневно переспросил Райан. — Что в нём прекрасного, Вайнона? Людей убивают!

— Просто речевой оборот.

Он посмотрел на нее с отвращением.

Его не заботили гробовщики в целом, но женщина-гробовщик... это было противоестественно.

— Ага. В общем, я пришёл сюда не для того, чтобы болтать с такими, как вы, — он вытащил из кармана золотые часы. — Мне нужно надгробие.

— Ясно, — ответила Вайнона, пытаясь притвориться и вести себя подобающе. — У вас в семье кто-то умер?

Она внимательно следила за голосом, стараясь не выдать волнения.

— Нет, не умер, — медленно ответил Райан. — Пока. Это для меня. Мне нужны гроб и надгробие. Самые лучшие. Я хочу, чтобы люди, проходя мимо моей могилы, останавливались и думали: «Вот здесь покойся богатый человек». Ясно? Самые лучшие!

— Я знаю прекрасного скульптора и каменщика в Вирджинии, мистер Райан. Он непременно создаст то, что подобает человеку вашего положения.

— Мрамор. Самый качественный, который только можно заказать. Самый лучший. Импортный. Вы можете это устроить? Я как-то заказывал итальянский мрамор для ванной комнаты. Думаю, сюда надо что-то подобное.

— О, можете быть уверены...

— Чёрт, не надо меня уверять! Просто сделайте!

— Конечно, сэр. Всё будет сделано.

— Отлично, — буркнул Райан. — Принимайся за дело, женщина. Я вернусь послезавтра, обсудим детали.

Райан выскочил из комнаты, оставив Вайнону с широкой улыбкой на бледном лице.

Насвистывая веселую мелодию, она продолжила втискивать Мэйхью в дешёвый сосновый гроб.

Жизнь приносит деньги.

Как и смерть.

28

Доктор Пэрри направлялся к Клауссену. Спина доктора ещё больше разболелась от смены погоды.

Он аккуратно ступал по изрезанной колеями дороге, то и дело поскальзываясь на снегу и чертыхаясь под нос.

— Бог свидетель, — бормотал он, — если я упаду, то уже не поднимусь.

Мимо него по своим делам спешили люди пешком, на конях и в повозках.

Все махали ему.

Многие останавливались поговорить.

Но у Пэрри для этого не было настроения.

Он пытался свести к минимуму количество инъекций морфия, но той дозы, которая убирала боль ещё неделю назад, сегодня хватало лишь, чтобы раздражить организм.

Но ему следует быть осторожным.

С наркотиками дурака не поваляешь.

Зависимость возникает очень быстро, и у Пэрри уже начали появляться её первые признаки: потеря аппетита, эйфория после инъекции и постоянная потребность во всё

большей и большей дозе.

«Чёрт, — подумал Пэрри, — я круглый дурак».

Он как никто другой знал, что не стоит играть с наркотиками в игры. Он видел бессчётное количество мужчин, превратившихся в наркоманов во время Гражданской войны, и всё же добровольно пошёл на эту зависимость, которая не могла закончиться ничем иным, кроме катастрофы.

Но со временем его поясница начала болеть всё сильнее. Проблемы начались около пяти лет назад, когда доктора сбросила лошадь, и он ударился спиной о скалу.

Терпение Пэрри иссякло пару месяцев назад, когда он почти перестал двигаться.

Подняться с постели было неимоверно трудно, а обследование пациента, требующее наклонов и поворотов туловища, вообще превращалось в агонию.

Если бы не наркотики, ему уже давно пришлось бы оставить свою практику.

И, кроме того, ему грозило неутешительное существование прикованным к постели инвалидом до конца своих дней.

Пэрри не мог позволить подобному случиться.

Многие люди зависели от него, а образ жизни немощного инвалида убил бы его быстрее, чем любой известный наркотик.

Он подошёл к церкви и с трудом начал пониматься по ступеням. Внутри было темно и тихо.

Пэрри несколько раз окликнул Клауссена, но ответа не последовало.

Он направился к дому приходского священника.

Похоже, здесь Клауссена тоже не было.

Пэрри подумал подняться наверх, но не хотел вторгаться в частную жизнь человека.

К тому же, его спине это грозило адской болью.

В кабинете Клауссена Пэрри нашёл книги, которые искал.

Он не собирался верить в подобную чушь про монстров, но только дурак упустил бы возможность изучить такие книги.

Пэрри оставил преподобному записку и забрал столько книг, сколько позволяла его больная спина.

Уходя, доктору показалось, что он слышал стон сверху.

Он пропустил его мимо ушей и вышел.

29

Несколько часов спустя Эбигейл Лаутерс, жена шерифа, и её двоюродная сестра, Вирджиния Кребс, пришли в церковь, но нигде не смогли найти преподобного.

На него было непохоже пропускать встречи по изучению Библии.

— Боже мой, — прошептала Эбигейл, — мне это совсем не нравится.

Вирджиния оглядела тускло освещённую церковь и поёжилась.

— Может, он в приходском доме? Бедняжка, работает даже во время болезни.

Туда они и направились.

— Как ты думаешь, где он? — задумалась Эбигейл.

— Надеюсь, ничего не случилось...

Эбигейл коснулась броши на груди.

— Наверно, лучше рассказать Биллу; он должен знать, где преподобный.

Она произнесла это с некоторой долей неприязни, поскольку в последнее время почти не просила мужа о помощи.

Пьяница.

Негодяй.

Отвратительный отец.

Клауссен по воскресеньям пытался увещевать Лаутерса с кафедры, и Эбигейл была полностью согласна с преподобным.

Нечто убивает людей, а Билл только и делает, что пьёт.

Позор.

— Это плохой знак, — произнесла Вирджиния. — Я уверена.

И никто из них не додумался подняться на второй этаж.

30

Преподобный слышал, как приходили и уходили люди.

Но у него все слишком болело, и положение было слишком унижительным, чтобы кого-то звать.

Лаутерс здорово его избил.

На первый взгляд ничего не было сломано, кроме носа преподобного и его гордости.

Но болело всё тело.

Лицо отекло и превратилось в синюшную маску.

Один глаз заплыл.

Два зуба выбиты.

На макушке шишка размером с бейсбольный мяч, а нос превратился в кровавое месиво.

Клауссен не хотел, чтобы его кто-то застал в таком виде.

Он слышал, как пришёл и ушёл доктор.

Он слышал, как пришли и ушли жена Лаутерса и её кузина.

Преподобный был рад, что никто не пытался его отыскать.

Он и представить не мог, что бы было, если его увидели таким.

Начнутся вопросы, а что он станет отвечать?

Если Клауссен расскажет, кто это сделал, то Лаутерс раскроет его тайну.

Преподобный не мог этого позволить.

Выхода только два: либо убраться из Волчьей Бухты и бросить то, что он строил столько лет, либо избавиться от человека, который сделал с ним это.

Убить Лаутерса?

Невозможно, хотя и первым пришло на ум. Убить ублюдка.

Но как?

Как, во имя всего святого, убить человека, который был ловок как в рукопашном бою, так и с огнестрельным оружием?

Преподобный колебался.

Но сделать это было надо.

Лонгтри встретил Лаутерса в конюшне.

— Я хочу с тобой поговорить, шериф, — произнёс Лонгтри.

Лаутерс забурчал.

— Мне нечего тебе сказать, маршал. Уйди с моей дороги.

Лонгтри не сдвинулся с места, стоя в дверном проёме.

— Надо поговорить о похитителях скота. О Банде Десяти.

Лаутерс вытер рот тыльной стороной ладони.

— Это местная проблема, — тихо произнёс он. — Это не твоё грёбаное дело. Ты приехал сюда, чтобы разобраться с убийствами — ну так разбирайся, и не суй свой нос в другие дела!

Лонгтри и не ожидал от него сотрудничества.

Единственной причиной, почему он выследил Лаутерса, было поставить его на место и забросать вопросами о банде похитителей и его возможной с ними связи.

И посмотреть, как он на это отреагирует.

— Я считаю, шериф, что произошедшие убийства и похитители скота как-то связаны.

Лаутерс облизал губы.

— Если ты так считаешь, то я не ошибался: ты тупой полукровка.

— Я хочу знать о Банде Десяти.

Бледное лицо Лаутерса покраснело.

— Всё, что тебе стоит знать, так это то, что я пушу тебе пулю в живот, если ты не свалишь с моего пути.

Лонгтри проигнорировал его слова.

— Я слышал слухи, будто эти похитители имеют какое-то отношение к линчеванию индейца в прошлом году.

— Свали с дороги, сукин ты сын! — прорычал Лаутерс.

— Жители говорят, что ты можешь знать больше, чем говоришь.

Лаутерс опустил руку на рукоять револьвера.

— Ты мелкий...

— Почему той ночью ты отослал своего помощника?

Лаутерса начало колотить.

— Заткнись! Заткни свою пасть, или я тебя убью! Клянусь богом, убью!

Лонгтри попытался спрятать ухмылку.

Он нажимал на определённые кнопки Лаутерса, и шериф вёл себя так, как маршал и ожидал.

Лонгтри уже давно был законником и ясно видел, что шериф кое-что утаивает.

А теперь пора задать главный вопрос:

— Ты связан с похитителями скота?

Лаутерс сделал шаг вперёд.

— Ты труп, Лонгтри...

Лонгтри отбросил в сторону полу плаща и ненавязчиво показал револьвер.

Это не было угрозой... Лишь предупреждением.

— Если собираешься застрелить меня, шериф, то подумай лучше трижды.

Лаутерс не спускал с него глаз.

Его нижняя губа начала нервно дёргаться.

Ладонь, сжимавшая рукоять кольца, подрагивала.

Лонгтри стоял на своем.

— Ну, давай, шериф, вытаскивай оружие. Ведь именно так ты решаешь свои проблемы? Давай, так ты сразу ответишь на все мои вопросы!

Лаутерс отвернулся от маршала, но затем внезапно бросился на него.

Лонгтри был застигнут врасплох.

Кулак Лаутерса угодил ему в висок, и Лонгтри упал.

— Ты совершил огромную ошибку, — сплюнул Лонгтри.

Лаутерс что-то крикнул и снова бросился на Лонгтри.

Лонгтри опёрся о локти и пихнул подбегающего шерифа сапогом в живот.

Лаутерс отшатнулся, но не упал.

Однако этих мгновений хватило, чтобы Лонгтри вскочил на ноги.

Шериф направился к нему, из уголка его рта текла струйка слюны.

— Я убью тебя, полукровка индейская! Убью голыми руками!

Лаутерс ударил с разворота, но Лонгтри уклонился и мгновенно ответил двумя прямыми ударами в лицо.

Лаутерс упал на спину, из его носа текла кровь.

С воинственным криком он вскочил на ноги и начал яростно и дико наносить удары.

Лонгтри впечатал ему колено в живот, заблокировал удар левой и врезал кулаком в ухо.

— Ладно-ладно, индейский ублюдок, теперь ты своё получишь! — вновь прошипел Лаутерс.

Лонгтри уклонился и ушёл от двух ударов с разворота и ударил Лаутерса в лицо тремя молниеносными толчками и завершил всё апперкотом. Голова шерифа запрокинулась, а шляпа слетела с головы в дальний угол помещения.

Лонгтри ещё раз ударил Лаутерса в живот и врезал локтем по развороченному носу шерифа.

Лаутерс упал на колено, кашляя, задыхаясь и держась руками за живот.

— Хочешь ещё? — спросил Лонгтри.

Лаутерс медленно покачал головой и вытянул револьвер.

Лонгтри видел это, но ему не хватало времени достать свой.

Он бросился в сторону, и раздался звук выстрела.

Пуля зацепила бок Лонгтри, прошла вдоль рёбер; голова маршала взорвалась от боли, а перед глазами заплясали чёрные пятна.

Маршал упал на землю, неспособный убежать, и сжал зубы.

Лаутерс прицелился. Его лицо было измазано кровью, а налитые кровью глаза чуть не выскакивали из глазниц.

— Шериф! — в дверь вбежал Боус. — Бросьте оружие!

У Лаутерса был дикий, безумный вид.

Его правый глаз заплыл и уже почти не открывался.

По опухшему, багровому лицу была размазана кровь. Шериф тяжело дышал.

Он перевёл взгляд с Боуса на Лонгтри и что-то пробормотал.

— Во имя бога нашего, Иисуса Христа, шериф! — крикнул Боус, вытаскивая собственное оружие. — Бросьте! Бросьте сейчас же! Вы не можете застрелить безоружного маршала... Это убийство!

Лаутерс скривился.

— Я убью этого краснокожего ублюдка!

Боус направил револьвер на Лаутерса.

— Прошу вас, шериф... Билл, ради всего святого, брось оружие! Я не хочу в тебя стрелять!

— Полукровка... Чёртов индейский ублюдок...

— Он заместитель федерального маршала, шериф! Вас повесят!

Лаутерс сплюнул и выругался, опустив револьвер.

— Твою мать, ты посмотри, что он со мной сделал! — заорал Лаутерс. — Посмотри, что он сделал!

Лонгтри застонал и сел.

— Я пришёл... задать вопросы... Он напал на меня... Я только защищался...

Боус помог ему встать.

— Ладно, вы оба сейчас отправитесь к доктору. Мне не нужны неприятности.

Лаутерс первым направился к выходу.

— Твоё время придёт, полукровка, — прошипел он, проходя мимо Лонгтри.

Лонгтри выругался.

— Заткнитесь, — прошипел Боус сквозь стиснутые зубы. — Оба!

32

Чуть позже, в здании тюрьмы, Боус выглядел огорчённым.

— Небезопасно вам обоим оставаться в этом городе, -

произнёс он. — Сегодня я остановил вашу драку, маршал, но завтра...

Лонгтри затянулся сигаретой.

— Он себя не контролирует, и ты это знаешь.

— Не надо мне рассказывать, что я знаю, а что — нет!

Боус хлопнул ладонью по столу и стиснул зубы.

— Я устал от этого, Лонгтри, понимаешь? Чёрт, у меня и так забот по горло, а приходится ещё и с вами двумя нянчиться! Весь этот городок — как огромный котёл дерьма, который вот-вот выкипит. Чёрт, вот увидишь!

Лонгтри вздохнул и легонько прижал ладонь к рёбрам.

Они изрядно болели, но рана не была серьёзной.

Пуля Лаутерса прошла по касательной, выхватила кусок плоти, но не нанесла серьёзного вреда.

В Лонгтри и раньше стреляли, и он по опыту знал, что раны, зацепившие лишь мышечную ткань, не менее болезненные, чем огнестрельные в живот.

— Я бы и сам убрался на хрен отсюда, если б мог, — вздохнул Лонгтри, — но это не так-то просто. Не сейчас.

— К чему вы клоните?

— Ты и вправду хочешь знать?

Боус пристально посмотрел на маршала.

— Я бы не спрашивал, если бы не хотел знать.

Лонгтри выпустил облако дыма и опёрся руками и колени.

— Ладно, я тебе расскажу. Лаутерс взбесился, когда я спросил его о похитителях скота и линчевателях...

— И вы вините его в этом? Он и так хлебнул горя с этим, — покачал Боус головой. — Город тогда просто сошёл с ума, и чем быстрее об этом все забудут, тем лучше.

Лонгтри кивнул.

— Я всё понимаю, помощник. Но почему он сорвался при упоминании угонщиков?

— По той же причине, — как о само собой разумеющемся ответил Боус. — С этим ему тоже хватило проблем. Он ведь так и не смог остановить Банду Десяти.

— Думаешь, в этом всё дело?

— Да.

Лонгтри ничего не сказал.

Боус был безраздельно предан.

Лонгтри уважал таких людей, даже несмотря на то, что их преданность распространялась на подобных Лаутерсу крыс.

— Эти похитители скота всегда были большим местом шерифа, - печально признал Боус. — Он сделал все возможное, чтобы поймать их.

— Ты уверен?

Боус вскинул брови.

— Что вы имеете в виду?

— Чёрт, да прекрасно знаешь, что я имею в виду. Лаутерс — один из них.

— Брехня! — воскликнул Боус. — Вы что, пьяны, маршал?! Да он отличный законник... Был отличным законником...

Лонгтри не высказал никаких эмоций.

— Даже лучшие из нас портятся.

— Я даже слышать не хочу эту чушь, маршал! Не хочу! Шериф не имеет ничего общего с Бандой Десяти.

— Хотите сказать, с «Бандой Двух»?

Боус просто смотрел в стол, барабанил пальцами.

— Да, помощник, Бандой Двух. Потому что я считаю, что восемь её членов уже убиты. Остались лишь двое.

Боус поднялся из-за стола и налил себе кофе.

— Думайте, что хотите, маршал, но я этого и слушать не хочу, ясно? Если Лаутерс об этом услышит, он вас убьёт. А у меня и так куча проблем, чтобы заниматься убийством федерального маршала и арестом человека, которого я знал многие годы.

— Прекрасно, помощник, — произнёс Лонгтри. — И если мы уж говорим о деле, подкину-ка я вам ещё проблем.

Боус вздохнул.

— Ну, давайте, Лонгтри. Похоже, у вас там мешок с подарками.

— Награда, которую объявил шериф за поимку зверя, привлекла кое-кого, — продолжил Лонгтри. — Парня по имени Джако Ганц. Охотника за головами. Я с ним недавно побеседовал. Он разбил стоянку недалеко от города.

— Не вижу в этом проблемы.

— Десять лет назад я бы охотником за головами, помощник. И арестовал Ганца. Он отбыл свой срок в тюрьме и сейчас затаил на меня обиду.

И Лонгтри рассказал Боусу о том, что произошло сегодня на стоянке Ганца.

— Похоже, у вас везде друзья, да, маршал?

Лонгтри слабо улыбнулся.

— Я хочу сказать, помощник, что если я исчезну, ты будешь знать, где копать.

Боус рассмеялся.

— Тут вы ошибаетесь, маршал. Вашей смерти желает куча народа.

С этим Лонгтри поспорить не мог.

Он умел наживать себе серьезных врагов, куда бы ни отправлялся.

Но Лаутерс... Господи, да он возглавлял список!

Том Риверс сказал, что Лаутерс — невежественный, жестокий ублюдок, но это и в малой степени не описывало истинное положение дел.

Лонгтри пообещал себе, что если каким-то чудесным образом выберется из этой чёртовой мышеловки, то обязательно сообщит об этом Тому Риверсу.

И по большей части это будут слова из трёх букв.

— Я просто предупреждаю, что может произойти, — сказал Лонгтри. — Ганц — убийца, и он попытается меня достать. Поверь мне.

Боус начал раздражаться.

— Дайте угадаю: а вы собираетесь сидеть и ждать, когда он придёт?

Лонгтри усмехнулся.

А снаружи Лаутерс стоял у окна, приложив ухо стеклу.

Теперь он знал всё, что ему было нужно.

33

Когда Лаутерс добрался до стоянки Джако Ганца, уже наступила ночь.

Он увидел то же, что и Лонгтри: повозку, капканы, шкуры, винтовки и армейскую палатку.

В воздухе стоял запах кофе и жареного мяса.

Лаутерс привязал лошадь к повозке и направился к костру.

— Есть кто-нибудь? — крикнул шериф.

Он закрыл глаза и поморщился.

Даже разговор шёпотом отдавался болью в голове.

Лонгтри серьёзно к нему приложился.

Всё тело болело, а на нос даже пришлось наложить повязку.

Он оказался сломан, и доктор Пэрри вправлял обломки на место.

Лаутерс никогда не испытывал такой боли.

Однажды он выслеживал в горах Тобакко Рут индейца-шайенна, похищавшего лошадей, и получил пулю в живот.

Ему пришлось самому выковыривать пулю ножом из живота, но даже тогда ему не было так больно.

Чёртов Лонгтри.

Чёртов индейский полукровка.

— Кто ты? — выкрикнул из темноты голос.

Лаутерс не обернулся.

— Лаутерс. Шериф Волчьей Бухты.

— Какого чёрта тебе надо? Я ничего не сделал.

— Знаю. Просто хочу с тобой переговорить, вот и всё.

Ганц сел напротив Лаутерса у костра. Это был большой, бородатый мужчина с тёмными глазами.

— Здесь уже был другой законник, — сплюнул Ганц.

— Лонгтри?

Ганц кивнул.

— Забудь, здесь я закон, а не он. Даже не обращай внимания на то, что говорит этот полукровка.

Ганц усмехнулся.

— Ты знаешь, как меня зовут?

— Земля слухами полнится. Я слышал, как Лонгтри рассказывал моему помощнику о тебе.

Ганц сплюнул окрашенную табаком слюну в костёр, и она зашипела.

— Ясно, шериф. Я просто занимаюсь своим делом, а этот ублюдок ударил меня пистолетом без всякой причины.

— Нисколько не сомневаюсь. Что между вами двумя приключилось?

Ганц, чувствуя, что у него появился союзник, подробно рассказал шерифу свою историю.

Его версия несколько отличалась от того, что Лаутерс слышал от Лонгтри.

— Он просто садист и сволочь, шериф. Да, я не совсем законопослушный гражданин, но стрелять в меня было необязательно.

Лаутерс дотронулся до своего носа.

— Я знаю, какой он. Как и то, что он прикрывается своим значком и правительством Соединённых Штатов.

— Это он с вами сделал, шериф?

Лаутерс кивнул.

— Он.

Ганц прищурился.

— А он груб, этот Лонгтри. Я это знаю, как никто другой. Он отлично управляется с ножами, а ещё лучше бьётся в рукопашном бою. Вы знали, что он был разведчиком в армии?

Лаутерс покачал головой.

— И превосходным, судя по слухам. И не удивительно, учитывая текущую в нём кровь Кроу. Я слышал, что он был бойцом в Сан-Франциско до того, как стал охотником за головами, а затем — маршалом.

Лаутерс в этом не сомневался.

Существовало всего несколько человек, которых Лаутерс не мог победить в драке, а Лонгтри дрался как одержимый.

— Профессиональным бойцом?

— Ага. В начале шестидесятых. Его звали Малыш Кроу. Он сражался на ринге с лучшими бойцами и поднимал солидные суммы. Я даже слышал, что он выстоял десять раундов против Джимми Эллиота. Да, получил своё прилично, но держался до последних сил.

Лаутерс задумался.

— От него будут одни проблемы, Ганц. Надо от него избавиться.

— От федерального маршала?

— Плевать, — ответил Лаутерс. — Я же говорил: здесь я закон. Если, скажем, кто-то застрелит Лонгтри, то я не стану задавать вопросы. Более того, этот человек может получить неплохое вознаграждение.

— Продолжайте, шериф, вы меня заинтересовали...

34

— Странно, что его нигде не видно, правда, Билл?

Лаутерс сидел дома у доктора Пэрри.

После того, как шериф заключил сделку с дьяволом, он поехал обратно в город и остановился у Перри поужинать и поговорить.

На ужин был копчёный окорок, жареный картофель и яблочный пирог.

— Всё, что касается Клауссена, мне кажется странным, — ответил Лаутерс, прикуривая предложенную доктором сигару. -

Если он сбежал, меня это вполне устраивает.

Перри разгладил усы.

— Но сбежал ли он — вот в чём вопрос.

— О чём ты, док?

Пэрри облизал губы и заговорил, тщательно взвешивая слова.

— В тот день ты выбежал отсюда, приговаривая, что разберёшься с ним. Помнишь? А теперь его никто не может найти. Клауссен не из тех, кто пропускает службу. Он серьёзно относится к религии, ты же знаешь.

— Ты хочешь сказать, что я как-то замешан в его исчезновении?

— А ты замешан?

Лаутерс нахмурился.

— Чёрт, док, ты что, считаешь, что я его убил? Так?

Пэрри откинулся на спинку стула и уставился в темноту за окном.

— Надеюсь, нет, Билл. Действительно, надеюсь. Но, когда ты сегодня уходил, ты выглядел... ну, как человек, способный на что угодно.

— Я его не убивал, — твёрдо произнёс Лаутерс.

Пэрри сурово на него взглянул.

— Тогда что ты с ним сделал?

35

Лонгтри и Боус не спеша ехали через холмы.

Они двигались тихо, стараясь держаться в тени.

Если их поймают на территории Черноногих — проблем не оберёшься.

Они остановились в чаще, чтобы удостовериться, что за ними никто не следует.

— Да что, во имя всего святого, заставило тебя прийти сюда на спор? — присвистнул Лонгтри.

Боус лишь покачал головой.

— Понятия не имею... Молодость, глупость... Кто разберёт?

— Что произошло?

Лицо Боуса в мертвенно-бледном свете луны казалось высеченным из камня.

Лишь мерцали широко распахнутые глаза.

— Мне тогда было десять лет. Меня задирали парочка местных мальчишек, и я решил, что должен им что-то доказать. Знаете, Бешенный Хвост — неплохой человек, с ним всегда можно договориться. Но вот его старик... Чёрт, он был настоящим чудиком. Его звали Касающийся Духов, и это имя ему действительно подходило. Он был великим шаманом Черноногих, и его боялись все: и белые, и краснокожие.

— Он был нашим местным страшилищем для детей. Выросшие в этих краях слушали выдумки про него. Естественно, безумные. Поговаривали, что однажды он вошёл в транс, который длился шесть недель. А чуть позже он повторил это: транс длился вдвое дольше; его даже похоронили, но однажды ночью он вернулся в Волчью Бухту, как Лазарь, — тощий, как скелет, с мертвенно-бледным лицом и сияющими лунным светом глазами, а к коже его липли грязь и трава.

— Наш местный священник был первым, кто его увидел. Говорят, он заорал, упал с лошади и сломал ногу. Весь город считал, что Касающийся Духов вернулся из мёртвых. Как знать, может, так оно и было...

— Ходили слухи, что он мог гасить звёзды и создавать бури и ураганы силой мысли. Что он мог отравлять посевы или вызывать дьявола, который вас убьёт, если вы ему не понравитесь. Ну и всякие остальные бредни, вроде вытягивания змей из рукавов одежды, призыва духов погибших воинов и общения с волками и ястребами.

— Люди приходили к нему, если кто-то заболел. Он заваривал травы и корешки, и ещё какое-то дерьмо, и чаще всего, лечение срабатывало. Он раскладывал внутренности убитого буйволёнка и мог рассказать, удачной ли будет охота, погибнут ли посевы или нападёт ли мор на ваш скот. Рассказывали, что одному шахтёру он предсказал, как и когда он умрёт... И так оно и случилось.

— В общем, вы поняли. Я встречался с ним лишь раз. Он пришёл в город с Бешеным Хвостом и парой других индейцев за провизией. Он сидел на повозке. Я старался не смотреть на него, но чувствовал, что его взгляд ползёт по мне, как мерзкие пауки. Я повернулся к нему. Индеец прожигал во мне дыру своим взглядом, и эти глаза... Чёрт, они горели, отражая солнечное пламя.

Эти глаза захватывали вас в свой плен и рассказывали вам, маршал, и показывали то, что знал о вас Касающийся Духов; то, о чём вы никому, кроме себя, не признавались. Он знал о ваших страхах и ночных кошмарах. О том, что вас пугает до смерти. И все ваши грязные секреты. Да, их он тоже знал...

— В любом случае, к тому времени, как я пришёл сюда, Касающийся Духов уже был мёртв пять или шесть месяцев. Чёрт. Это была тёмная-тёмная ночь, завывал ветер, и я слышал, как вокруг меня что-то шевелится. И я мог поклясться богом, что слышал шелестящие рядом по сухой траве шаги и шёпот, и голоса...

— Я встал у его могилы и... Господи, клянусь, я увидел стоящего напротив старика в похоронных одеждах, с бусами и костями, а его волосы шевелились, как клубок змей, а глаза, ярко-жёлтые, горели, как у лежащей у костра гремучей змеи, и я... Чёрт, я был ещё ребёнком! Я испугался до смерти, заорал и убежал домой.

Лонгтри задумчиво посмотрел на помощника.

Он не собирался смеяться над ним и говорить, что тому всё привиделось.
От уверенного голоса Боуса у Лонгтри волосы на затылке встали дыбом.
— Кое-что из их шаманства... действительно жутко, — только и ответил он.

— Вы даже не представляете насколько, — полным благоговейного страха голосом прошептал Боус.

36

— Если нас здесь поймают, — сказал Боус, — мы трупы.

Лонгтри молча кивнул.

Они стояли в предгорьях Тобакко Рут на территории Черноногих.

Мужчины принесли с собой лопаты, кирки и достаточное количество оружия, чтобы справиться с целой армией Сиу.

Зачем рисковать понапрасну?

— Ты часто сюда приходил? — уточнил Лонгтри.

— Лишь однажды, — признался Боус. — В детстве. И я тогда испугался до потери пульса, но сейчас мне на это плевать.

Кладбище Черноногих находилось между двумя лесистыми хребтами в залитой лунным светом низинке, окружённой сухими, корявыми деревьями.

Это была священная земля.

Здесь Черноногие хоронили своих мёртвых на протяжении многих веков ещё до того, как нога белого человека ступила на эту землю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Лонгтри и Боус сидели верхом среди сосен и ждали.

— Вы уверены, что хотите это сделать? — в последний раз спросил Боус.

— Да.

— Не расскажете, что именно вы ищете?

— В своё время. Идём.

Боус кивнул.

— Не важно, начнём мы копать или нет. Простое пребывание здесь бледнолицего — уже достаточная причина, чтобы нас убить.

Лонгтри надвинул шляпу на лоб.

— Давай покончим с этим.

Высоко-высоко, на затянутом тучами небе, светила луна, отбрасывая на землю резкие тени.

С севера, огибая горные пики, дул прохладный ветер.

Они привязали лошадей у скалы.

Если им придётся быстро убегать, лучше чтобы лошади были спрятаны.

Хотя, если им придётся быстро убегать, то вряд ли они вообще смогут отсюда выбраться.

Они собрали ружья, патроны и инструменты и двинулись в сторону кладбища.

Лонгтри преследовало непонятно чувство пустоты внутри... Мрачное предчувствие.

Это чувство скрутило в узел его внутренности, заставив похолодеть.

Он не мог адекватно назвать то, что чувствовал, только знал, что это была смесь страха,

тревоги и беспричинного ужаса.

Очень старого, древнего, первобытного ужаса.

Не принадлежащего этому миру.

Не принадлежавшему ни чему живому.

«Воображение, — подумал Лонгтри. — Ничего больше».

Но сам себе не верил. Как и в тот день, когда попал в Оклахоме в песчаную бурю.

Боус дышал ему в спину и, когда Лонгтри резко остановился, врезался в маршала.

— Весёлое местечко, правда? — прошептал Боус. — Как только наиграетесь в героя —

скажите.

Лонгтри согласно кивнул.

Несмотря на то, что температура была немногим выше нуля, воздух был затхлым, как в старых, давно не проветриваемых шкафах.

Лонгтри попытался сглотнуть и не смог... Не было слюны.

Убедившись, что они одни, Боус зажёл фонарь.

Над могилами и курганами заплясали дикие, безумные тени.

Поднялся ветер, напоминавший холодный, гогочущий смех.

Ноги опутывал туман.

— Как думаешь, сможешь отыскать могилу? — тихо уточнил Лонгтри.

— Смогу, — ответил Боус. — Я знаю, где хоронят людей Бешеного Хвоста... Увидев однажды, такого не забудешь. Он принадлежит какому-то обществу, какой-то безумной группе. Есть в ней что-то забавное, я бы сказал. В прошлый раз я пришёл сюда на спор после захода солнца. И увидел, увидел...

Вдалеке низко, заунывно, жалобно завыв волк.

У Лонгтри всё внутри похолодело, а волосы на затылке встали дыбом.

— Это обычный волк, — сухо произнёс он.

Боус облизал губы.

— Очень на это надеюсь.

Лонгтри прикурил сигарету, Боус последовал его примеру.

Место было нехорошим, и им надо успокоить нервы. Хоть как-нибудь.

Лонгтри был рождён для неприятностей, он питался ими, как пиявка питается кровью.

Он не боялся их. Неприятности были частью того, кем он являлся.

Но... Господи, всё это место, весь воздух здесь был вредным, опасным, прогнившим.

Лонгтри чувствовал, что они не одни, что что-то наблюдает за ними из тумана холодными и злобными глазами.

И он не мог избавиться от этого чувства.

Тишина упала на окружающие холмы и леса.

Тени плясали вокруг мужчин.

Лонгтри казалось, что его тело вырезано из дерева.

— Вы же тоже это чувствуете? — прошептал Боус.

— Да.

Образы ночных могильников прочно укоренились в сознании Лонгтри. Наверно, там они уже останутся навсегда, будут преследовать его по ночам и заставляться просыпаться в четыре утра в холодном поту.

Луна слабо освещала могильные плиты и груды камней, отбрасывая нечёткие тени.

Чёрные кривые деревья поднимались из промёрзшей, потрескавшейся земли, как

пальцы гигантского скелета, тянущегося расцарапать небо.

Повсюду стояли огромные нагромождения камней, лежали сломанные заиндевевшие плиты с гротескными изображениями животных и безымянных богов.

Обломки валялись под ногами, либо поднимались вверх к мрачному небу.

И везде стоял запах гнили и плесени.

— Не могу сказать, что мне здесь нравится, — признался Лонгтри.

Боус бросил на маршала быстрый взгляд и отвернулся.

Всюду валялись кости животных, они же висели на засохших деревьях.

Некоторые из них были свежими, отбеленными, с прилипшими к поверхности кусочками мяса, другие — серые, потрескавшиеся от прошедших лет.

Все были покрыты инеем. Принадлежали они огромным зверям.

Лонгтри заметил несколько лошадиных черепов, наполовину скрытых землёй.

— Зачем здесь кости? — спросил он.

— Таков обычай: после смерти хозяина убивают его лучшего коня, — пожал плечами Боус. -

Наверно, что-то вроде жертвы у Братства Черепа.

— Вон там, — указал пальцем Лонгтри на обрыв, находившийся в тени.

— Да, это там, — кивнул Боус.

Могилы членов клана Бешеного Хвоста находились на длинном обрыве, поросшем бесформенными перекошенными деревьями.

Некоторые деревянные плиты были новыми, некоторые — старыми, а некоторые — даже древними и разваливающимися, обтянутыми шкурами буйволов с нарисованными на них буквами и изображениями животных.

На других плитах были растянуты выгоревшие на солнце шкуры волков.

Рядом в землю были вбиты деревянные посохи, расписанные краской и украшенные перьями и бусинками.

Сверху на них были надеты волчьи и человеческие черепа. Десятки и сотни. Все древние, потрескавшиеся и пожелтевшие.

Боус установил фонарь на вершину пирамиды из камней, которая по всем признакам была сложена недавно.

Эти камни, в отличие от остальных, ещё не успела разрушить природа. И на них не было многолетнего слоя мха и грибов.

— Думаю, Красный Лось тут, — произнёс Боус.

— Давай взглянем, — произнёс Лонгтри; полы его плаща трепыхались на ветру.

Им понадобилось около получаса, чтобы разобрать груды камней, большинство из которых примёрзли друг к другу и к земле, и разбить их можно было только ударом кирки.

Затем Лонгтри взял кирку и начал разбивать примёрзшую землю. Это было непросто.

Она примёрзла сантиметров на тридцать в глубину, и каждый удар киркой по ней чуть не искры вызывал.

— Отлично, — произнёс, наконец, Боус, взял лопату и начал копать мягкую землю. — Черноногие хоронят своих людей неглубоко. На не придётся копать глубже, чем на метр, — пробормотал он.

Когда они увидели лоскут ткани, Боус начал руками расчищать землю.

Красный Лось был обёрнут в покрывало.

Боус с подлинным уважением к умершему осторожно раскрыл покрывало.

Внутри было не тело, а что-то похожее на сшитый из шкуры буйвола саван, раскрашенный изображениями солнца и луны.

— Нам придётся разрезать это, чтобы взглянуть на тело, — прошептал Боус, и, судя по его тону, это было последним, что он хотел сделать.

Лонгтри опустился на колени рядом с телом и вытащил нож из ножен.

— Мы просто быстро посмотрим, и всё, — сказал он.

Он разрезал сшитую сухожилиями кожу буйвола до того места, где приблизительно должна находиться талия Красного Лося.

Лонгтри бросил на Боуса быстрый взгляд и резким движением распахнул в стороны саван.

— Может, теперь скажете, что вы ищете? — уточнил Боус.

— Сам узнаешь, когда увидишь.

Красный Лось был похоронен в лучших одеждах: рубашка из мягкой кожи антилопы и штаны из того же материала.

Одежда была украшена яркими иглами дикобраза, перьями, бусинами и маленькими колокольчиками.

Женщины, которые готовили тело к погребению, разрисовали лицо, согласно обычаю, тонкими белыми, жёлтыми и чёрными полосами.

Оружие было зашито в саван вместе с владельцем, как и его кисет с табаком и мешочек из мягкой кожи нерождённого телёнка буйвола с лечебными травами.

Лонгтри скрупулёзно исследовал тело при свете фонаря.

Его шея была вывернута под неестественным углом, а кожа в местах плотного прикрепления к костям черепа потемнела.

А в остальном холод и земля сохранили тело от дальнейшего разложения.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Боус.

Лонгтри накрыл тело Красного Лося и подвернул покрывало.

— Ничего. Слава Богу. Как же я рад...

— А что вы ожидали найти?

Лонгтри проигнорировал вопрос и засыпал могилу землёй. Боус помогал ему укладывать на место камни.

Через несколько дней, когда снова начнутся морозы, никто и не догадается, что могилу раскапывали.

— Посмотрите сюда, — окликнул Боус.

Лонгтри повернул голову. Боус показывал на ещё одну могилу, очень древнюю на вид. Раскрытую.

Камни были расшвыряны в стороны. Всё, что осталось от могилы — это ров ста двадцати сантиметров в глубину.

И образовавшаяся яма была гигантской. Слишком большой для человека.

В ней можно было похоронить коня, а то и двух.

— Эта могила раскопана, — произнёс Лонгтри и воткнул в землю лопату. — И пуста. Как ты думаешь, зачем забрали тело?

Боус покачал головой.

Лонгтри поднёс фонарь к другой могиле в нескольких метрах.

Эта была украшена черепами на столбах и разукрашенными шкурами, растянутыми на каменных плитах и исписанных рисунками и письменами, которые стёрлись со временем.

Здесь было не менее полудюжины человеческих черепов и столько же волчьих.

Некоторые шесты повалились, и упавшие черепа раскололись, как древний хрупкий фарфор.

— Как ты считаешь, кто там? — спросил Лонгтри. — Касающийся Духов?

— Нет, он дальше, на следующем холме.

— Кто бы это ни был, он явно был важной персоной.

Боус облизал губы.

— Здесь все — важные персоны. Великие шаманы, — пояснил он Лонгтри. — Но этот... Чёрт, да он в земле уже лет сто, а то и двести!

Лонгтри думал так же. Он не мог сказать, почему так считал, но был уверен, что ответ где-то здесь.

А эта могила была такой украшенной... такой ухоженной... Она говорила с ним.

Лонгтри убрал с пирамиды из камней растянутую пожелтевшую кожу, и она рассыпалась под его пальцами, как засахаренное печенье.

Он начал разбивать камни мощными ударами кирки.

— С меня хватит, — Боус вскинул руки. — Я хочу знать, что за чертовщина здесь творится!

Лонгтри продолжал работать.

— Когда мы найдём это — точнее, если мы найдём, — ты сразу поймёшь.

— Чёрт, маршал, я ведь тоже рискую здесь своей шеей! Расскажите, что происходит, или я сматываюсь! — воскликнул Боус, потом добавил спокойней: -

Раскапывать могилу Красного Лося — это одно, а это... Господи, он мёртв уже несколько веков! Что нам это даст?

— Надеюсь, ничего, — выдохнул Лонгтри.

— Чёрт бы вас побрал, Лонгтри, — Боус сплюнул под ноги и начал помогать.

Эту пирамиду они разбирали дольше.

Бессчётное количество дождей, морозов и летней жары словно зацементировали каменную кладку.

Мужчины уже давно скинули пальто, и когда закончили с пирамидой, у обоих лица были мокрые от пота.

Под пирамидой из камней лежала каменная плита, но на этой поверхности были изображены не люди и не звери.

Им пришлось использовать черенки от лопат в качестве рычагов, чтобы сдвинуть плиту.

А затем прорубить промороженную и утрамбованную землю.

Поднялся порывистый северный ветер.

Волчьи шкуры и висащие на иве истлевшие ритуальные покрывала затрепыхались на ветру.

Вдалеке волк начал выводить свою древнюю песнь.

Выглянула бледная луна, отбрасывающая пляшущие диковинные тени.

Лонгтри нащупал что-то похожее на истрёпанный кусок брезента, и они с Боусом начали расчищать песок и щебень.

Полуистлевший, полусгнивший брезент рассыпался у них под руками.

— Господи, — прошептал Боус, отворачиваясь, — ну и вонь!

Лонгтри тоже его почувствовал: тяжелый запах гниения и могильной плесени.

Запах, который не умер спустя много лет.

Это был мрачный, удушающий, злой запах скотобойни и потревоженной могилы.

— Это неправильно, — дрожащим голосом произнёс Боус.

Полностью раскопанная могила оказалась огромной. Гигантской.

Это тело тоже было зашито в саван, то ткань почернела с годами и покрылась пятнами плесени и растущими в сырости грибами.

И саван был сделан не из кожи буйвола, а из чего-то более тонкого и гладкого.

Лонгтри заподозрил, что это человеческая кожа, но не стал говорить вслух.

Чья бы она ни была, учитывая размеры, кожи потребовалось много.

Лонгтри разрезал саван, даже не пытаясь осторожничать. Его пальцы дрожали.

Высоко, пронзительно взвыл волк.

Лонгтри тяжело сглотнул и откинул саван в сторону.

Боус поднёс фонарь.

— Господь милосердный, — пробормотал он.

Лонгтри отпрянул, по коже побежали мурашки.

Тёмное безымянное безумие дразнило его мозг.

Кто бы это ни был... Он был не человеком. Великаном.

Огромная, перекошенная голова с выступающей лобной костью обтянута серой плотной чешуйчатой кожей, которая местами прорвалась, как изношенный холст.

И по ней шли тёмные пятна плесени.

Массивная челюсть выступала вперёд, из почерневших дёсен неровными рядами торчали изломанные, раздробленные острые зубы.

Глаз не было, лишь чёрные зияющие глазницы, одна из которых заросла мхом.

Из обтянутого кожей черепа неровными пучками торчали серебристые волосы, которые сейчас развевались под порывами ветра, как кукурузные рыльца.

Лонгтри смотрел и не знал, что сказать.

В его голове царила абсолютная пустота. Он знал, каково это — сойти с ума, когда безумие — меньшее из двух зол.

— Невозможно, это невозможно, — снова и снова повторял Боус.

Возможно.

Лонгтри не сводил взгляд.

Труп был захоронен в неосвящённой земле, обёрнутый в кусок шкуры, которая сейчас прогнила до лохмотьев, и через них виднелись кости и иссохшая кожа.

Одна рука скелета была перекинута на грудь, пальцы покрыты пергаментной кожей и заканчивались крючковатыми когтями.

На этой руке было только четыре пальца и каждый из них был от тридцати до тридцати пяти сантиметров от костяшек до кончика ногтя.

Ладонь была размером с человеческую голову.

И ещё у гиганта был обёрнутый вокруг туловища хвост, состоящий из позвонков.

Один из пальцев пошевелился.

— Господи, — прошептал Боус, — закапывайте! Ради всего святого, закапывайте!

Лонгтри отвернулся от лежащего в могиле кошмара.

Это он и искал. Он знал, что должен найти нечто подобное, но теперь открытие казалось невероятным. Слишком много всего оно тянуло за собой.

Он слышал завывание ветра, песню волка, чувствовал нездоровый мертвенный свет луны на своей коже.

Кто бы это ни был, он не был человеком.

Мумия какого-то дьявольского, извращённого племени; какого-то безымянного монстра, который вдвое больше человека и вчетверо злобнее.

Безликий.

Ну конечно. Тощий скелет с хитиновым покровом, огромный уродливый череп. Всё сходится.

Внезапно у Боуса расширились зрачки, он отшатнулся и упал на спину.

Он тыкал пальцем в сторону и бормотал несуряицу, а из уголка его рта начала течь слюна.

— Что за...? — начал Лонгтри, но всё понял сам.

С ледяным могильным поцелуем на него упала огромная, страшная тень.

Он услышал хлопок и что-то похожее на треск сухого хвороста.

Ветер принёс запах старых костей и заплесневелого савана.

Лонгтри развернулся, уже зная, что увидит. Живот скрутило от ужаса, а в голове зашумело.

Он раскрыл рот, но не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Существо стояло в могиле — сгнившее пугало с оскаленным, крошащимся черепом вместо головы.

Ошмётки его мумифицированной кожи трепыхались на ветру.

Челюсти захлопнулись со щелчком, и существо исторгло стонущий, шипящий звук из разбитого горла.

Оно возвышалось над землёй больше чем на два метра.

Хвост, напоминавший позвоночник животного, обвивался вокруг костей и рёбер.

Лонгтри не мог сдвинуться с места. Его словно парализовало.

Боус попытался нащупать револьвер, но когда достал, его руки так дрожали, что он не мог держать оружие ровно.

Первый выстрел разорвал тишину душной ночи. Пуля просвистела мимо.

Мёртвое существо потащилось к Лонгтри с низким грубым рёвом, эхом отражающимся от могильных плит.

Иссохшая рука схватила мужчину за волосы, дёргая голову назад, и несуразный череп начал приближаться к лицу маршала, обнажая жёлтые обломанные зубы и кровоточащие дёсны...

Следующие два выстрела попали в цель.

Одна пуля угодила в череп существа, край которого разлетелся пылью и осколками.

Вторая ударила в грудь, взрывая плоть и песок.

Челюсти распахнулись с пронзительным визгом обманутого существа, иссушённая плоть начала трескаться слой за слоем от удара снаряда.

Создание выпустило Лонгтри и отступило назад. Следующие несколько пуль продолжали разрывать сухую плоть.

Лонгтри вскочил на ноги и схватил лопату.

Когда маршал слышал, как револьвер Боуса щёлкнул пустым барабаном, он бросился на монстра, размахивая лопатой, как дубинкой.

Лезвие лопаты рассекло шею существа, и его голова свалилась на землю со звуком, напоминающим вытаскиваемые из земли корни.

Отсечённая голова скатилась обратно в могилу.

Несколько мгновений чудовище ещё стояло на ногах, его узловатые пальцы скребли воздух.

А потом оно бревном упало на землю, вздымая облако пыли. Теперь это было лишь кучей сломанных костей и изодранной ткани.

Кучей, которая не подавала никаких признаков жизни.

Спустя несколько долгих-долгих минут Лонгтри, наконец, шевельнулся.

Он отвернулся от гниющих обломков и направился к Боусу. Тот не двигался и, не мигая, смотрел в одну точку.

Лонгтри опустил ему на плечо ладонь, и Боус её скинул.

— Не прикасайтесь ко мне, ради Бога! — сорвался он. — Не смейте!

— Спокойно, Бо...

— Да не трогайте меня, мать вашу!

— Давай закапаем то существо и будем убираться отсюда, — мягко произнёс Лонгтри.

Боус затряс головой.

— Я не могу... Не могу пошевелиться.

— Тогда оставайся здесь, а я сам всё сделаю.

Некоторое время маршал забрасывал могилу землёй и укладывал сверху камни.

Когда всё было сделано, он помог Боусу подняться на ноги.

— Что это было? — прошептал помощник шерифа.

Лонгтри посмотрел в сторону гор.

— Это святой покровитель Братства Черепа. Тот же, что убивает людей в твоём городе.

37

Около двух часов ночи Лонгтри вернулся в свой лагерь в высохшем русле реки.

Они с Боусом выбрались с территории Черноногих безо всяких проблем.

Даже выстрелы не привлекли внимания.

Они оба поели и приняли ванну в доме Боуса.

Тёплая вода как нельзя лучше расслабляла мышцы, затёкшие после многочасового раскапывания промёрзшей земли на могильниках.

К тому же снова разболелась рана на боку от огнестрельного ранения.

После этого Лонгтри вернулся в свой лагерь и увидел, что там его ждёт Смеющаяся Луна.

Он знал, что там кто-то есть задолго до того, как доехал до оврага — маршал издали заметил поднимающийся от костра дым.

Он был рад, что это не Ганц и не Лаутерс устроили ему засаду. Хотя, если бы это были они, они бы вряд ли стали разжигать костёр.

— Ты здесь уже давно? — спросил он.

— Да. Я тебя ждала.

Лонгтри сел у огня, пытаясь согреться. Луна заварила кофе, и маршал потянулся за чашкой.

— До меня дошли слухи, — начала Смеющаяся Луна, — что ты завёл опасных врагов.

— А ты ничего не упускаешь из виду, да?

Женщина отбросила со лба прядь волос.

— Не в моих правилах что-то упускать.

Лонгтри скрутил сигарету и прикурил от уголька.

— Похоже, у меня появляются враги везде, куда бы я ни отправился.

— Наверно, таков наш путь.

Лонгтри издал сухой смешок.

— Можно и так сказать. Никто никогда не любил законников, и я сомневаюсь, что когда-нибудь полюбит.

— Шериф Лаутерс — опасный человек, Джозеф Лонгтри. Не стоит переходить ему дорогу, -

произнесла Луна. Не похоже, чтобы она волновалась за маршала; просто констатировала факт. — Слышала, в тебя сегодня стреляли.

— Просто царапина.

— Скоро у тебя появятся враги поопасней, чем Лаутерс.

Лонгтри почесал небритый подбородок.

— И кто же?

— Братство Черепа знает о тебе и знает, чем ты занимаешься.

— Я не представляю для них угрозы.

— Представляешь. Ты здесь для того, чтобы остановить убийства, а для этого тебе придётся остановить их.

Он хмуро улыбнулся.

— Ты до сих пор упорствуешь со своим Безликим Стариком?

Она посмотрела на него, и мудрость всего мира отразилась в её глазах.

— Ты и сам это знаешь.

Лонгтри крепко поцеловал её и рассказал, куда ездил, что делал и что видел.

Смеющаяся Луна не была удивлена рассказанным, лишь казалась недовольной, что он вообще отправился на могильник.

— Ты посетил священную землю, — тихо произнесла она. — Ты осквернил могилу моего брата. Я должна тебя убить. И если бы я была истинной Черноногой, я, возможно, так бы и поступила.

— Но ты не станешь.

Она пожала плечами.

— А откуда ты знаешь, что я никому не расскажу о том, что ты сделал? Что тебя не убьют из мести за подобное кощунство?

Лонгтри медленно выдохнул дым сигареты.

— Потому что ты ничего не скажешь. Если скажешь, меня убьют. А если меня убьют, то я никогда не смогу выяснить, что случилось с твоим братом... А я, скорей всего, единственный, кто способен это сделать.

Смеющаяся Луна легонько улыбнулась, её тёмные глаза мерцали в пламени костра.

— Ты прав. Честь моего брата важнее любого могильника. И, тем не менее, ты сотворил кощунство.

Лонгтри посмотрел на женщину.

— Это существо чуть меня не убило.

— Это существо было богом.

Лонгтри затянулся сигаретой. Повисла тишина.

Бог это был или нет, но существо и отдалённо не напоминало человека.

Демон, ни больше, ни меньше.

Мёртвые не ходят. Это установленный факт. Точнее, был таковым до сегодняшней ночи.

Лонгтри сомневался, что когда-либо появится нечто более невероятное, во что он сможет уверовать.

— Ты поверила всему, что я рассказал, — хмуро произнёс маршал. — Почему? Если бы мне кто-то сообщил подобное, я бы рассмеялся ему в лицо.

Смеющаяся луна нахмурилась.

— В этом и есть проблема всех белых: вы считаете, что всё знаете, и что не может существовать ничего, что бы вы не могли увидеть или осязать. Но теперь ты знаешь разницу. В этом мире существует множество вещей за пределами вашего ограниченного опыта.

— Например,двигающиеся мертвецы?

— Я же говорила: это был бог. И он не был мёртв. Просто ждал.

Лонгтри вздохнул.

— Боус рассказал мне кое-что о Касающемся Духов.

— Касающийся Духов был моим дедом. Великий шаман, легенда среди людей, — пояснила Луна. — Я слышала, что однажды он оживил утопленника и вдохнул жизнь в замёрзшего насмерть ребёнка, пролежавшего под снегом двое суток.

— Что ты знаешь о своём деде? — спросил Лонгтри.

— Я знаю, что он был добрым и ласковым стариком, вот и всё. Он умер до моего рождения. Он был шаманом и членом Братства Черепа.

— И наоборот?

— Возможно.

— Ладно, это не так уж и важно. Безликий — не человек.

— Конечно, нет. Он бог. Но ты не был уверен, так?

Лонгтри пожал плечами.

— Нет, не был. А должен быть уверен. Я должен знать, за чем охочусь. Знать правду, а не пустую болтовню. Я осмотрел тело Красного Лося: он был простым человеком, а не чудовищем.

Лонгтри долго размышлял над тем, что он увидел в могильнике.

Он до сих пор сомневался во всём, что касалось Кровавого Шаманства, но та мумия, восставшая из могилы, скорее напоминала монстра, чем человека.

На это не закроешь глаза: свершилось невозможное.

Теперь он может принять многое, но уж точно никогда не поверит, что существо, которое он видел, хоть отдалённо является человеком.

Даже шаман не будет так выглядеть.

— Мы здесь говорим об интересных вещах, милая, — наконец, произнёс Лонгтри. — О Братстве Черепа, о Кровавом Шаманстве и о твоём дедушке. Но ведь это простые сказки, не так ли?

— Братство Черепа существует, — яростно прошептала она.

— Конечно, существует. Но неужели ты считаешь, будто я поверю, что его члены могут превращаться в монстров? Существо, которое я видел, не было человеком. Не расскажешь, кто это был?

— Это был не Черноногий.

— Это я и сам понял, — усмехнулся Лонгтри. — Никакого семейного сходства... Слава Богу.

Смеющаяся Луна непреклонно взглянула на маршала.

— Над этим не стоит шутить.

— Так Расскажи правду.

Женщина сглотнула.

— Существо, которое ты видел, Джозеф Лонгтри, было некогда тем, кого боготворил мой народ. Тем, кто существовал испокон веков. Их называли Владыками Верхнего Леса. Они пришли сюда задолго до людей.

— До индейцев?

— До всех, — женщина плотнее закуталась в покрывало. — Ты раскопал священную землю, в которой бесчисленные столетия тому назад был похоронен последний Владыка.

— Там была пустая могила...

— Думаешь, ты знаешь, почему она пуста. То, что в ней покоилось, ходит вновь по этой земле.

— Каким образом? — недоверчиво спросил Лонгтри.

— Братство Черепа издревле им поклонялось. Они знают способы их воскрешения. Больше я ничего не знаю.

— Не знаешь?

Смеющаяся Луна разозлилась.

— Я совершаю святотатство против своих предков. Надеюсь, они меня простят. Белые говорят, что Союз Черноногих существует на этих землях три-четыре столетия. Но это не так. Мы живём здесь бессчётные тысячелетия. Наши традиции восходят на десятки столетий. Давным-давно, в Тёмные века, наши люди пришли в эти горы. Это было так давно, что горы тогда ещё были холмами, а те горы уже давно разрушились. В Тёмные века Черноногие пришли сюда за стадами животных, на которых охотились.

— Они нашли здесь огромный лес. Такой гигантский, что покрывал весь мир. Деревья были настолько высоки, что касались небосвода. А под этими деревьями в священных рощах и лощинах была тьма и тень, в которой жили странные существа. В преданиях говорится, что наши предки обнаружили руины древних городов из камня, все они были разрушены. Но эти руины и темный лес за ними являлись охотничьими угодьями Безликих. Их были сотни. Их знали не только под именем Безликих, но и как Великанов-людоедов, Горных Владык, Королей Охоты и Пожирателей Людей.

— Наши люди вели войну с ними, но Безликие были жестоки, они были воинами самого дьявола. Единственной возможностью для нас жить и охотиться в этих лесах и лощинах было приносить в жертву своих детей. Тёмная практика жрецов, ставших Братством Черепа. И так продолжалось долгие-долгие столетия.

— В конце концов, леса поредели, болота высохли, а солнечный свет проник в лоно Безликих. Разрушенные города превратились в пыль и были разнесены ветрами. Всё изменилось. Наших людей стало больше, они стали сильнее, а Безликие слабели и умирали. К Временам Пса их осталась небольшая горстка, но и тех наши шаманы смогли заточить и удерживать долгое время. Безликие были захоронены заживо. Но они так и не умерли, поскольку не признавали смерть, как мы. Они ждали, а столетия сменяли друг друга. Всякий раз, когда наши люди страдали, одного из Безликих воскрешали, и он наказывал виновных, восстанавливая справедливость. Это всё, что я знаю. Сейчас в могильнике лежит лишь двое или трое Безликих, не считая того, что разгуливает на свободе.

Лонгтри увлёкся рассказом, частичкой предыстории существования древнего мира,

которая передавалась тысячи лет от отца к сыну и о матери к дочери.

— Те разрушенные города, о которых ты говорила... Кто их построил?

Смеющаяся Луна покачала головой.

— Они превратились в пыль задолго до прихода Черноногих. Но их точно построили не Безликие, это был другой народ.

Лонгтри решил, что это не имело особого значения.

— Гуляющий по земле Безликий... Его нужно уничтожить.

— Я желаю тебе удачи.

Лонгтри кивнул.

Женщина говорила, что вскоре у него появятся враги пострашнее, чем Лаутерс.

И что это значит? За ним теперь придёт Владыка Верхнего Леса?

Он спросил у Луны.

— Возможно, — признала она. — Если Братство поймёт, что ты осквернил могилу одного из их божеств...

Лонгтри вздохнул.

— Что ж, придётся добраться до него раньше, чем он доберётся до меня.

Больше им было не о чем говорить.

Лонгтри притянул к себе Смеющуюся Луну и крепко поцеловал.

Она не сопротивлялась; напротив, ещё сильнее прижалась к мужчине.

Смеющаяся Луна распахнула своё платье и чуть надавила на голову Лонгтри, заставляя того спуститься губами к её груди.

Они занимались любовью у пылающего костра, и он дразнил её губами и языком, а она делала то же для него.

А потом он медленно и нежно вошёл в неё, заставляя женщину стонать и кричать.

Он ускорил темп, её ноги обвили вокруг его бёдер, она тяжело дышала ему в ухо, шептала, чего хочет, и несильно прикусывала кожу на плече Лонгтри.

В конце они превратились в двух изголодавшихся, потерявших контроль зверей, растворившихся в их общем желании.

Когда всё было кончено, она произнесла:

— Теперь я твоя женщина.

Они лежали у костра, обнявшись и нежно целуя друг друга.

Смеющаяся Луна осталась с ним почти до рассвета.

Уходя, она поцеловала Лонгтри и тихо уехала, стараясь не потревожить его сон.

Не стоит ей быть здесь, когда всё начнётся.

38

С первым лучом солнца Лонгтри услышал, как приближается лошадь.

Он ещё не до конца проснулся, и мягкая поступь коня предупредила его о приближающейся опасности.

Кто бы ни направлялся к нему, он крался очень медленно.

Лонгтри осторожно выбрался из спального мешка, набросил пальто и схватил револьверы.

Всадник остановился у самой кромки деревьев, окружающих пересохшее русло реки.

Затем привязал лошадь и направился к стоянке Лонгтри пешком.

Всадник был очень осторожен и аккуратно ступал по снегу, чтобы произвести поменьше шума.

Но Лонгтри всё равно его слышал.

Он был разведчиком: знал, как прятаться от других, и как понять, что прячутся от него.

Этот парень был не особо хорош. Если бы он был профессионалом, он бы привязал лошадь в полукилометре отсюда, а сюда отправился пешком.

Но он так не сделал. Лонгтри понял, что этот человек не был профессионалом, хоть и считал себя таковым.

Лонгтри спрятался за тем же скалистым выступом, что и в ночь, когда к его стоянке пришёл Лаутерс со своим отрядом.

Ночью тут прятаться было прекрасно, но сейчас, на рассвете... гораздо хуже.

Да, из этого места было удобно защищаться, но если всё пойдёт наперекосяк, то не было никакого пути отступления.

За его спиной на шесть метров поднималась отвесная скала.

Лонгтри это не нравилось.

Он всегда пытался найти укрытие, защищавшее бы его сверху и имевшее чёрный ход, через который можно ускользнуть, если до этого дойдет.

В предрассветном мареве Лонгтри видел пробирающегося к стоянке мужчину.

Он подозревал, что это мог быть только либо Лаутерс, либо Ганц.

Это был последний.

Ганц сжимал в руках ружьё, а на каждом бедре болталось по револьверу.

Не было никаких сомнений, зачем он пришёл.

Он приблизился к спальнику Лонгтри и прицелился в него из ружья.

И, чертыхаясь, опустил ствол, понимая, что тот пуст.

— Брось оружие, Джако! — крикнул Лонгтри, зная, что совершает ошибку.

Ганц бросился плашмя на землю и выстрелил на звук голоса маршала.

Пуля раздробила скалу над головой Лонгтри, но не причинила ему вреда.

Лонгтри выстрелил в ответ. Его собственная пуля взбила грязь и снег в десяти сантиметрах от головы Ганца.

Ганц откатился за дерево.

— Сдавайся, Джако, — прокричал Лонгтри, — пока не стало ещё хуже!

В ответ послышался ещё один выстрел, вновь угодивший в скалу над головой маршала.

Лонгтри не стал стрелять в ответ.

Он не собирался тратить патроны, пока не будет уверен, что попадёт в цель.

Это была смертельная игра в кошки-мышки, игра в ожидание.

Лонгтри будет молчать; пусть этот идиот Ганц считает, что подстрелил его.

— Бросай оружие, маршал, — крикнул Ганц. — Я просто хочу поговорить...

Почему-то Лонгтри в это не верилось.

Он продолжал молчать.

Это могло закончиться только по одному сценарию, и оба мужчины об этом знали.

Если Лонгтри схватит Ганца живым, то тот отправится в тюрьму, а маршал был уверен, что Джако на это не пойдёт.

Значит, один из них должен умереть.

Неприятная ситуация.

У Ганца более выгодная позиция.

Он мог свободно передвигаться под прикрытием деревьев, а Лонгтри не мог сдвинуться с места.

Что могло помешать Ганцу обойти пересохшее русло реки с другой стороны и подстрелить Лонгтри? Ничего.

Но если Лонгтри попытается выбежать из-за скалы, у него не будет укрытия, пока он не доберётся до деревьев.

И, похоже, в любом случае станет лёгкой добычей.

Всё зависит от того, насколько умён Ганц.

Лонгтри видел торчащий из-за дерева локоть мужчины.

С такого расстояния вероятность попадания мала, но она есть.

По крайней мере, это может напугать охотника за головами, заставить дёрнуться и высунуться наружу на долю секунды... Которой будет достаточно, чтобы всадить в него пулю.

Лонгтри прицелился и нажал на спусковой крючок.

Пуля прошла в пяти сантиметра от руки Ганца, раскрошила кору дерева и заставила Ганца броситься в новое укрытие.

Следующая пуля Лонгтри угодила в ногу Ганца, и тот взвыл от резкой боли.

Скорей всего, пуля зацепила лишь кожу и мышцы, но это уже было немало.

За пару секунд с того момента, как пуля маршала попала в цель, Лонгтри бросился из своего укрытия, вскидывая револьверы и стреляя в сторону зарослей, за которыми прятался Ганц.

Но Ганц не был дураком.

Он понял, что задумал маршал, и не собирался дать ему сбежать так просто.

Волоча раненую ногу, он высунулся из-за деревьев, вскинул ружьё и начал стрелять.

Лонгтри упал на землю. Первый выстрел просвистел у него над головой, а второй бросил ему в лицо снег и грязь.

Лонгтри развернулся и выстрелил.

Первые две пули попали Ганцу в живот. Из ран начала хлестать кровь.

Третья и последняя пуля разорвала грудную клетку.

Ганц пошатнулся, выпустил ружьё и дрожащими руками попытался вытащить револьверы.

Его бородатое лицо стало бледным, губы сжались от муки и ненависти.

Он попытался что-то сказать, но изо рта хлынула кровь, потекла по бороде, а рваное дыхание застывало облачком пара.

Ганц зашатался и упал на одно колено. Глаза его закатились.

Последний раз закашлявшись кровью, он упал лицом в снег.

От горячей крови поднимался пар.

Когда Лонгтри подошёл к нему, Ганц уже был мёртв. Скрипящий под ногами снег окрасился красным.

— Твою мать, — произнёс Лонгтри, переворачивая тело носком сапога.

Он хотел схватить Ганца живым.

Он хотел спросить, почему Ганц пошёл на это, что подтолкнуло его к нападению на маршала.

Эти вопросы Лонгтри никогда не уставал задавать, только ответы чаще всего его не

удовлетворяли.

А он продолжал их задавать.

Лонгтри вздохнул и развернулся.

В своё время он убил больше людей, чем хотелось бы.

И с каждой новой смертью внутри появлялось ощущение пустоты и отчаяния.

Что можно получить от убийства, кроме боли, страданий и чувства вины?

Но таковы были правила этих земель, и они не признавали ничего другого.

Лонгтри направился к деревьям и отвязал коня Ганца.

Он перекинул через спину лошади мёртвое тело и набросил на него покрывало.

После этого собрал со стоянки все свои вещи и направил лошадь Ганца в город.

Сюда он больше не вернётся.

Сегодня, да и во все последующие ночи, он останется в городе.

Когда за ним в следующий раз придёт убийца, Лонгтри может уже так и не повезти.

Хотя, в конечном счёте, беспокоили его не люди.

39

— Стоило быть умнее и не лезть туда, — говорил шериф Лаутерс Боусу. — Стоило подумать собственной головой, а не слушать этого краснокожего ублюдка.

Боус сник.

— Это не важно, шериф. Потому то, что произошло потом...

— Хватит! — сорвался Лаутерс. — Я больше не собираюсь слушать твои чёртовы сказки про грёбанных призраков! Господи, помощник! Да что с тобой случилось? Раньше ты был самым башковитым из всех, кого я знал!

— Я видел то, что видел.

Лаутерс вздохнул и достал пробку из бутылки виски.

Он приложился к ней и пил до тех пор, пока не закашлялся.

— Не знаю, что вы с этим маршалом задумали, — выдохнул он, — но лучше бы вам остановиться. Восставшие из могил чудовища... Чёрт!

Лаутерс снова опрокинул бутылку, его руки дрожали, а из горла вырывались сдавленные звуки, словно он с трудом мог удержать выпитое в себе.

— Мне жаль, шериф, что вы считаете меня лжецом, но я видел то, что видел. И последнее, что я бы хотел упомянуть по данному вопросу, так это то, что мы сами не справимся с этими убийствами.

— В этой стране ещё не появилось то, с чем бы я не мог справиться, — сплюнул Лаутерс. — Ни хрена подобного!

В комнату ворвался холодный воздух, и оба обернулись. На пороге стоял Лонгтри.

— Ну что, шериф, бутылка уже не помогает?

— Ах ты, сукин сын! — зарычал Лаутерс, его рука скользнула вниз к револьверу. — Это ты начал всю эту хрень, ты...

— Не стоит доставать оружие, если не хочешь получить пулю меж глаз, — спокойно прервал его Лонгтри. — Я ещё не встречал в своей жизни пьянчугу, которого не смог бы вырубить.

Рука Лаутерса замерла.

— Ты мне угрожаешь, полукровка?

— Нет, я тебя предупреждаю, — ответил Лонгтри. — Я предупреждаю, что если ты ещё хоть раз выкинешь то, что выкинул вчера, я тебя убью на хрен. И закон будет на моей стороне.

Лаутерс сжал зубы.

— Может, сразу со всем и разберёмся?

Лонгтри откинул полу плаща, кладя ладонь на рукоять кольца.

— Если тебе не жаль своё пузо, шериф.

— Так, хватит, — встал между ними Боус. — Прекратите это. Вы оба слуги закона, и оба делаете одно дело, так что хватит задирать друг друга.

— Что тебе здесь надо, Лонгтри? — рявкнул шериф.

— Сегодня один парень по имени Джако Ганц пытался меня убить, — объявил он.

Лаутерс уставился на Лонгтри, выпучив глаза.

Его лицо густо покраснело, а потом так же резко побледнело.

Он ничего не сказал. Держал язык за зубами.

— Это тот парень, о котором вы мне говорили, да? — уточнил Боус.

Лонгтри кивнул.

— Его труп снаружи.

Лаутерс облизал губы.

— Ты его убил?

— Он не оставил мне выбора.

Лаутерс протиснулся мимо маршала и вышел на улицу.

— Я мог бы подумать, — произнёс Лонгтри, — что шериф немного расстроился, что у Ганца ничего не получилось.

40

На землю уже опустился холодный туман, когда Лаутерс добрался до ранчо Майка Райана.

Райан был владельцем самого крупного ранчо в округе Волчьей бухты и, без сомнения, самым богатым человеком на территории Монтаны.

В настоящее время на его ранчо насчитывалось семь сотен голов скота и ещё вдвое больше — на другом ранчо возле Баннока.

Ещё он владел отелями в Неваде и Вирджинии и множеством танцевальным и игорных домов и салунов.

Он был крупным акционером нескольких медных и серебряных рудников и сидел в Совете директоров железной дороги «Юнион Пасифик».

Райан уже ждал Лаутерса на улице.

— Что случилось, Майк? — спросил Лаутерс.

— Ад разверзся, Билл.

Райан отправил посыльного, чтобы тот попросил Лаутерса приехать.

В тот момент Лаутерс находился в похоронном бюро Спенс вместе с Лонгтри и своим помощником. Они обследовали тело человека, которого застрелил Лонгтри.

Лаутерс был рад, что его оттуда отозвали.

Его не отпускало отвратительное ощущение, что Лонгтри знает, что Лаутерс каким-то образом замешан в деле с Ганцем.

Работник ранчо принёс мужчинам по чашке дымящегося кофе, пока они шли через земли Райана.

Ранчо напоминало маленький городок.

Огромный белый особняк Райана тихо и безмятежно стоял на холме, а искусные резные колонны и причудливые декоративные решётки поблёскивали в тусклом солнечном свете.

Внизу, под холмом, располагались бараки для работников, конюшни, амбары, кузница, мастерская, летняя кухня, превышавшая размерами дом Лаутерса раза в два, и другие хозяйственные постройки; обособленно на невысоком холме стоял ледник, и вдаль тянулись запутанная сеть загонов для скота.

Впечатляющие масштабы.

— Расскажи мне, Билл, что происходит в этом городе, — произнёс Райан.

Райан вернулся в Волчью Бухту лишь накануне, после шести недель, проведённых за посещением своих владений.

Лаутерс выложил ему всё в подробностях.

Рассказал об убийствах, об их нечеловеческой природе, сделав особый акцент на том, кем были погибшие.

Он поведал о Лонгтри, Боусе и смерти Ганца.

— Я правильно понимаю: от этого краснокожего будут проблемы? — уточнил Райан.

— И даже больше, чем ты можешь представить, Майк.

Райан кивнул.

— Федеральный маршал, значит. Это всё осложняет. Это не какой-то пахарь, которого никто не хватится.

Лаутерс кивнул, сам прекрасно это понимая.

— Но у каждой проблемы существует решение, — Райан сказал это с полной убежденностью.

Они подошли к загону рядом с домом, и Лаутерс увидел причину, почему Райан его позвал... Точнее, одну из причин.

Здесь Райан держал своих скаковых лошадей.

Некогда эти лошади были его гордостью и радостью, но сейчас... Сейчас они стали просто мясом.

Лаутерс смотрел на останки пяти убитых породистых лошадей.

Все они были выпотрошенные и обезглавленные, плоть разрезана до мышц, а шкуры свободно болтались на заборе.

Они были частично съедены, но еда, похоже, не был главной причиной этой бойни.

Головы с выпученными глазами лежали в замерзшей грязи.

— Я любил этих животных, — тихо произнёс Райан. — Правда, любил. Настолько, насколько может любить такой человек, как я. Тот, кто это сделал, больше не жилец.

— Похоже на работу зверя, но...

— Но с человеческим извращённым разумом, — перебил его Райан. — Зверь убивает ради пропитания, либо чтобы защитить себя, и только человек убивает ради забавы. Только человек мог сотворить нечто подобное.

— Я слышал, Лонгтри считает, что мы имеем дело с чем-то, похожим на зверя, но обладающим разумом человека.

— Рассказывай.

Это была не просьба. Это был приказ.

Лаутерс рассказал ему то, что слышал от Боуса, и даже немного о том, что они видели на могильнике.

— Полная чушь, хочу тебе сказать.

— Помощник Боус не похож на человека, придумывающего сказки.

— Да, но...

— Что «но», Билл? Может, Лонгтри и заноза в заднице, но тут он прав: это дело рук чудовища.

Лаутерс недоверчиво уставился на Райана.

— Не смотри на меня так, шериф, — огрызнулся Райан. — Улики говорят сами за себя. Прощлой ночью я был в Вирджинии, а это существо... похоже, оно приходило за мной. И когда не нашло меня, сорвалось на том, что я больше всего люблю — на моих лошадях. И сегодня ночью оно явно придёт снова — либо за мной, либо за тобой.

Лаутерс тяжело сглотнул.

Он уже задумывался над этим, но отогнал эти мысли, сочтя их фантастикой.

А теперь, когда их озвучил другой человек, отбросить эти мысли стало гораздо сложнее.

Райан отвернулся от выпотрошенных, искусанных лошадей.

— Оно пришло прошлой ночью... Но никто не слышал ни звука.

Он швырнул чашку с кофе в снег.

— У меня здесь около сотни работников, Билл, но никто, мать их, ничего не слышал! Я раньше слышал, как умираю лошади; слышал, какие звуки они издают, когда на них набрасывается стая голодных волков... Такие звуки разносятся очень далеко. Но то, что способно убить пять лошадей без единого звука — едва ли зверь или человек.

Лаутерс был полон скепсиса.

— Но монстр...

— Смотри, — произнёс Райан, вводя шерифа внутрь загона. На снегу и в грязи виднелись следы. — Прощлая ночь была тёплой. Наше чудовище оставило следы, и к утру они замёрзли.

Лаутерс внимательно изучил отпечатки.

Они были огромными и широкими.

Как раз как те, что он нашёл в доме Нейта Сегариса: гигантские, неестественные, с тремя пальцами, как у ящерицы, и шпорой на пятке.

— Вот и вещественные доказательства, шериф. Какие ещё нужны подтверждения?

Райан скрестил руки на груди и уставился на горы вдалеке.

— Восемь человек мертвы, Билл. И не случайные. Тебе же не надо напоминать, что было общего у тебя, меня и тех восьмерых? Существо убивает избирательно, очень избирательно. И если память мне не изменяет, прошёл ровно год с тех пор, как линчевали того краснокожего.

Лаутерс покачал головой.

— Это безумие.

— Безумие, — подтвердил Райан, — но это всё равно происходит.

Того индейца линчевали, и теперь его народ вызвал нечто, чтобы отомстить.

Лаутерс выглядел жалко.

— Что мы можем сделать?

— Во-первых, мы позаботимся о Лонгтри.

— Как? Наймём убийцу?

Райан качнул головой.

— Нет, об этом мы должны позаботиться с тобой лично. Мы же не хотим, чтобы кто-то потом трепал языком? Мы позаботимся о маршале сегодня ночью и закопаем его там, где его никто никогда не отыщет.

Райан усмехнулся.

— А потом разберёмся с кланом Красного Лося.

Лаутерс бросил на него подозрительный взгляд.

— Нам нужно будет много людей.

— У меня есть тридцать человек, которые в прошлом выполняли для меня подобную работу и неплохо управляют с оружием. И ещё тридцать я могу вызвать сюда из шахт — три десятка мужчин, которым нужны деньги и которые лишь ищут причину пролить кровь краснокожим.

Лаутерс кивнул.

— Значит, сегодня ночью.

— Твой Ганц провалил задание, шериф, но я гарантирую тебе, что у нас всё получится.

41

Лонгтри снова сидел со Смеющейся Луной в лагере Черноногих.

Они расположились в хижине Герберта Бешеного Хвоста.

Лонгтри приехал в поселение и попросил о встрече со стариком.

И спустя несколько десятков минут ожидания, маршала отвели к нему.

— Мой отец говорит, что ты тратишь своё время, — перевела Луна.

Лонгтри был упрямым человеком и намеревался получить то, за чем пришёл — ответы.

Он не стал склонять свою голову в знак уважения к старому шаману, потому что тот ещё не заслужил уважения Лонгтри.

Бешеный Хвост сидел на одеяле из сухих трав, укрытых шкурой буйвола, и наблюдал за костром.

Он завернулся в покрывало, а его правое плечо и предплечье оставались голыми.

На деревянных вертелах готовились куски мяса буйвола.

Бешеный Хвост разгрызал вяленое мясо.

— Скажи своему отцу остановить Безликого, — произнёс Лонгтри. — Если убийства продолжатся, сюда пришлют солдат. Его люди могут погибнуть.

Это была ложь, но ни старику, ни его дочери не нужно было об этом знать.

Бешеный Хвост перевернул вертел и что-то пробормотал.

— Слишком поздно, — откликнулась Смеющаяся Луна. — Нельзя остановить то, что пришло в движение. Даже солдаты не смогут остановить Безликого. Его призвали.

— И кто его призвал? — многозначительно уточнил Лонгтри.

Луна перевела, но старик лишь покачал головой.

— Думаю, он больше не хочет говорить, — произнесла женщина.

— А у него нет выбора, — сердито ответил маршал. — Если убийства не прекратятся, придут солдаты и убьют ваших людей. А тех, кто останется жив, кинут за решётку или

отвезут дальнюю резервацию. Они больше никогда не увидят эти земли. Переведи!

Смеющаяся Луна вздохнула, но повиновалась.

Впервые за весь разговор Бешеный Хвост посмотрел прямо на маршала.

Его глаза светились ненавистью, ненавистью целого народа.

Он начал громко говорить, тыча пальцем в Лонгтри.

— Он говорит, что наши люди имеют право на месть, нас опорочили. Белым нужно преподнести урок, — Смеющаяся Луна кашлянула. — Ещё он говорит, что ему жаль, что тебя во всё это втянули, и что ты умрёшь. Он говорит, что если ты умён, то покинешь это место до наступления ночи. Безликий не остановится и продолжит убивать.

— Скажи Бешеному Хвосту, что я хочу знать, где Безликий. Я могу его остановить.

Смеющаяся Луна перевела.

— Он говорит, что нельзя остановить то, что пришло в движение. Если Безликого призвали, его не получится прервать.

Бешеный Хвост заговорил вновь; пламя костра отсвечивалось в его глазах.

— После того, как будут наказаны виновные, — переводила Луна, — Безликий начнёт убивать без разбора. Поэтому нам нечего бояться солдат — Безликий заберёт нас всех в качестве жертвы. Наша судьба предрешена.

— И когда все вы напрасно умрёте, что дальше? — спросил Лонгтри.

Смеющаяся Луна печально ответила:

— Тогда Безликий отправится в город белых и убьёт всех и там.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВЛАДЫКА ВЕРХНЕГО ЛЕСА

1

Лонгтри сидел в номере гостиницы «Спокойствие» в Волчьей Бухте.

Номер не представлял из себя ничего особенного, но кровать была удобной, а напротив, через дорогу, располагалась конюшня для его коня.

К тому же, кормили здесь неплохо, а рядом с вестибюлем был салун.

Дверь была заперта изнутри, а окна плотно закрыты; вряд ли кто-то мог подкрасться к Лонгтри, пока тот спал.

А когда он не спал, непрошенные гости не были проблемой.

Учитывая все обстоятельства, он отказался от ночёвки под открытым небом... Особенно когда за вами охотятся убийцы или даже кто-то похуже.

Он любил природу, находил её духовно живительной, но белый человек в нём часто начинал скучать по материальным благам.

Маршал взял из бара пинту рома, и сейчас лежал на кровати, потягивая напиток.

Он приехал в Волчью Бухту по приказу Тома Риверса.

Поскольку он был специальным федеральным маршалом, ему не принадлежала какая-то конкретная территория Штатов.

Риверс мог с лёгкостью отправить его туда, куда посчитает нужным; туда, где пригодятся его навыки законника, бывшего разведчика и охотника за головами.

И Риверс решил, что он нужен в Волчьей Бухте.

Но Лонгтри не был в этом уверен.

С тех пор, как он приехал, его преследуют одни проблемы: то с Лаутерсом, то с Ганцем. Но даже и без этих двоих ситуация была неординарной.

Будучи сперва охотником за головами, а затем законником, Лонгтри находил практически каждого, за кем его посылали.

Лишь несколько человек сбежали от Джо Лонгтри.

Он доставлял людей до пункта назначения живыми, мёртвыми или на грани смерти.

Он охотился за людьми и отлично справлялся со своей работой.

Если начистоту, не было никого, лучше него.

В своё время он вязал и убийц, и грабителей, и предателей-индейцев, и контрабандистов, и даже целые банды.

Самые яростные и агрессивные мужчины (да и женщины) Запада пытались убить Лонгтри с помощью ружей, ножей, топоров, дубин и даже голыми руками.

Он уже сотню раз стоял на пороге смерти, но каждый раз маршалу удавалось избежать костлявой.

Ну да, в него стреляли, резали ножами, били, а один раз даже повесили (рана, кстати, до сих пор побаливала, но... Он же выжил!).

А когда он был разведчиком, его однажды три дня пытали Шайенны.

Но это... Это было слишком даже для него.

Сложное дело.

Сперва всем его делом была лишь Банда Десяти, из которых в живых оставалось лишь двое, и один из них — Лаутерс.

Сейчас Лонгтри в этом не сомневался.

Он даже подозревал, что Лаутерс каким-то образом связан с попыткой Ганца его убить... Но у маршала не было доказательств.

Лонгтри был уверен, что Красный Лось раскрыл похитителей скота, но прежде чем Черноногий смог заговорить, его обвинили в убийстве девчонки Карпентер.

Лонгтри считал, что виновен был не Красный Лось, а один из похитителей скота.

Арест Красного Лося и его линчевание позволило убить двух зайцев одним выстрелом: истинный убийца смог остаться на свободе, а Красный Лось замолчал навеки.

Наверно, в то время похитители чрезвычайно гордились тем, как смогли замести следы... Пока не прошёл год.

Лонгтри сделал ещё глоток. Ром согревал изнутри.

А что случилось спустя год?

Этого Лонгтри точно не знал.

Черноногие решили добиться мести с помощью Братства Черепа, члены которого вызвали чудовище, чтобы то убило линчевателей.

Лонгтри не был уверен, что из себя представляет этот монстр.

По словам Смеющейся Луны, сотни веков назад Братство Черепа поклонялось некому первобытному чудовищу.

Той ночью они с Боусом видели что-то подобное на могильнике.

Но на свободе находился не зомби, не неуклюжая мумия, а существо очень даже живое... Или почти живое.

Бешеный Хвост сказал, что после того, как виновные будут наказаны, Безликий продолжит убивать без разбора.

«Но кто же, — не переставал задаваться вопросом Лонгтри, — настоящие жертвы?»

Красный Лось и его братья или все невинные, которые страдают из-за действий группы преступников и нескольких кровожадных индейцев?

Похоже, выход был только один: выяснить, кто является членом Братства Черепа и арестовать их.

Хоть один из них должен знать, где искать чудовище... А если нет?

Тогда проблем станет больше.

Но Лонгтри не мог арестовать ни одного индейца по подобным подозрениям.

Любой индейский агент (чиновник, назначавшийся правительством США к индейским племенам с 1824 г. — прим. пер.) взбесится от такого.

«За что ты его арестовал?» — спросит он.

«За то, — ответит Лонгтри, — что один из них укрывает монстра».

Смешно и нелепо.

Похоже, он действительно ничего не мог поделать.

Вообще ничего.

Единственной надеждой было найти чудовище и уничтожить его.

И когда с этим будет покончено, Лонгтри арестует и Лаутерса.

Если, конечно, Том Риверс выдаст ордер на арест.

Лонгтри закупорил бутылку.

Хватит пить.

Он пристегнул к поясу револьверы, надел пальто и шляпу и вышел из номера, сжимая в руке винчестер калибра.44 1873 года выпуска.

Солнце садится, а значит, чудовище скоро вновь выйдет на охоту.

Время убить или быть убитым.

Выйдя из гостиницы, Лонгтри отвязал коня и выехал из Волчьей Бухты.

Бешеный Хвост сказал, что монстр придёт и за ним, и Лонгтри выманивал его.

Он направился к поселению Черноногих.

Он ехал уже минут двадцать, когда услышал стук копыт.

Быстро наступали сумерки. Лонгтри приближался к небольшому кряжу, которым заканчивалась долина, по которой он ехал.

Маршал тяжело сглотнул, ожидая проблем, и одной рукой вытащил из голенища сапога винчестер.

Кто на этот раз?

Лаутерс? Или тот, кого он нанял?

Или, может быть, воины Черноногих, не желающие, чтобы он что-то вынюхивал?

Лонгтри выехал из лощины и направился по узкой тропе утрамбованного снега к соснам.

И там остановился.

Теперь он не слышал ни звука.

Он не смог сказать, с какой стороны приближается всадник; Лонгтри знал только то, что он ехал быстро.

— Ну. давай, покажись, — прошептал себе под нос Лонгтри.

Он закурил и пришпорил коня.

Его конь ступал медленно, и Лонгтри старался уловить каждый звук.

Внезапно у него появилось неприятное чувство, что эти сосны и отбрасываемые ими тени — прекрасное место для засады.

Лонгтри остановился.

Краем глаза заметил слева какое-то движение.

Лонгтри бросился вниз с коня, и в этот самый момент слышал выстрелы.

Стрелок плохо целился, и пули зацепили ветки над головой маршала.

Конь Лонгтри затрусил прочь по тропе и остановился на приличном расстоянии, будто зная, что произойдёт дальше.

Лонгтри высунул голову из-за укрывавшей его сосны; послышался щелчок, мимо его уха просвистела пуля.

Маршал нырнул обратно в укрытие, а затем рванул в сторону, выпуская несколько пуль туда, где, по его мнению, должен был находиться стрелок.

— Эй, ты! — крикнул он. — Я федеральный маршал Соединённых Штатов! Бросай оружие!

Ещё несколько пуль угодило в сосну.

«Похоже, придётся потрудиться», — подумал Лонгтри.

Он вскочил и нырнул за другое дерево.

Ещё две пули взрыли снег в метре от него.

Лонгтри затруднялся сказать, откуда следовал за ним нападавший... Но он точно не ехал Лонгтри навстречу.

А это значит, что, скорее всего, ещё один приближается к нему, чтобы окружить и спереди, и сзади.

Лонгтри чуть не рассмеялся: за последние годы он стал таким медлительным!

Ехавший за ним всадник заставил маршала направиться в это лес, где его уже поджидал убийца.

План прост. И Лонгтри обязан был его раскусить.

Он слышал, как сзади треснула ветка. Это мог быть только всадник.

Лонгтри затаился и не стрелял.

Он ждал, пока убийца окажется в поле зрения.

Похоже, напарник убийцы понял это, и теперь начал обстреливать укрытие маршала, пытаясь заставить того выстрелить в ответ и предупредить поделщика.

Лонгтри улыбался и ждал.

Он заметил, как сбоку мелькнуло что-то серое.

Лица он не видел — нападавший был в чёрном капюшоне.

Другой бандит бесшумно выползал из своего укрытия по ту сторону тропы.

Лонгтри дал ему подобраться поближе.

Точнее, попытался.

Приближавшийся сзади мужчина начал стрелять, и у Лонгтри не было другого выхода, кроме как стрелять в ответ.

Лонгтри выпустил несколько пуль; одна из них сбила шляпу с головы нападавшего, а остальные пришли мимо, так как мужчина нырнул за дерево.

С противоположного конца тропы в сосну рядом с маршалом ударило несколько пуль.

Лонгтри подождал, пока выстрелы затихли, потом выпустил две пули в приближающегося со спины мужчину, а затем выскочил из-за дерева и выстрелил во второго.

Этот парень тоже был в капюшоне.

Он выстрелил в Лонгтри и промахнулся.

Лонгтри выстрелил в ответ, и пуля попала нападавшему в руку.

Тот вскрикнул от боли и упал на землю, споткнувшись о куст.

Второй стрелок выпустил несколько пуль в Лонгтри.

Воздух зазвенел, но пули так и не нашли своей цели.

Ночь опустилась на лес. Второго стрелка нигде не было видно.

Лонгтри услышал, как первый стонет, пробираясь сквозь заросли.

А ещё спустя пару секунд послышался стук копыт.

Лонгтри побежал вниз по тропе и увидел двух всадников, скачущих в направлении Волчьей Бухты.

Один из них сидел, сгорбившись в седле.

Маршал знал, что может достать одного из них выстрелом, но не стал этого делать.

В этом не было никакого смысла.

Лонгтри подстрелил одного из них, и будет не так сложно найти человека, раненого в руку.

Особенно, если этот человек — шериф.

2

Часом позже Майк Райан был на своём ранчо.

У них ничего не получилось. Лонгтри был до сих пор жив. Плохо.

А ещё хуже то, что Лаутерс поймал пулю. И как раз в рабочую руку.

Какое-то время от него не будет никакой пользы... Если вообще ещё когда-нибудь будет впредь.

На ранчо было тихо.

Большинство работников либо ели в летней кухне, либо спали и играли в карты в бараках.

Райан слышал, как кто-то играет на губной гармошке. Прекрасный прохладный вечер.

Часть людей объезжала владения Райана по периметру. Майк решил, что удвоить охрану — неплохая идея, учитывая все обстоятельства.

Ещё с десятков людей присматривали за стадами, а пятеро — обходили территории пешком.

Больше никто не появится здесь без приглашения.

Райан собрал армию более чем из шестидесяти мужчин, чтобы с первыми лучами солнца отправиться к поселению Черноногих.

С этой проблемой будет покончено, но вот Лонгтри... Это совершенно другое дело.

Его надо убить как можно быстрее.

Не было времени нанимать профессионального убийцу. К тому же, большинство всё равно отказались бы охотиться за федеральным маршалом, особенно учитывая его репутацию хитрого и коварного врага.

Нет, для такого подойдёт только один человек.

Сам Райан.

Он считал себя деловым человеком, а не убийцей.

Он не обращался с оружием быстро и профессионально, но умел метко стрелять.

В шестидесятых годах он научился этому, охотясь на буйволов.

К тому же, ему и не надо было стрелять быстро... Он планировал стрелять маршалу в спину.

Он знал, что так поступают многие профессионалы. Безопасно. Надёжно. Проверенный способ.

Но сделать это надо сегодня ночью.

И для этого придётся оставить ранчо, где он под охраной.

Опасно.

Но столь же опасно оставлять Лонгтри в живых.

Он знал правду о том, кем были угонщики скота, и кто убил того краснокожего.

Лишь вопрос времени, когда он получил соответствующие ордера.

Райан был влиятельным человеком, и возможно, на какое-то время ему бы удалось приостановить эти ордера. Но не навсегда, иначе бы его заподозрили.

Он разработал план.

Нашёл одного из парней на вахте.

Его звали Кэл Шэннон.

Шэннон был неплохим человеком, но любил разгульную жизнь. Именно то, что было нужно Райану.

— Кэл, — произнёс он, — мне нужно, чтобы ты для меня отправился в Волчью Бухту.

Глаза Шэннона загорелись.

Он понял, что сможет остановиться в баре и пропустить стаканчик, а если повезёт — то и заскочить повеселиться к девочкам мадам Тилли.

— Но вахта...

— Я найду другого человека.

— Что вам нужно, сэр?

Райан ответил.

Кэл должен был отправиться в похоронное бюро Вайноны Спенс и проверить, как продвигается работа над памятником.

Посмотреть, готов ли письменный отчёт, который Спенс обязалась предоставлять ему регулярно.

Затем отправиться в гостиницу «Спокойствие» и приобрести у них ящик их лучшего шампанского.

Затем закупить кое-что для сухпайков.

Но сперва, до всего перечисленного, он должен найти маршала Лонгтри и попросить немедленно скакать на ранчо.

А после этого всего Кэл может провести ночь, как ему вздумается.

Райан даже всунул ему какие-то деньги.

— Не стоит утром торопиться обратно, — добавил Райан. — Хорошо проведи время. Думаю, тебе нужен выходной.

Шэннона не надо было долго уговаривать.

Райан взял ружья и спустя пару минут отправился следом за Шэнноном.

Рядом с тропой он нашёл отличное место для засады.

И стал ждать.

Точка, которую он выбрал, была выступом скалы, который поднимался над землёй на

добрых шесть метров.

Райан мог притаиться сверху и выстрелить в спину проезжающему мимо Лонгтри.
У него нет права на ошибку: если Райан не убьёт Лонгтри, то Лонгтри убьёт Райана.
Никаких сомнений.

Но Райан не допустит ошибок.

У него была винтовка Шарпса калибра.50 1875 года выпуска.

«Большая пятидесятка», как её называли охотники на буйволов.

С её помощью можно было с лёгкостью завалить быка.

А человек не выживет после такого выстрела.

А значит, и Лонгтри не выживет.

Ночь была тёмной, но на небе светила полная луна.

Её света хватит, чтобы выстрелить.

Райан ждал.

Он подумал, что, в лучшем случае, Лонгтри прибудет сюда минут через тридцать-сорок.

«Надеюсь, Шэннон сможет его отыскать».

Если нет — весь этот план обречен на провал.

Значит, Райану придётся самому отправиться в город и застрелить маршала, а этот план просто пестрел неприятностями.

Но факт оставался фактом: Джозеф Лонгтри должен умереть.

Без вариантов.

Райан облизал губы. Он ждал свою жертву.

Он прекрасно понимал, что, когда придёт время, ему нужно будет быть полностью уверенным, что стреляет он в Лонгтри, а не в кого-то другого.

Ему и так было неуютно от одной мысли об убийстве, а если ещё и пострадает невинный... Нет, такого не может быть.

Начал подниматься ветер.

Даже немного тёплый.

Как раз, чтобы развеять ночной холод.

Райан понимал, что это невозможно, но тёплый ветер дул прямо на него, выгоняя из костей холод и наполняя голову огнём безумия.

«Этого не может быть, — повторял он себе. — Не может быть...»

Может.

С каждой секундой ветер становился всё горячее, превращаясь почти в лихорадочный жар.

Струйка пота скатилась по виску Райана, а рубашка прилипла к спине.

Господи, что это?

На Райана упала огромная, безымянная тень...

3

Безликий навис над Райаном. Его кожа была покрыта коркой с бесчисленным количеством ран, и то тут, то там торчали клочки жёсткой серой шерсти.

От его кожи, завёрнутой частично в простыни, сочилось тошнотворное тепло.

Он неестественно бесшумно соскользнул по скале, на которой лежал Райан, и

выпрямился в полный рост. Он смотрел на бывшего линчевателя красными глазами, а его длинный скелетообразный хвост извивался, как змея.

Исходящий от кожи чудовища удушающий смрад был именно тем, что всегда заставляло его жертв замирать от ужаса.

Безликий сделал глубокий вдох и жадно помотал головой.

В животе у чудовища заурчало.

Его язык в предвкушении задрожал.

Губы приоткрылись, и из пасти вырвался гортанный рык.

Он тряхнул головой, пытаясь хоть на мгновение заглушить чувство голода, которое сжигало его изнутри.

Он попытался обратиться к разуму, чтобы пообщаться, но ничего не получилось.

«Ешь, — говорил его разум, — убивай!»

Огромный бесформенный череп состоял из костей, еле удерживаемых вместе ошметками серо-розовой содранной кожи, под которой кишели жуки и черви.

Он вздрагивал каждый раз, когда какой-то паразит цеплял нерв.

Райан дёрнулся. Безликий знал, что так будет.

Мужчина выхватил ружьё и прицелился в грудь Безликого.

Моргнул и нажал на спусковой крючок.

Звук выстрела был оглушающим, запредельным, но у Безликого не было времени возмущаться шумом, когда пуля пятидесятого калибра разорвала его грудь и вышла через спину.

Безликого сбросило со скалы. Мука от развороченной груди была одновременно и сладкой, и вызвавшей оцепенение.

Но сильнее, чем боль, Безликий ощущал ярость.

Он вскарабкался вверх по скале с невообразимой скоростью.

Райан попытался вскинуть ружьё, но Безликий выбил его из рук мужчины одним ударом.

Райан съёжился, начал плакать и скулить.

Безликий склонился над ним.

Из отверстия на его груди сочилась чёрная кровь и желчь.

Его лицо скривилось в ухмылке, обнажившей жёлтые зубы, торчащие из дёсен, как лезвия ножей.

Безликий был крупнее, чем любой из людей; его руки были длиннее, а каждый костлявый палец был заострённым.

Он прижался лицом к лицу Райана, наслаждаясь животным ужасом мужчины. Глаза Безликого безумно вращались в глазницах.

Безликий лизнул шершавым языком лицо Райана, и ощутил привкус его страха.

Монстр отдёрнул голову от Райана, и его похожая на капкан пасть с острыми зубами застыла в десяти сантиметрах от своей жертвы.

А затем Безликий схватил мужчину и рывком поставил на ноги.

Он возвышался над жертвой более чем на шестьдесят сантиметров.

Без особых усилий Безликий отшвырнул мужчину в сторону.

К чему спешить? Сначала можно поиграть.

Райан был в полубессознательном состоянии, когда попытался подняться на ноги. Правое запястье жутко болело.

Безликий стоял перед ним, и от его тела веяло жаром, как от печки.

Райан попытался сбежать, но чудовище поймало его, схватив огромной ладонью за голову и закрыв пальцами глаза.

Безликий потянул назад свои худые, костлявые пальцы, а вместе с ними оторвался и кусок скальпа Райана.

Райан упал на колени. Часть его скальпа уже висела на лоскуте кожи, а на остальной части остались глубокие раны.

Кровь заливала ему глаза, и он яростно смахивал её дрожащими руками.

Он знал, что умрёт. В этом не было никаких сомнений.

Вопрос лишь в одном: как скоро?

К горлу подкатила тошнота от насыщенного неприятного запаха, исходившего от монстра, и от собственной, стекающей по лицу крови.

Райан попытался встать. Чудовище подтащило его вперёд, ближе к себе, чтобы мужчина мог ещё раз взглянуть в беспощадное лицо смерти.

Безликий знал, что всё так и должно быть.

Убить. Медленно. Наслаждаясь его страхом. Смакуя его по глоточкам, как хорошее вино.

Лицо Безликого, покрытого ранами на изъеденной плоти, белело в лунном свете.

И глаза... Багровые, мерцающие, чуть раскосые в глазницах.

Райан в деталях запомнил этот ночной кошмар. Лучше уж думать об этом, чем о боли и смерти. Отвлечься.

Он разглядывал лицо Безликого, как карту.

Вот кратеры, а вот равнины. А там — редкие заросли торчащей из кожи грубой шерсти.

Лицо чудовища было приплюснутым, и чем-то напоминало хитрую лисью морду, из пасти которой, как серпы, торчали острые и искривлённые зубы.

Безликий заворчал. Из его пасти вырвалось горячее, зловонное дыхание. И с влажным, чавкающим звуком он оторвал Райану руки.

Отбросил конечности в сторону и посмотрел на выражение ужаса на лице мужчины.

Этого мало.

Он зарылся когтями в пах Райана и вскрыл его тело до горла, наслаждаясь вылезшими из орбит глазами.

Райан осел, и Безликий подхватил тело.

Он содрал с лица мужчины всю плоть и отшвырнул его на скалы с исполинской силой. Тело Райана упало, разбитое и изломанное под неестественными углами, как тряпичная кукла.

И тогда — только тогда! — он приступил к трапезе.

— Он сказал, чего хочет?

— Нет, — ответил ему Кэл Шэннон. — Он просто просил передать, что хочет вас видеть как можно скорее. Это важно.

— Ясно.

— Если хотите знать, маршал, то там происходит нечто странное. Мистер Райан вдвое увеличил патруль и количество присматривающих за скотом работников. Странно это. Только не говорите ему, что это я вам сообщил.

— Конечно, не скажу.

— Прошлой ночью кто-то убил его скаковых лошадей. Парни говорят, что это, наверно, чудовище, о котором ходят слухи.

— Возможно.

Шэннон дёрнул плечом.

— В общем, он сказал отправиться к нему прямо сейчас.

Лонгтри кивнул.

— Хорошо. Спасибо, Шэннон.

Шэннон вскочил на коня и поскакал прочь, оставив Лонгтри одного у конюшен.

Маршал ещё не закончил в лагере Черноногих.

После того, как на него напали убийцы в капюшонах, а потом ускакали, Лонгтри нашёл своего коня в полутора километрах вверх по тропе и вернулся домой.

Он собирался отправиться на поиски Лаутерса, но это могло подождать... В конце концов, рука шерифа ещё долго не заживёт.

6

К десяти вечера началась метель.

Она собиралась уже несколько дней, и, наконец, вылилась в снегопад и морозный ветер.

К тому времени, как на землю упали первые снежинки, Безликий был уже далеко от места преступления и пробирался к окраине города.

Он знал, что остался только один, а потом... По причинам, ему самому непонятым, он решил, что потом продолжит убивать.

Ведь это такая захватывающая игра.

* * *

Лонгтри не позволил снегопаду помешать его встрече с Райаном.

Сквозь сколько бурь он прошёл за свою жизнь! Сейчас не время укрываться под крышей.

Конь тяжело переступал копытами.

* * *

Шериф Лаутерс был у доктора Пэрри и выковыривал пулю из руки.

Несмотря на многочисленные вопросы Перри, он сказал лишь, что кто-то в него стрелял.

Но Пэрри не поверил ни единому слову.
Ни на секунду.

* * *

Помощник Боус стоял в дверях тюрьмы и наблюдал, как мимо него спешат добропорядочные и не очень граждане Волчьей Бухты, пробираясь сквозь заметающий улицы города снегопад.

Последние несколько дней его мучили дурные предчувствия.

* * *

А в Соборной Церкви у алтаря стоял на коленях избитый преподобный Клауссен и молился.

Он молился Иисусу, он молился Деве Марии, он молился всем богам, что готовы были его слушать.

Клауссен знал, что в городе пора навести порядок, но это было невозможно, пока шериф Лаутерс не будет покоиться с миром на городском кладбище.

Но как это сделать? Вот в чём вопрос.

Клауссен не мог сделать это сам, но и не хотел нанимать убийцу с грешной душой.

Но избавиться от него надо...

Молитва казалась единственным приемлемым ответом.

Клауссен молился часами. Его колени болели, а спину свело от напряжения.

Но страдание есть часть самого процесса. Только истинные неудобства могут принести результат.

Поэтому Клауссен молил любых богов, готовых его выслушать.

И молил послать ему ангела-хранителя.

* * *

Но были в Волчьей Бухте и другие тайны, спрятанные глубоко в тёмных закоулках душ.

Многие из них тщательно охранялись.

И одной из таких тайн была тайна Вайноны Спенс — умной женщины с деловой хваткой и специфическим чувством юмора, которая хранила в комнате забальзамированное тело своей подружки-лесбиянки.

Она умерла два года назад, но Вайнона не могла её отпустить.

Она болтала с ней, расчёсывала ей волосы и делала макияж, читала стихи и ужинала.

А по ночам спала рядом с ней счастливым и спокойным сном, каким может похвастаться только истинный некрофил.

* * *

Второй тайной Волчьей Бухты было болезненное пристрастие доктора Пэрри к морфину, и эта зависимость становилась только сильнее изо дня в день.

Морфий помогал справиться с болями в спине, но часто затуманивал острый

аналитический ум доктора галлюцинациями и бредом.

А позже галлюцинации сменялись ночными кошмарами, в которых он снова был полевым врачом во время Гражданской войны.

Он находился в затянутой туманом долине в сарае, который использовался во время кампании «Шайло» в качестве полевого госпиталя.

Раненые, умирающие, искалеченные скапливались вокруг него, а он выполнял ампутацию за ампутацией и рубил конечности, как дрова.

Да, это был всего лишь ночной кошмар, но он видел это воочию, а некоторые вещи невозможно забыть, если просто закрыть глаза.

* * *

Братство Черепа. Ещё одна тайна.

Ни один белый человек (да и далеко не все индейцы, если уж на то пошло) не знал, как так получилось, что стало возможным вызвать из могилы древнего монстра.

Никто ни о чём не догадывался до самого первого появления чудовища три недели назад. Братство Черепа — все его двенадцать членов — молились и постились в священной роще, отказавшись от всех удобств, пока не очистились до того состояния, когда стали способны буквально читать мысли друг друга.

Пока все двенадцать разумов не стали функционировать как единое целое.

Ни слова не было произнесено за последнюю неделю.

Не нужны были никакие особенные священные травы или корни, способные усилить их телепатические способности.

Превратившись в единый разум, они смогли вызвать из могилы древнего монстра и воскресить его с помощью Кровавого Шаманства, использовав собственную кровь, яд змеи, соки растений и ядовитых грибов, найти которые можно было лишь в глубоких пещерах.

Благодаря этому Безликий обрёл тело из плоти, а не остался той мумией, что видели Лонгтри и Боус на могильнике.

Каждую ночь в парильне-инипи члены Братства сосредотачивались на образе следующей жертвы и передавали его мысленно Владыке Верхнего Леса.

Но существовал единственный недостаток: если Безликий не мог найти обозначенную жертву, его кровожадность нужно было насытить всем, что попадалось монстру на пути.

А когда враги племени будут убиты, Безликий продолжит убивать, разрушать и пожирать, пока сам не будет уничтожен.

Таков был уклад Братства Черепа. Тайны, которые его члены уносили с собой в могилы.

* * *

Жители Волчьей Бухты мало знали о Банде Десяти и без конца терялись в догадках. Но иногда, даже самые ужасные предположения меркли в сравнении с реальностью.

* * *

Эйб Раньон, первая жертва Безликого, всю жизнь ненавидел индейцев.

Точнее, думал так, пока не влюбился в девушку-подростка из племени Черноногих.

Она отвергла его ухаживания, и Раньон решил, что это невыносимо.

Он похитил девушку, запер в своей хижине за городом и неоднократно насиловал, пока, снесённый чувством вины, не проломил ей голову молотком.

Он похоронил её под половицами собственной хижины, где она и лежит до сих пор: мечтающий о вечной жизни среди зелёного мха скелет, укрытый сгнившим платьем из кожи оленя.

* * *

Кэл Севенс, вторая жертва, был тихим человеком.

Одиночка во всех смыслах этого слова.

Но ночами в своей комнате над кузницей он будет раз за разом вспоминать проститутку, с которой познакомился в Канзасе, и мастурбировать... А потом, переполненный чувством вины, читать Библию.

* * *

Чарли Мирс, третья жертва, был разбойником, который специализировался на ограблении шахтёров в горах.

Он постоянно пил с той ночи, как уронил на пол масляную лампу, и сгорел его дом. Вместе с женой и полугодовалым сыном.

* * *

Пита Олака, четвёртую жертву, считали прекрасным отцом и кормильцем семьи.

Но это именно он затягивал петлю на шее Красного Лося и улыбался.

* * *

Пятая, шестая и седьмая жертвы — Джордж Рико, Нейтан Сегарис и Кудряш Дель Веккио соответственно, были теми, кто придумал обвинить во всём Красного Лося, и кто провёл самосуд под руководством Майка Райана.

Они тащили Красного Лося по улицам, постоянно пиная и проклиная.

В качестве последнего жеста ненависти и презрения, они помочились на него.

* * *

А Дьюи Мейхью, который, в основном, просто стоял в стороне и лишь наблюдал за повешением из-за постоянно подкатывающей тошноты, жил отвратительной и тревожной жизнью.

Ему, как и тому неизвестному шахтёру, Касающийся Духов — отец Герберта Бешеного Хвоста — поведал дату его смерти.

И добавил, что смерть его будет жестокой, болезненной и ужасной. Так и было.

* * *

Майк Райан, самая последняя жертва Безликого, был очень богатым и влиятельным человеком.

Его в равной степени и боялись, и уважали.

Но, несмотря на всю его бравладу и диктаторские замашки, у него тоже был секрет: ему нравились парни, и при каждом удобном случае он удовлетворял свои потребности в Ларами с продажными мужчинами.

* * *

Последней, пока живой жертвой Безликого был шериф Билл Лаутерс.

У него была отличная ферма и прекрасная семья, но его тоже преследовали призраки прошлого.

С тех пор, как линчевали Красного Лося, он сильно запил.

Иногда это был единственный способ прогнать из головы воспоминания о лице того парнишки: синюшно-багровая кожа, выпученные глаза, вывернутая под неестественным углом шея и вывалившийся из рта почерневший язык.

Иногда Лаутерсу снилось, что за ним приходит мёртвый Красный Лось с торчащими из сломанной шеи позвонками.

И он несёт в руке верёвку. Для него. Для Лаутерса.

Лаутерс просыпается в холодном поту и немедленно прикладывается к бутылке.

Иногда он молит о смерти.

* * *

Это и были тайны города.

Его лучшие секреты.

Его худшие происшествия.

Но о них никто никогда не узнает.

Как говорил помощник шерифа Боус, Волчья Бухта превратилась в бурлящий котёл, который вот-вот выкипит.

Так выглядело место действия перед кровопролитием.

7

Лонгтри нашёл тело Райана в полукилометре от его ранчо.

Труп укрывал тонкий слой снега — самый древний саван в мире.

Лонгтри и не заметил бы его, если бы тело не лежало поперёк тропы, изломанное и освежёванное, словно выброшенное из скотобойни.

И оно до сих пор было тёплым.

Лонгтри зажёл масляную лампу, которую всегда возил с собой для подобных случаев, и осмотрелся.

Кожа с лица трупа была содрана, горло вспорото.

У тела отсутствовали руки и одна нога, а вторая была изодрана, покусана, исцарапана и

разжёвана.

Лонгтри, пытаясь справиться с приступом тошноты, обыскал землю поблизости и нашёл руки, какой-то кусок мяса (должно быть, пережёванная кожа лица), много замёрзшей крови... Но никаких следов ноги.

«Наверно, её утащили дальше по тропе», — решил он.

Пригибаясь под порывами ветра и снега, похлопывая по боку недовольно ржущую лошадь, Лонгтри внимательно изучил место преступления.

Здесь он увидел то же, что и в других случаях: простую жёсткую бойню.

Но маршал знал, что всегда можно найти чуть больше, чем бросается в глаза при первом осмотре.

Это было дело рук Безликого, Лонгтри в этом не сомневался. Акт возмездия, совершённый со зверской жестокостью по садистским фантазиям человека.

Этот человек, кем бы он ни был, определённо являлся членом Банды Десяти.

Безликий не мог ошибиться. Это не мог быть никто другой.

Таинственный девятый участник банды.

Но кто это?

Лонгтри попытался найти любые знаки, которые помогут ему определить личность убитого. Пусто.

Непростое дело.

Убийство было совершено с таким зверством, что разодранная одежда прилипла к плоти и стала с ней единым целым.

Всё подёрнулось корочкой льда, и было сложно понять, где заканчивалась одежда и начинались мышцы.

За пару минут Лонгтри не получил ничего, кроме испачканных перчаток. Пришлось сдаться.

Его конь топтался на снегу и довольно пожёвывал несколько найденных травинок.

Но Лонгтри слышал ржание.

Мужчина огляделся.

Всё заслоняла стена падающего снега.

Масло в лампе плевалось и шипело, его становилось всё меньше, а вместе с ним тускнел и свет.

Он встал на ноги, пытаясь определить направление звука.

Шум ветра изменял доносившиеся звуки. Сложно было доверять даже собственным ушам.

Он нашёл на снегу винтовку Шарпса. «Большая пятидесятка». 50 калибра.

Скорей всего, она принадлежала убитому.

И судя по запаху пороха, из неё недавно стреляли.

Возможно, в чудовище.

Лонгтри начал обыскивать местность, обходя её постепенно расширяющимися кругами, и, в конце концов, ушёл настолько далеко, что перестал видеть своего коня.

Если бы он одно время не был разведчиком, то ни за что не решился бы на подобное.

Опасно было отходить от тропы в такую пургу, но Лонгтри обладал превосходным пространственным чутьём.

Вскоре он нашёл привязанную у скалы лошадь.

Это был прекрасный мускулистый мерин, гордый и лоснящийся.

Конь богача.

Лонгтри обыскал седельные сумки и нашёл документы делового характера, все за подписью Майка Райана.

Там же отыскалась винтовка Спрингфилд, модель 1865 года, изготовленная фирмой Аллин.

На латунной табличке на прикладе значилось имя «Майк Райан».

Теперь сомнений не осталось: тело принадлежало либо Майку Райану, либо человеку, его ограбившему.

Лонгтри решил, что вероятнее первое.

Майк Райан был девятым членом банды.

Но почему он оказался здесь?

Шэннон сказал, что Райан будет ждать Лонгтри на ранчо.

Тогда зачем Райан поскакал сюда?

И тут Лонгтри всё понял. Это же очевидно! И ребёнок бы справился!

Райан позвал его сюда, чтобы убить.

Он спрятался у дороги, скорее всего, сверху на скале, и с винтовкой Шарпса наготове ждал, когда покажется Лонгтри.

Но Безликий нашёл его первым.

Попытка убийства была сорвана.

И сорвана она была убийцей.

По счастливой случайности Безликий спас жизнь законнику.

Лонгтри мрачно рассмеялся, ведя коня Райана к телу хозяина.

Теперь он знал всех похитителей скота.

И только один остался пока жив. Лаутерс.

Наверняка, Райан был вторым нападавшим в капюшоне вместе с Лаутерсом.

Вот так незаметно всё и сошлось.

Если Лонгтри хотел остановить зверя, нужно было всего лишь держаться поближе к шерифу.

Потому что рано или поздно чудовище за ним придёт.

И как бы неприятно это ни было, Лонгтри придётся следовать за Лаутерсом везде, куда тот не направится.

8

Шериф Билл Лаутерс был владельцем небольшой фермы на окраине Волчьей Бухты.

Когда метель начала усиливаться, старший из трёх сыновей шерифа — Чонси — выбрался на улицу.

Когда отца не было дома — а случалось это очень часто! — Чонси оставался за старшего и следил за хозяйством.

По большей части, именно он с помощью своих братьев заботился о ферме.

Они доили коров, кормили цыплят, зарезали кур, носили похлёбку свиньям и вскапывали землю. В общем, делали всё.

Когда их отец появлялся дома, а было это довольно редко, он всегда был настолько пьян, что мог лишь сидеть на крыльце или валяться в постели.

Сегодня Чонси, невзирая на непогоду, загонял свиней в хлев, где они будут защищены от холода.

Это должны были сделать его братья до захода солнца, ещё тогда, когда свиньи только вырвались в загон. Но, как и всегда, они об этом забыли.

— Вот черти! — кричал Чонси, подгоняя свиней обратно к сараю. Снежная крупа летела ему прямо в лицо. — А ну, марш вперёд! Думаете, я тут буду на морозе стоять и вас ждать?!

Дверь сарая была открыта и качалась под порывами ветра.

Значит, братья ещё и забыли запереть сарай. Прекрасно.

Ничего нового.

Чонси загонял свиней через дверь, думая о том, что когда придёт время резать скот, эти животные поплатятся за своё упрямство.

— И на этот раз я буду этим наслаждаться, — пообещал он.

А вот в прошлый раз ему не понравилось.

Тяжело было заботиться о свиньях целый год, а потом зарезать их. Особенно, когда животное не умирает тихо и безболезненно.

Прошлый раз свиньи визжали и боролись до самого конца.

Чонси запер свиней в хлеву, и вдруг замер.

В сарае стояла вонь.

Гнилой запах протухшего мяса.

И, несмотря на холод, запах был резким и насыщенным.

Чонси тяжело сглотнул, зажёл висящий на стене фонарь и направился в дальний конец хлева, где стояли лошади.

Из стойла не доносилось ни звука.

Обычно, когда кто-то заходил в сарай, кони начинали фыркать, требуя внимания или корма.

— Старина Джо? — позвал он. — Голубок?

Первое, что заметил Чонси, это разбитые в сарае окна и раскрошенное, как от удара топором, дерево.

А то, что он увидел потом, заставило его упасть на колени, а сердце — остановиться.

«О Боже, нет...»

Лошади были убиты; более того — выпотрошены.

Кровь была повсюду и пропитала солому насквозь.

Туши были разбросаны по всему стойлу. словно игрушки, с которыми ребёнок играл, а потом они ему надоели.

Кони были выпотрошены, обезглавлены, ободраны до костей.

Голова Старины Джо была насажена на шест.

С Голубка содрали шкуру и прибили к стене кольями.

Влажные, ещё тёплые внутренности были развешены по стропилам и балкам, как новогодние гирлянды.

У Чонси закружилась голова. Парень упал на колени, и его вырвало.

Это не может быть. Просто не может быть.

Ничто не способно сотворить подобное. Ничто.

Ни один зверь не может обладать такой жестокостью, и ни один человек — таким безумием.

Когда тошнота прошла, Чонси ещё раз огляделся. В глазах у парня стояли слёзы, а во рту остался привкус желчи.

Что-то мокрое ударило его по затылку.

Чонси повернулся.

В его волосах запутался влажный комок, и Чонси с воплем попытался его сбросить.

Кусок плоти... Нет, гораздо хуже: связка с частью мышцы, на конце которых болталось глазное яблоко. Голубка.

Чонси отшвырнул его, к горлу вновь поднялась тошнота.

Из темноты прилетел следующий предмет и врезался в стог сена.

Останки головы Голубка... Размозжённый, как яичная скорлупа, череп, вытекшие мозги, вывалившийся язык, выпученный глаз...

Чонси заорал.

Мимо просвистело что-то ещё: окрашенная кровью бедренная кость с болтающимся, как вымпел, куском мяса на ней.

Чонси пригнулся, и кость пролетела мимо.

Чонси сначала покраснел от гнева, а затем посерел от ужаса и посмотрел на второй уровень конюшни, где хранилось сено.

— Кто там? — прохрипел он. — Кто там, мать твою? У меня ружьё...

Ложь, но она придала парню силы.

Из угла послышалось низкое рычание, затем влажный звук разрываемой плоти и чавканье.

В солому упал высосанный досуха позвонок.

Разум паренька кричал: «Беги!». То, что способно с лёгкостью распотрошить двух тягловых лошадей, от него, Чонси, вообще не оставит мокрого места.

Но он не мог убежать.

Он хотел увидеть это существо, заглянуть ему в глаза и дать почувствовать свою ненависть.

С верхнего уровня послышался стон, и что-то метнулось к парню.

Теперь времени убежать уже не было.

Чудовище приземлилось на землю в двух метрах от Чонси.

Парень уставился на него, впитывая каждую отвратительную деталь.

Чонси был около ста восьмидесяти сантиметров ростом, но зверь возвышался над ним, как башня. Его кожа была грубой и испещрённой шрамами.

А лицо отвратительным, мерзким и бледным.

Чудовище сделало шаг вперёд. Его бесформенная голова была огромной, и из кожи то тут, то там торчали клочки шерсти.

Челюсть чудовища выдавалась вперёд, напоминая пасть зверя; раскосые глаза, налитые кровью, покрывала прозрачная блестящая плёнка.

Чонси развернулся и попытался убежать, но поскользнулся на разлитой по полу крови, запутался в развешенных кишках и упал на спину.

Чудовище схватило его одной рукой за волосы и перегнуло через собственное костлявое колено.

Чонси открыл глаза и увидел перед собой открывающийся чёрный рот монстра.

Кривые зубы с червоточинами торчали из обесцвеченных дёсен.

Чонси вдохнул могильный запах от чудовища, увидел отсветы фонаря на острых, как

иглы, губах, и затем эти зубы погрузились в его горло по самые дёсны.

А когда челюсти разомкнулись, горла уже не было, лишь кровоточащий лоскут плоти.

Начали визжать свиньи.

Безликий хрипло заурчал. Вкус тёплой крови жертвы приводил его в экстаз, даруя чувство опьянения.

Он наполнял его ощущением всемогущества, и это было слишком даже для него.

Лошади были забавным развлечением; лакомым кусочком, который можно мучить, а потом убить. Но им не доставало утоляющей голод особенной сочности парня.

Безликий ел медленно, смакуя каждый сладкий, как мёд, кусочек мозга, каждый горячий глоток крови, каждый лакомый комочек серого вещества.

И его осенило. Почему ему раньше не приходило это в голову?

Он был богом.

Королём.

Владыкой.

И никем иным.

А люди — и те, которые его призвали, и те, что восстали против него, — были всего лишь его рабами. Его скотом на убой.

Картинки сменяли друг друга в туманном разуме чудовища.

Выбирать самых вкусных, остальных убивать ради развлечения. Вырезать стариков, чтобы развеять скуку, и кормиться молодыми.

Такова их судьба: стать пропитанием для Него.

Он сожрёт всех женщин и детей, сломает всех мужчин, как хрупкие цветы, и пораскусывает головы младенцев, как леденцы.

О да! Так было в Тёмные века. И так будет сейчас.

Безликий, перепачканный запёкшейся кровью, с лежащим на округлившемся животе позвоночником Чонси, размышлял над этим.

Он знал, что была причина, по которой его достали из тверди могилы.

Не для того, чтобы он убил белых. А для того, чтобы он убил всех.

Ему было предначертано утолять свой голод. Такова его судьба.

Чего ему ещё желать?

Поэт сказал бы: «Он живёт, чтобы есть, и ест, чтобы жить».

Так по-детски просто.

Безликий закрыл глаза, сытно рыгнул и стал ждать, когда вновь проснувшийся голод или простая скука отправят его дальше в жилой дом. В его столовую.

Там были другие... Он знал, чувствовал их горячий аромат.

Дул ледяной ветер. Фонарь потух.

Безликий мечтал.

Он мечтал об одежде из мягкой кожи детей.

Тёплой, вкусно пахнущей, которая прикрывала бы его бесчисленные оголённые участки кожи.

Он ждал кровавой бойни.

Это всё, что он знал.

После того как Лонгтри передал тело Майка Райана помощнику Боусу, маршал отправился на поиски шерифа Лаутерса.

Его никто не видел.

Его не было у доктора Пэрри, и доктор уверял, что не знает, где шериф.

Лонгтри ему не поверил.

Он знал, что доктор долгое время был другом Лаутерса.

Пэрри знал, где Лаутерс, но не сказал бы, даже если бы Лонгтри стал его бить или посадил за решётку.

Пэрри был верным другом и преданным человеком. Лонгтри это уважал.

Лаутерс наверняка был в каком-то салуне или борделе, накачиваясь алкоголем.

Его карьере пришёл конец, и шериф это понимал.

Он скрывался, и единственное, что могло вытащить его на белый свет, это Безликий.

И рано или поздно это случится.

Лонгтри привязал коня в конюшне напротив гостиницы «Безмятежность» и пошёл пешком.

Он должен найти Лаутерса, и, если для этого маршалу придётся обойти каждый салун в городе, значит, так тому и быть.

Он хотел не арестовать Лаутерса, а лишь поместить его под свою защиту.

А понравится это шерифу или нет, Лонгтри не волновало.

Он хотел посадить Лаутерса за решётку в местную тюрьму, чтобы они с Боусом смогли разобраться с монстром, когда тот придёт за своей жертвой.

Таков план.

Когда Лонгтри проходил мимо кузни, ветер всё ещё завывал, и снегопад не прекращался.

Лонгтри остановился.

Дик Райкерс, кузнец, по словам Боуса был одним из немногих свидетелей того, как линчеватели вешали Красного Лося.

Лонгтри вошёл внутрь.

К кузнице было жарко. В углу Райкерс бил молотом по раскалённому листу железа.

— Маршал? Чем могу помочь? — спросил Райкерс. По его мощным плечам струйками стекал пот.

— Хочу задать пару вопросов, если вы не против.

Райкерс кивнул, отложил работу в сторону и вытер шею и лицо полотенцем.

— Как раз кую пару деталей для комбайна Райану. Но это может подождать.

— Майку Райану?

— Ну, вряд ли есть какой другой.

Лонгтри достал сигарету и медленно затянулся.

— Райан мёртв, мистер Райкерс, — произнёс он.

— Мёртв?! — Райкерс был потрясён.

— Да, убит. Тем же существом, что убило и остальных. Тем же существом, которого, как я полагаю, вы видели.

Райкерс побледнел, вспомнив ночь убийства Дьюи Мейхью и убегавшее с места преступления чудовище.

— Райан, Майк Райан, — повторил он.

Лонгтри кивнул.

— Но не думаю, что он был последним.

— Надо что-то делать!

— Мы пытаемся, мистер Райкерс, уверяю вас, — хмыкнул Лонгтри, выпуская облачко дыма. — Но вы же сами видите: ситуация странная. Очень странная. Я считаю, что эти убийства связаны с линчеванием парня из племени Черноногих в прошлом году. Вы ведь видели, как всё происходило, так?

Райкерс сглотнул комок в горле.

— Да, видел. Но если вы на что-то намекаете, то могу вас заверить: я ничем не был способен помочь тому мальчишке. Меня бы просто убили вместе с ним.

— Нет, мистер Райкерс, вы всё сделали правильно. Нет смысла связываться с такими разбойниками.

— Я не знаю, кто это был. Они были в масках.

— Нет, это меня сейчас не интересует. Лучше расскажите мне об убийстве, которое и послужило причиной линчевания.

Райкерс поник.

— О девчонке Карпентер?

— Да. Что вы о ней знаете?

Райкерс присел и облизал губы.

— Она была милой девушкой, маршал. Очень симпатичной. Её все любили. Прекрасный ребёнок, который никому ничего дурного не сделал.

— Не помните, у неё были поклонники?

Райкерс рассмеялся.

— И даже слишком много, маршал. Парни вылезали отовсюду, чтобы только на неё взглянуть.

— Помните кого-то конкретного?

— Чёрт, маршал, это было уже давно! — крикнул Райкерс. — Пару парней с ранчо, кто-то из шахтёров. Даже стоматолог Либерти!

— Похоже, она пользовалась популярностью, да?

— Да, но она была очень высоконравственна, если вы понимаете. На моей памяти она ни разу не согласилась сходить на свидание ни с одним из ухажёров, — снова рассмеялся Райкерс. — Но даже женатые мужчины западали на неё. Помню, шерифу Лаутерсу она очень нравилась.

— Лаутерсу?

— Да. Думаю, Большой Билл тогда сильно влюбился.

10

Двенадцатилетний Джимми Лаутерс рухнул в снег возле дома.

Голова у него кружилась, а перед глазами стояла пелена.

Пока он лежал в снегу, дрожа от потрясения, пока тело выворачивали на изнанку рвотные позывы, он думал только о смерти.

Картинки бойни полностью завладели его мыслями.

Он попытался заставить себя поползти последние несколько метров до дома, но любое

движение казалось пыткой.

Он услышал, как дверь сарая распахнулась и ударила о стену.

Звук был таким громким, словно дверь рассыпалась в щепки от удара.

Джимми знал, что никакому урагану такое не под силу.

Он слышал за спиной тяжёлые шаги и знал, что приближается чудовище.

Джимми чувствовал загривком его горячее дыхание.

«Пусть подумает, что я мёртв», — взмолился мальчик.

«Пусть подумает...»

Зверь обнюхал мальчишку вдоль позвоночника, отдёргнул морду и застыл, шумно втягивая воздух.

Джимми не выдержал, с криком вскочил на ноги и побежал.

Монстр взвыл, и мальчик почувствовал, как кончики когтей цепляют его шею.

Но он уже был у двери. И секундой позже вбежал внутрь.

Он отшвырнул болт и схватил висящее над очагом ружьё.

Открыл ствол и онемевшими пальцами вставил патроны.

— Ты что делаешь, милый? — спросила мать, быстро пересекая комнату.

Джимми произнёс лишь одно слово:

— Монстр.

Эбигейл Лаутерс с убранными назад в пучок седыми волосами, не впечатлила эта детская глупость.

— Я же сказала привести брата, — резко произнесла она. — Ванна остывает...

Мальчик посмотрел на неё ошалевшими глазами, и слова умерли на её губах.

Его лицо было мертвенно-бледным, на рубашке засохли следы рвоты, а по шее стекала кровь.

— Чонси, — пробормотал он. — Чонси мёртв.

Эбигейл несколько мгновений молчала, пытаясь осознать эти короткие два слова.

Она слышала, как её двоюродная сестра Вирджиния напевает на втором этаже, купая младшенького Джо Джо.

Мёртв?

Чонси не может быть мёртв. Ерунда полнейшая!

— Монстр добрался до лошадей, -

всхлипнул Джимми. — Разорвал их на части... А Чонси... Он его ел...

Мать выхватила ружьё из его рук.

Об дверь что-то глухо ударило.

Затем ещё раз.

И ещё.

— Поднимайся вверх, — спокойно произнесла женщина, но в голосе её звучал металл.

Джимми никогда не слышал, чтобы мать говорила таким тоном.

Он машинально попятился к лестнице; из глаз Джимми ручьём текли слёзы.

В дверь ударили снова и снова.

Брус, запирающий двери изнутри, начал трескаться, а затем раскололся пополам.

Дверь выгнулась, а потом просто рухнула внутрь дома.

На пороге стоял монстр, низко, по-звериному ворча.

Эбигейл смотрела на него и думала, что так, наверно, и выглядит пришедший из ада демон.

Кто же ещё это мог быть?

Чудовищу пришлось пригнуться, чтобы протиснуться в дверной проём. Ночной кошмар с ободранной кожей и клочками шерсти, воняющий скотобойней и припорошенный снегом. Его огромный хвост качнулся вправо-влево, сметая столы и стулья.

Монстр сделал шаг вперёд, сгорбился ещё больше, но его череп всё равно касался потолочных балок.

Из уголков его рта свисали струйки слюны.

Эбигейл дважды выстрелила. Монстр пошатнулся, но не остановился.

Он приблизился к ней, габаритами напоминая скорее грузовой состав, и выбил ружьё из рук женщины.

Джимми застыл на лестнице, наблюдая, как чудовище разрывает его мать.

Словно перьевую подушку, в которой перья окрашены красным.

Кровь брызнула во все стороны.

Джимми бросился вверх по лестнице.

Его тётя Вирджиния стояла на лестничной площадке, держа маленького Джо Джо на руках.

Она застыла и с ужасом смотрела перед собой.

Джимми обернулся: посреди комнаты стояло чудовище, и всё его туловище было покрыто алой кровью матери.

— Господь всемогущий, — прошептала Вирджиния.

— Беги! — заорал Джимми. — Ради бога, беги!

Вирджиния развернулась, бросилась по коридору и заперлась с ребёнком в детской.

Джимми бросился в комнату отца и вернулся с ножом.

Чудовище направилось к мальчишке, перепрыгивая через ступени. Некоторые из них ломались под весом зверя, словно были сделаны из пробкового дерева.

Его отвратительное, мерзкое лицо скривилось в кривозубой ухмылке.

Ноздри раздулись, ощутив аромат мальчика.

Чудовище заметило нож, но не было впечатлено. В его груди уже и так зияли две кровоточащие дыры.

Джимми поднял нож для удара.

Чудовище обнажило дёсны и острые, как иглы, зубы.

Слюна и кровь лилась по его выступающему подбородку, а изо рта падали кусочки плоти жертвы.

Джимми бросился на него, вонзая нож в горло монстра.

Но чудовище тоже дотянулось до мальчишки.

С торчащим из шеи клинком монстр сомкнул челюсти на черепе Джимми, и кости лопнули под давлением.

Чудовище принялось за еду с черепа, высасывая мозг, пока от головы двенадцатилетнего мальчишки не остались лишь кости, волосы и отдельные клочки мышц.

* * *

Вирджиния не питала никаких иллюзий, что находится в безопасности в спальне.

Она была следующей. Никаких вариантов.

Дверь разлетелась в щепки, и вошёл зверь, заполнив собой весь дверной проём.

Вирджиния начала молиться высоким дрожащим голосом.

— Не убоишься ужасов в ночи; стрелы, летящей днем; язвы, ходящей во мраке; заразы, опустошающей в полдень... (Псалом 90 — прим. пер.).

Безликий стоял, опьянённый кровью, и слушал. Эти строки ему не нравились, и он даже не мог понять почему.

Два шага — и он уже был рядом с Вирджинией.

Он оторвал ей голову, осмотрел со всех сторон, обнюхал, услышал запах духов и вышвырнул через дверь.

Голова поскакала по ступеням, как мячик.

Она ему не нужна.

Он хотел дитя.

Безликий слышал крик, доносящийся из-под кровати.

Этот плач был музыкой для Безликого, хором ангелов.

Он перевернул кровать и схватил ребенка, сжимая и раздавливая.

И начал есть в полной тишине, отрывая сочные конечности, как крылья бабочки.

11

Преподобный Клауссен слышал, как с грохотом распахнулись двери церкви.

Одна была практически сорвана с петель. За порогом начиналась пелена из снегопада, но даже она не смогла скрыть стоящую в дверном проёме фигуру.

Клауссен лежал у подножия алтаря, избитый, в синяках, в собственной моче и испражнениях.

Его ум уже давно не соображал, но сейчас Клауссен не сомневался в том, что видели его глаза.

Чудовище.

Оно вошло внутрь, принося с собой сырой и мерзкий запах смерти.

Глаза монстра нашли преподобного, и в этих глазах... господи, в этих глазах Клауссен видел избавление.

В этих красных горящих глазах было обещание непорочности.

И Клауссен узрел: это был не монстр. Это был бог.

Не какое-то божество из книг, которое не имело облика и даже не могло само наставлять свою паству.

Это был бог во плоти.

Огромный, живой, отвратительный, выдающийся, считающий верующих в него своими рабами.

Разум Клауссена переполнился религиозным трепетом и благоговением. Ему пришло в голову, что это, должно быть, одно из созданий, упомянутых в книгах индейских сказаний.

И в отличие от иллюзий и выдумок христианства этот бог был настоящим.

Он жил, дышал и жаждал своего.

Исходивший от монстра запах казался Клауссену священными благовониями, хотя и вызывал у него тошноту и боль в животе.

Монстр ступил вперёд, возвышаясь над преподобным.

Клауссен стоял перед ним на коленях и дрожал; его голова слегка кружилась от вони.

Вонь заполняла его лёгкие, скручивала кишечник и превращала мозг в желе.

— Прими меня, Владыка, — проскрипел он, — прими меня в качестве жертвы.

Монстр потянулся вперёд, схватил огромной рукой Клауссена за шею и дёрнул вверх, так чтобы их лица оказались на одном уровне.

Его горячее, отвратительное дыхание пахло гнилью, разложением и мраком.

Клауссен смотрел в эти немигающие красные глаза, и сквозь него проносились удары электричества, которые кипятили его кровь и наполняли его череп с белым светом.

Он видел мир таким, каким он был до появления человечества.

Он видел расцвет и падение древних цивилизаций.

Он видел неизведанное и неразгаданное.

Он видел Безликих и их королевство.

Он видел, как меняется мир; как приходят краснокожие, а великие и свирепые Владыки Верхнего Леса погибают.

Их ряды редели, ибо они больше не могли вынашивать детей.

И в конце концов, остались лишь несколько Безликих, которым индейцы сперва поклонялись, а затем захоронили.

Они ждали своего часа в мрачной, душной, гнетущей темноте, пока их не призвали.

Да, он передал знания.

Клауссен стал их жрецом.

В качестве доказательства Безликий откусил у преподобного левую кисть и проглотил кусок плоти и костей, не жуя.

Мука была прекрасна.

Монстр отбросил преподобного на алтарь.

Его хвост одним хлёстким ударом развалил статуи Иисуса и Девы Марии.

Он сорвал со стен кресты и помочился на святые мощи и священные книги.

Он провозгласил церковь своей собственной.

Клауссен, наконец, нашёл смысл своего существования.

12

Следующим утром доктор Пэрри встал ещё до восхода солнца.

Спина сегодня болела гораздо меньше.

Клетки его тела были довольны, получив привычную дозу морфина.

Пэрри объехал на повозке окрестности, разобравшись с двумя случаями обморожений и одной раздробленной нижней конечностью в шахтах.

Рассвело. Взошедшее солнце раздвинуло тучи.

«Всё говорит о том, что сегодня, несмотря на мороз, будет отличный день», — подумал Пэрри.

Он ещё никогда так не ошибался.

По непонятному наитию Пэрри притормозил у церкви.

Ему не нравилась мысль, что Лаутерс мог убить преподобного.

Это последнее, во что бы он поверил, но как справедливо заметил маршал Лонгтри несколько дней назад, шериф полностью съехал с катушек.

И преподобный Клауссен пропал.

Но в церкви, к большому удивлению доктора, у алтаря стоял Клауссен, чем-то наслаждаясь.

И вскоре доктор увидел, чем именно.

Алтарь был разрушен.

Он был запятнан экскрементами и кое-чем похуже.

Всё было разрушено и осквернено.

— О Господи, — прошептал Пэрри. В церкви пахло, как на скотобойне.

Клауссен повернулся.

— Не богохульствуйте в этом доме, сэр, — произнёс он.

Пэрри онемел. Всё лицо преподобного было в кровоподтёках и ссадинах.

— Что с вами произошло? — спросил доктор.

— Крещение огнём, — рассмеялся преподобный.

Пэрри сделал шаг вперёд, но Клауссен отшатнулся.

— Мне не нужна ваша помощь, сэр.

— Скажите, кто это сделал.

Клауссен усмехнулся.

— Думаю, вы знаете.

Пэрри тяжело опустился на ступень алтаря.

Конечно, Клауссен был прав: Пэрри это знал.

Лаутерс.

Шериф не солгал, когда прошлым вечером утверждал, что не убивал преподобного.

Не убивал. Но серьёзно избил.

Пэрри всегда знал, что у шерифа тяжёлая рука. За последние годы доктору пришлось зашивать и накладывать гипс не одному вздорному заключённому, но до такого никогда не доходило.

Избиение такого масштаба нельзя уже было списать на самооборону. Это было преступление, а человек, его совершивший, преступник.

— Когда это произошло? — спросил Пэрри. — И это тоже он сделал?

Доктор указал на алтарь, треснутые скамьи, разодранные гобелены и разрушенные статуи.

— Едва ли.

— Когда?

— В далёком прошлом.

Доктор втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Вам нужно выдвинуть обвинения.

— Ерунда.

Пэрри удивлённо вскинул брови.

Сейчас ему больше всего хотелось очередной дозы морфия. Ничто другое не сможет помочь ему разобраться в этом бреде.

— Да, Лаутерс понесёт наказание, но не от закона, — слишком спокойным тоном произнёс Клауссен. — А от Его руки.

— Бога? — не совсем понимая, о чём идёт речь, уточнил Пэрри.

Клауссен вновь усмехнулся. Это была жуткая ухмылка живого мертвеца.

— Бога? Да, возможно. Но далеко не того, о котором вы думаете, и не того, служа которому я выбросил свою жизнь.

Пэрри погладил усы.

— Успокойтесь, преподобный.

Его не отпускало неприятное чувство, что Клауссен сошёл с ума.

— Давайте отправимся ко мне, — мягко произнёс доктор, тщательно подбирая слова. — Вы пережили такое потрясение, вам нужно отдохнуть. Я позабочусь об этом. И я приглашу помощника Боуса и маршала Лонгтри.

— С какой целью?

— Арестовать человека, совершившего подобное.

Клауссен тихонько рассмеялся.

— Они мне не помогут, доктор. Да и никому уже не помогут. Видите ли, теперь остался лишь один закон — Его закон.

— О ком вы говорите?

— Вы и сами прекрасно знаете, ведь брали у меня книги...

— Я их не читал, — солгал Пэрри. — Не было времени.

— Что ж, вам же хуже.

Клауссен вернулся к обломкам алтаря.

— Когда он придёт к власти, когда займёт свой трон, ему нужны будут образованные люди, вроде меня и вас, которые помогут ему разобраться с делами. Но вам нужно прочитать книги, узнать о его прошлом...

Пэрри не мог выдавить ни слова.

Клауссен ухмыльнулся.

— Поймите, доктор, он — король. Некогда он управлял этими землями. Когда наши предки пришли из Европы, они принесли с собой новых, европейских богов. В этом была их ошибка. Они не знали ничего об этих землях, об их истории, об их нуждах.

— Да, но...

— Индейцы знают, что не они были первым народом, что существовали и более древние расы, — улыбнулся Клауссен. — Они мудры... А мы зовём их дикарями.

Преподобный качнул головой.

— Не важно. Древнюю расу называли Владыками Верхнего Леса. Когда индеец тысячи лет назад мигрировали сюда, Владыки ещё жили здесь. Выжили немногие, но и тех, что выжили, достаточно...

— Какое это имеет отношение к происходящему? — поинтересовался Пэрри.

— Я обучаю вас, доктор, нашей новой религии, которая, по сути, очень стара. Вам стоит запомнить то, что я говорю.

Клауссен коснулся подбородка пальцем.

— Сейчас, сегодня, наш законник охотится на зверя — существо, убивающее людей. Но это создание не ново; по сути, оно очень и очень древнее. Это прямой потомок Владык, Королей Охоты.

— Видите ли, в древние времена индейцы поклонялись этим созданиям. Они были богами. Им приносили жертвы и отдавали девственниц, которые вынашивали для Владык детей. В конце концов, почти все Владыки вымерли — то ли из-за изменений климата, то ли из-за уничтожения их среды обитания — но кое-кто выжил.

— Вы безумны, — пробормотал Пэрри.

— Напротив, я, наверно, единственный здравомыслящий в этом городе человек, —

покачал головой Клауссен. — Я рассказывал вам как-то о Братстве Черепа. Помните? Это Братство — древний культ. Одно время в него входили жрецы, которые выбирали жертв для приношения Владыкам. Они вершили свой закон — святые мужи варварского культа.

Пэрри вздохнул.

— Хотите сказать, что одно из этих... созданий до сих пор существует?

Клауссен устало помассировал виски.

— Именно так. Большая часть Владык, этих богов древности, погибла давным-давно, но несколько существ выжили и сохранились до наших дней. Некоторые племена до сих пор в них верят.

— Хватит, преподобный. Вы...

Клауссен прервал Пэрри, выпучив безумные от экстаза новой религии глаза.

— Вы знаете, доктор, что значит фраза «Время Пса»?

Пэрри кивнул.

Под Временем Пса понимали период жизни племён до появления лошадей, когда вся деятельность была связана с помощью собак: переезд лагеря, охота и другое.

— Многие племена, в том числе и наши Черноногие, считают, что несколько Владык выжили во Времена Пса и сохранились до наших дней, то есть на протяжении четырёх-пяти столетий.

Боль в пояснице Пэрри становилась невыносимой.

Клауссен объяснял всё это с такой холодной, убедительной логикой, что трудно было ему не поверить.

Но это же фантастика. Наверно...

Пэрри был приверженцем натурализма и ни на секунду не сомневался, что некогда нашу землю населяли диковинные звероподобные народы и безымянные чудовища.

Но сейчас они все вымерли.

Принять, что какой-то первобытный ужас сохранился до наших дней...

— Бред, — уверенно произнёс Пэрри.

— Уверены?

— Конечно. Даже если подобные создания и существовали, то было это давным-давно.

— Не совсем, доктор, — качнул головой Клауссен, словно говоря с неразумным ребёнком. — Один выжил.

Пэрри не мог отвести взгляда от преподобного. Невозможно. Это не может быть правдой...

— Прочтите книги, доктор. Там всё написано. То, что мы знаем, пришло из легенд и преданий племён, но легенды — лишь проблеск тех древних времён.

— Вам нужно отдохнуть, — тихо произнёс Пэрри.

— Черноногие называют его Безликим. И очень редко — Черепоголовым.

— Почему?

— Потому что его голова напоминает огромный череп. Они — Владыки Верхнего Леса доктор. Существа, чьи непомерные аппетиты не сможет удовлетворить никто, — Клауссен мерзко рассмеялся.

Сумасшествие. Пэрри не хотел этого слушать.

Всё это время Клауссен держал левую руку в кармане ризы.

До этого момента Пэрри не хотел выяснять почему, но перед уходом спросил.

— Это вас не касается. Когда время придёт...

Пэрри поднялся и молча направился к двери.

— Он здесь, чтобы съесть нас, — с воодушевлением кричал вслед Клауссен. — Чтобы разрушить то, что мы построили. Чтобы отобрать земли, принадлежащие ему по праву! И чтобы вновь зародить своё племя. И кровь его — вино... Покоритесь....

13

— Церковь разрушена, — сказал Пэрри. — А Клауссен сошёл с ума.

Лонгтри слушал рассказ доктора, и ему это очень не нравилось.

Лаутерс напал на мужчину, и тот теперь тихонько — или не совсем тихонько — сходит с ума.

Похоже на правду.

Лаутерса нужно посадить под стражу.

Пэрри покачал головой.

— Он бредит, маршал. Он считает, что это существо — некий бог, а он, Клауссен, теперь его жрец.

— Он называл его как-то?

— Да, — сглотнул Пэрри. — Владыка Верхнего Леса. Безликий.

Лонгтри побледнел.

— Может, он не так уж и безумен, как вы думаете, доктор.

Пэрри уставился на маршала, не веря своим ушам.

— Что вы имеете в виду?

И Лонгтри рассказал доктору всё, что знал.

Рассказал ему все подробности, хотя у маршала и не было времени останавливаться на всех деталях.

Но было важно, чтобы доктор знал правду.

— Похоже на какого-то людоеда, — наконец, выдавил Пэрри. — Монстр из детских сказок.

— Точно, — признал Лонгтри. — Только этот гораздо страшнее.

14

Спустя час была обнаружена бойня на ферме шерифа Лаутерса.

И так уж выпали карты судьбы, что Лаутерс обнаружил её сам.

Когда Лаутерс ехал на ферму, он был трезв. Раненная рука была перебинтована и сильно болела.

Он понял, что что-то случилось, когда обогнул небольшой холм, закрывавший ранчо.

«У меня было странное чувство, — скажет он позже, — словно щекотание кожи затылка...»

На холме он остановился.

Всё, что он увидел, это неестественная холодная тишина и спокойствие.

Во дворе не копошились мальчишки.

Не кудахтали куры, не визжали свиньи, не ржали лошади.

Из трубы не поднимался дым.

Лаутерс обнаружил бойню. Свою убитую семью.

Лонгтри умел складывать два и два.

Лаутерс доехал до деревни и сообщил всем о произошедшем, а потом свалился с истерикой.

* * *

Лаутерс проспал у доктора Пэрри до самого вечера, напившись успокоительных.

Лонгтри осматривал место происшествия, пытаясь сдержать тошноту.

Останки старшего сына Чонси лежали в сарае вперемешку с останками нескольких свиней, двух лошадей, и всё это было усыпано куриными перьями.

В доме на полу он нашёл разорванное тело, которое, как он подозревал, принадлежало жене Лаутерса Эбигейл.

На втором этаже находилось обезглавленное тело двоюродной сестры Эбигейл — Вирджинии Крэбс — и куча обглоданных костей, которые, скорей всего, остались от Джимми Лаутерса.

Младшего Джо Джо нигде не смогли найти.

Окно в детской было выломано изнутри, будто убийца выпрыгнул со второго этажа вместе с ребёнком.

Кровавые нечеловеческие следы, почти занесённые снегом, исчезали вдали.

* * *

Фактически, шерифом Волчьей Бухты теперь стал Олден Боус.

Он прекрасно знал семью Лаутерса, и ему тоже было непросто.

Но у него была работа, и её нужно было сделать.

— Я поверить не могу, — не мог остановиться Боус. — Какое животное на такое способно?

— Это не животное, — ответил Лонгтри.

Боус прищурил глаза.

— Эти люди не имели никакого отношения к линчеванию, маршал. И думаю... ваша теория не работает.

Лонгтри нахмурился.

— Ошибаетесь, помощник. Оно не смогло найти Лаутерса, поэтому отправилось за его семьёй.

Боус побледнел и отошёл в сторонку к Спэнс и Пэрри, которые изучали картину зверства в сарае.

Лонгтри не винил парня за его поведение: и остальные жертвы выглядели отвратительно, но эта... абсолютно непристойно.

Другого слова было не подобрать.

Женщины и дети.

За свою жизнь Лонгтри видел множество убийств.

Достаточно, чтобы иногда вызывать отвращение к своей работе.

Но с подобной дикостью он сталкивался в первый раз.

Лонгтри присоединился к остальным в сарае.

Пэрри рассматривал обглоданную человеческую бедренную кровь.

На ней виднелись огромные вмятины.

— Следы зубов, — с отвращением произнёс доктор. — Это создание, должно быть, чрезвычайно сильное. Я как-то видел остатки пира после гризли... Но никогда ничего подобного.

Он закашлялся и попытался справиться со слезами.

— Это безумие, — прошептала Вайнона Спэнс. — Этот зверь... Даже стая голодных волков такое не совершает... Они наедаются, а остальное оставляют гиенам. Но это существо... Господи, оно ест и ест! И убивает ради удовольствия, ради забавы.

Лонгтри раскурил сигарету.

— Собирайте отряд, помощник. Созывайте людей, поисковых собак, пускайте по следу. Думаю, сможете его выследить — след ещё свежий.

Боус кивнул.

— Вы с нами?

— Я присоединюсь позже. Сначала надо покончить с одним делом.

Боус вскочил на коня и поскакал прочь.

Лонгтри оттянул Пэрри в сторону.

— Я не люблю сыпать соль на рану, док, но, когда всё закрутится, мне, скорее всего, придётся арестовать шерифа.

Пэрри не был удивлён.

— Почему?

Лонгтри рассказал доктору о стрелке в капюшоне.

— Думаю, прошлой ночью вы извлекали пулю из руки Лаутерса, я прав?

Пэрри мрачно кивнул.

— Прошу, сынок, подожди, пока всё закончится. Сделай это ради меня. Думаю, шериф замешан во многих делах в округе Волчьей Бухты.

Он обернулся к валяющимся телам.

— Да поможет ему бог, — всхлипнул Пэрри. — О Господи, маршал, это же дети...

Лонгтри смотрел, как доктор неуклюже ковыляет прочь, и задавался вопросом, сколько же Пэрри на самом деле знал.

И чувствовал к нему, да и ко всему городу, огромное сострадание.

15

К тому времени, как Боус собрал поисковый отряд, Безликий — последний из Владык Верхнего Леса — был уже далеко от Волчьей бухты.

Он наблюдал за расположенным среди холмов поселением Черноногих и облизывался.

После пира прошлой ночью он отсыпался в скалах в полукилометре от города.

Он проснулся с восходом солнца, ощущая в животе приятную тяжесть после съеденного ребёнка.

Внутренности мальчишки валялись вокруг него, как подранное одеяло.

Они промёрзли за ночь и были уже невкусные.

Безликий оставил их падальщикам.

После долгой прогулки к холмам он проголодался.

Он знал, что остался ещё один белый, которого ему нужно казнить, но разве есть закон, который сможет запретить ему убить белого после того, как он убьёт всех остальных?

Он осторожно приблизился к лагерю, стараясь создавать как можно меньше шума.

Если псы начнут лаять, ему придётся их убить.

Жаль, что невозможно просто проскользнуть внутрь и посворачивать всем шеи, оставаясь незамеченным.

Да, невозможно.

Не в состоянии больше сдерживаться, Безликий вошёл в поселение.

Собаки начали лаять.

Две из них бросились на Безликого, и он одним взмахом когтей располосовал их тела.

Третью и четвертую разорвал его костлявый зазубренный хвост. Больше никто не дёрнулся.

Отовсюду зазвучали крики и плач.

Люди бегали, хватали детей и отступали в лес.

Безликий позволил им бежать.

Он переходил от одной хижины к другой, круша их, втаптывая в грязь шкуры и радуясь, как ребёнок.

Несколько старейшин племени не были достаточно расторопны, чтобы выбежать из своих хижин, и Безликий счастливо улыбнулся, слушая, как хрустят под его ногами их кости.

Внезапно началась стрельба; пули попадали в спину Безликого, и он поморщился от боли.

Он развернулся и побежал к дерзким людишкам.

Безликий убил троих: первому разорвал горло, второму оторвал конечности, а третьего так сдавил руками, что у несчастного внутренности вылезли через все возможные отверстия.

Появился четвертый, и Безликий превратил его тело в кучу рваных частей, а череп мужчины пробил его же винтовкой.

Но это было не более чем развлечение.

Его истинным интересом была палатка-инипи.

Она стояла в отдалении у края леса.

Именно там находились люди, которые его призвали — члены Братства Черепа.

Они знали, что однажды придётся платить по счетам. Им не убежать.

Безликий ворвался внутрь. Коричневая шкура буйвола, служившая дверью в инипи, развалилась под его пальцами.

Внутри на корточках сидели на земляном полу мужчины; их обнажённые тела были раскрашены белыми, чёрными и красными полосами.

Они ритмично бормотали бессмысленные молитвы.

Они не пытались спрятаться или убежать.

Это они его призвали.

Казалось глупым думать, что именно эти слабые, съёжившиеся от страха люди смогли вырвать его из могилы.

Нелепость!

Безликий ломал их одного за другим, смеясь сухим рокочущим смехом.

Он смотрел, как они истекают кровью и плачут, и стонут, и корчатся на земле от боли.

Устав от игры, Безликий расплющил головы стариков, превратив их в бесформенную

массу, и обрушил на тела палатку.

Они предложили ему жертву — и он её получил.

Безликий почувствовал запах жарящегося на костре мяса.

Полоски мяса дымились и шипели на огне.

Запах был тошнотворным... Но Безликому было любопытно.

Он схватил кусок мяса и начал жевать мерзкую субстанцию, пытаясь её проглотить.

Когда прожёванный кусок опустился в желудок, реакция не заставила себя ждать: Безликий упал на колени, и его вырвало.

Отдышавшись, он неуверенно поднялся на ноги, припоминая теперь древние табу в отношении приготовленной пищи.

Больше он о них не забудет.

Безликий подумал, что эти люди с тёмной кожей не были достойны поклоняться ему.

Пожирая женщину и её ребёнка, он решил, что эти люди сгодятся только в качестве мяса.

А вот белые люди... Они станут его новой отарой.

В них была сила и изобретательность.

Как и древние народы, они воздвигали города.

Жестокие, беспощадные люди.

Они нравились Безликому. То, что надо.

Зайдя в лес, он наткнулся на группу людей с тёмной кожей, прячущихся среди скал и деревьев.

Пришлось немного задержаться.

Набив желудок их плотью до отказа, он расслабленно отправился обратно в поселение и от души помочился на костёр.

Вспомнив, что это старый способ пометить территорию, он обошёл весь лагерь, опустошая по чуть-чуть мочевой пузырь.

Все, кто придёт сюда, теперь будут знать, что это место принадлежит королю.

Владыке Верхнего Леса.

16

Когда отряд бросился на поиски, Вайнона Спэнс вернулась к телу Майка Райана.

Удачно он заказал себе надгробие всего пару дней назад!

Ходили разные слухи о том, откуда Райан узнал о приближающейся кончине — начиная с угроз расправой и заканчивая ясновидением — но Вайнона придерживалась мнения, что некоторые люди просто знали, когда близится их час.

Не в первый раз уже на памяти Вайноны человек заказывает памятник, а всего через пару дней этот памятник над ним устанавливают.

Такова жизнь... и смерть.

Почти всё утро Вайнона провела на ранчо шерифа Лаутерса, копаясь в куче крови и плоти и отделяя человеческие останки от животных.

К данному моменту останки всей семьи Лаутерса уже похоронили на кладбище за городом в одной общей могиле.

Надгробия установят завтра.

Потребовалось пять мужчин-добровольцев, чтобы в течение нескольких часов пробиваться через снег и промороженную землю и вырыть могилу.

Неприятное занятие.

Но Вайнона привыкла к смерти и гибели, и её уже нельзя было ничем удивить.

Деньги, конечно, это хорошо. Но на сердце у женщины было тяжело.

Этот город проклят.

Она укрыла тело Райана простынёй и опустилась в кресло. Голова раскалывалась.

Она всегда считала себя практически оптимисткой.

Её отец как-то сказал, что и оптимисты, и пессимисты, по сути своей, фантазёры. А посередине этих двух крайностей находились реалисты.

Наверно, он был прав.

Оптимист внутри Вайноны считал, был уверен, что это чудовище, этого монстра поймают и убьют.

Пессимист же говорил, что этого никогда не случится: чудовище убьёт всех и двинется дальше.

А реалист понимал, что монстра убьют, но не раньше, чем он вырежет большую часть населения.

С реализмом было удобнее; в нём не было крайностей.

Сидя в кресле и думая о Мэрион, о своей к ней любви, Вайнона решила, что на данный момент останется реалистом.

Учитывая обстоятельства, это было самым безопасным.

Этакая «мантия прагматизма» — надел, укрылся, и никакие обстоятельства тебе не страшны.

Но она забыла о фатализме (вера в неотвратимость судьбы, предопределение, рок — прим. пер.).

И вспомнила о нём, лишь когда дверь в заднюю комнату слетела с петель.

Тогда она вдруг поняла, что некоторые вещи неизбежны.

Когда она заглянула в заднюю комнату, когда с трепетом и страхом смотрела на возвышающегося посреди комнаты, залитого кровью монстра с подпирающей потолочные балки головой, она поняла, что это конец.

Она умрёт.

И никакое оружие, никакие запетые двери этого не изменят.

Чудовище было здесь, и оно собиралось заняться Вайноной.

Она долгое время флиртовала со смертью, и вот она здесь: гигантская, дурно пахнущая и злобная.

— Господи, — прошептала она.

Чудовище сделало шаг вперёд и заскрежетало зубами.

17

Когда Лонгтри вошёл в кабинет Пэрри, Лаутерс уже пришёл в себя.

Этому Лонгтри не удивился.

Пэрри сказал, что дал шерифу кучу лекарств, чтобы тот отключился почти на весь день, но Лонгтри знал, что, учитывая состояние шерифа, тот не будет валяться в постели слишком

долго.

— Шериф, это ни к чему, — произнёс Лонгтри, не спуская взгляда со ствола револьвера.

Лаутерс был мощным человеком.

Да, от алкоголизма он значительно обрюзг, но всё равно внушал опасения.

У шерифа были покрасневшие глаза и опухшие от рыданий веки, а лицо покрывала испарина.

— Как же ты мне надоел, Лонгтри, — прошипел он. — Всё время ко мне цеплялся... И моя семья... Господи...

Лонгтри было жаль мужчину. Но находиться на мушке ему не нравилось.

— Убери оружие, шериф. Прошу тебя.

Лаутерс изумлённо уставился на Лонгтри полными слёз глазами.

Забинтованный нос придавал ему ещё более жалкий вид.

Лонгтри сглотнул.

Шериф целился в него из кольта.

Даже если маршал и потянется за своим оружием, Лаутерс успеет выстрелить, и пуля, скорей всего, угодит ему прямо в грудь.

А такие раны в большинстве своём смертельны.

Лонгтри выставил перед собой руки ладонями вперёд, показывая, что не хочет причинить вреда.

— Если хочешь меня застрелить, шериф, то хотя бы сперва поговори со мной. Я же не прошу многого. Договорились?

Лаутерс пару секунд молчал.

— Слушаю.

Лонгтри осторожно опустился на стул.

— Это ты убил девчонку Карпентер, так?

— Да.

Наконец-то он отвечал искренне.

Лонгтри кивнул.

— Ты был членом Банды Десяти. Вы, парни, обвинили Красного Лося в убийстве потому что он знал о твоём проступке, а затем другие члены банды линчевали его, а ты отошёл в сторонку. Я прав?

— Прав.

— И теперь остался только ты. Последний из банды.

Лаутерс кивнул.

— А ты хорош, маршал. Я всегда это понимал и именно поэтому не хотел, чтобы ты тут оставался. Чудовище придёт за мной... И даже закон не сможет ничего изменить. Твой значок здесь бесполезен, парень.

Лонгтри облизал губы.

— То, что ты сделал, шериф, было неправильным, и ты сам понимаешь это лучше любого другого. Но ты и так уже получил своё наказание... Я не собираюсь тебя арестовывать.

Лаутерс опустил револьвер.

— Тогда зачем ты пришёл?

— Потому что хотел с тобой немного поговорить.

Лонгтри достал из кармана сигару и закурил.

— Ты потерял семью из-за этого монстра, шериф. Отдавать тебя под суд бессмысленно, особенно если учесть, что все свидетели и твои соучастники уже мертвы.

Лонгтри помолчал минуту.

— То, что случилось год назад, уже случилось. Забудем об этом. Люди в этом городе уважают тебя, и я не хочу валять твоё имя в грязи. Пусть народ считает тебя хорошим законником... потому что глубоко внутри ты такой и есть.

Лаутерс ничего не ответил.

Только одинокая слеза прокатилась по его щеке.

— У нас есть и другая проблема. Более серьёзная. Монстр, который уже убил кучу людей и будет продолжать убивать, пока его не остановят. Думаю, именно мы должны его остановить.

— Как? — спросил Лаутерс.

— Я точно не знаю, — признал Лонгтри. — Но уверен, что монстр придёт за тобой, и тогда я его и встречу.

— И что тебе это даст? Он убьёт нас обоих.

Лонгтри поднялся со стула.

— Такова уж моя работа — умирать, сражаясь с этим существом, как и твоя. Так что вставай и одевайся. Пора поохотиться.

— Хочешь, чтобы я тебе помогал?

— Чёрт, конечно! Ты законник. Давай убьём эту тварь или умрём, пытаясь от неё избавиться.

И тут они услышали выстрелы вдалеке.

18

Поисковый отряд, собранный Боусом, насчитывал восемь человек.

Боус отыскивал самых лучших и самых храбрых стрелков из шахт и близлежащих ранчо.

Это были суровые и серьёзные мужчины. Но ещё они были злы.

Им осточертели убийства. Осточертело то, что они ничего не могут поделать с этим.

Беспомощность разочаровывала.

В них день за днём накапливалась агрессия, и Боус мог предложить, на что её выплеснуть.

— Туда! — крикнул кто-то. — Похоронное бюро!

Боус повернулся.

В первые секунды казалось невозможным, что нечто столь отвратительное способно ходить по земле, да ещё и при солнечном свете.

Чудовище было сгорбленное, с согнутыми коленями и кривыми, безвольно свисающими руками.

Его огромный хвост мотался из стороны в сторону, и когда монстр наклонился, чтобы пройти через дверь похоронного бюро, хвост приподнялся, словно помогал зверю удерживать равновесие.

Чудовище, шатаясь, вывалилось на улицу, вынеся по дороге дверь похоронного бюро Спенс.

Оно прошло мимо и выпрямилось в полный рост.

Мужчины спешили.

Лошадей моментально привязали. Они ржали, брыкались, а некоторые даже поскидывали всадников до того, как те успели слезть сами.

Похоже, в лошадях говорила древняя память: они помнили это чудовище, помнили его родичей, и помнили, на что оно способно.

Те, кого не успели привязать, рванули прочь по улице.

Безликий сделал шаг к своему новому людскому стаду.

— Так, парни, — крикнул Боус, — не стрелять! Рассредоточиться, мать вашу! Рассредоточиться!

Мужчины, бледные и дрожащие, как дети, рассыпались цепью, когда зверь задвигался.

Завоняло дерьмом, и Боус понял, что кто-то наложил в штаны от страха.

Помощник не винил их.

Он внимательно наблюдал за существом.

Оно источало тошнотворную едкую вонь.

Зверь был высоким с развитой мускулатурой.

Его огромная голова покачивалась из стороны в сторону, а на губах замёрзла кровь жертвы.

Какая-то храбрая женщина проскользнула за его спиной внутрь похоронного бюро.

И тотчас выбежала на улицу, упала на землю, и её вырвало.

— Вайнона! — задыхаясь, произнесла она. — Оно добралось до Вайноны... Она... Она везде...

Боус жестом приказал увести её в дом.

Какой-то мужчина, скорее всего, её муж, тотчас повиновался.

— Застрелим ублюдка! — заорал кто-то.

— Целься! — приказал Боус, понимая, что если он не позволит им стрелять, то они либо сделают это без приказа и вразнобой, либо просто-напросто сбегут. — Тише, тише... Цельтесь...

Безликий не обращал внимания на происходящее.

Он помнил давние времена, забытые дни, когда люди с тёмной кожей точно так же собирались вокруг него и ждали, когда божество благословит их, разорвав когтями и зубами.

— Огонь! — закричал Боус.

Чудовище взревело.

Первый залп ударил зверя, он пошатнулся; кровь сочилась из дюжины дыр в груди.

Боль была сильной.

Он был привычным к боли, но эти белые, даровавшие ему боль без уважения к церемониям и без жертвоприношения, разозлили его.

Они должны были стать его избранными детьми.

Это было непростительно.

В душе он был истинным зверем, ночным охотником, пожирателем плоти, костей и младенцев. Но он — убийца — обладал ещё и разумом и любил обряды, ритуалы и языческие пышные церемонии.

И он сделал то, что говорили ему инстинкты.

Он оплатит.

Следующий залп заставил его свалиться на колени. Агония была непередаваемой.

Он знал, что это было ошибкой.

Его вид сложно было убить, но давным-давно они должны были вымереть. И всё же, именно благодаря его упрямой живучести, его раса жила ещё миллионы лет после должной даты гибели.

Безликий испугался, что белые, которых он недооценил, окружают его и настигают пулями так, что даже ему придётся уступить смерти.

Нет, он не позволит этому случиться!

Он будет лежать неподвижно, притворится мёртвым, пока они не приблизятся.

Давний способ.

Тысячи лет назад, когда его раса вымирала, а люди с тёмной кожей впервые пришли на их территорию, они начали вести войну с Владыками Верхнего Леса.

Владыки выжили, только убив сотни темнокожих чужаков, обыграв их в борьбе за господство и поработив пришлых.

Но сперва им пришлось разработать стратегию, как обмануть людей и справиться с их превосходящей численностью.

Сейчас Безликий планировал сделать то же самое.

А эти белые... О, они станут лёгкой добычей!

Они направляются напрямик в пасть смерти.

С годами чудовище становилось лишь мудрее, и число его жертв подтверждало это.

Нескончаемые века охоты и выслеживания многому его научили.

— Парни! — крикнул Боус. — Отойдите от него!

Пятеро мужчин ходили вокруг чудовища и тыкали в него ружьями.

— Да оно уже никому ничего не сделает, — ответил один из стрелков.

— И вправду, помощник, оно...

Чудовище вскочило на ноги.

Двоим оно вспорол животы, а третьему и четвёртому разорвало глотки.

Воздух наполнился кровью, вылетевшими внутренностями и криками агонии. Безликий схватил пятого мужчину и забросил его винтовку на крышу дома.

Древняя стратегия. Прекрасная стратегия.

Он держал пятого мужчину перед собой, как щит, зная, что эти людишки со своей безудержной сентиментальностью не станут стрелять. Так и случилось.

— Не стрелять! — приказал Боус.

Теперь в его отряде осталось всего трое.

Остальные жители отбежали подальше от голодного зверя и хорошо спрятались.

«Я же говорил им не подходить так близко. Господи, я же просил их...»

Отряд был убит.

Четверо мужчин лежали на земле со вспоротыми животами, и их кишки разлетелись по всей улице.

Оставшихся в живых тошнило.

Монстр снова направился к дверям похоронного бюро.

Он скользнул внутрь, затаскивая с собой и пятого мужчину.

— Это мой брат! — закричал кто-то. — Господи, он забрал с собой моего брата!

Но это длилось недолго.

Когда оставшиеся стрелки и несколько любопытных граждан потихоньку направились к бюро Спенс, раздался грохот и взрыв, и в людей полетели осколки стекла.

А вместе с ними вылетело и сломанное тело пятого мужчины.

Боус склонился над ним.

— Мёртв, — пробормотал он.

Шея мужчины была сломана, причём, скорее всего, ещё до того, как его швырнули в окно.

У монстра не было времени калечить мужчину, но он всё же убил его ради того, чтобы себя показать.

— Вперёд, — махнул Боус рукой.

С тремя мужчинами, прикрывающими его спину, он ворвался внутрь похоронного бюро.

19

Пэрри приехал одним из последних.

Он сделал для раненых всё, что мог, хотя над многими уже можно было читать молитвы.

Когда он приехал, большинство были уже мертвы.

Его мозг смертельно устал и был разодран в мелкие клочья всеми этими убийствами, трупами и кровью. Доктор вошёл внутрь бюро Спенс и осмотрел побоище.

Если бы через дом пронёсся ураган, он и то выглядел бы целее.

Шкафчики разломаны, химикаты разлиты.

Баки опрокинуты.

От стен остались лишь развалины после прошедшего сквозь них чудовища.

И вперемешку с этим мусором были разбросаны останки Вайноны Спенс.

Господи...

Пэрри вспомнил о Мэрион наверху.

Сжав зубы и держась рукой за поясицу, он двинулся по лестнице.

Он поднимался по скрипящим узким ступеням в квартиру на втором этаже, пропахшую ладаном и древесным дымом.

Но всё это перебивал тошнотворный, насыщенный запах сирени, словно Вайнона регулярно и обильно разбрызгивала в помещении духи.

Мэрион он нашёл быстро.

Ему потребовался один лишь взгляд, чтобы понять, что она мертва уже долгие-долгие годы.

Её кожа была грубой, шелушащейся и серой, как цемент.

Губы почернели и сморщились.

Глаза запали и превратились в тёмные, голодные ямы.

Пальцы превратились в обтянутые кожей палочки.

Вайнона забальзамировала её, превратила свою любимую в мумию, за которой смогла долгие годы ухаживать.

Пэрри, рыдая, спустился вниз.

— Вайнона, девочка, — бормотал он. — Боже мой, что же с тобой случилось?

Местные, как пиявки, присосутся к этим новостям и будут только рады посплетничать.

Отец Вайноны был хорошим человеком, и Пэрри знал, что глубоко в душе Вайнона тоже была хорошей.

Да, у неё в комнате лежит тело.
Но она же никому не причинила вреда.
Не оклеветала ни единой души.
Пэрри поджёт масляную лампу и подождет, пока она разгорится.
А затем швырнул её о стену.
Пламя охватило комнату, а затем и весь дом.
Отлично.
Волчья Бухта давно нуждалась в очистительном пламени.

20

После этого Пэрри отправился к Клауссену.
С этим человеком происходило что-то опасное.
У Пэрри с собой был шприц с морфином.

И на этот раз доктор нёс его не для себя (он и так уже вколол себе дозу и сейчас плавал в море экстаза), а для сумасшедшего, бывшего некогда преподобным.

Сумасшедшего, который теперь считает себя языческим жрецом нового — хотя нет, старого — нечестивого культа.

Голова Пэрри была как в тумане, но у него был долг, и он его выполнит.

Из города доносились крики и выстрелы.

Он не стал обращать на них внимания и поднялся по ступеням.

Внутри Пэрри остановился.

В воздухе стоял неприятный запах.

И этот запах словно говорил доктору бежать отсюда, пока у него хватит дыхания.

— Клауссен? — позвал он. — Вы здесь?

— Чудовище, — произнёс из темноты голос. — Чудовище.

Пэрри пошёл на голос и нашёл ссутулившегося на скамье преподобного.

Он был бледен, лицо покрывали бисеринки пота.

И выглядел ужасно.

— Клауссен, вы в порядке?

Преподобный улыбнулся. Из угла рта стекала слюна.

— Он вернулся. Я знал, что он вернётся.

В церкви было темно; лишь несколько лучей солнца проходили внутрь через витражи.

Плотные, густые пылинки танцевали в полосках света.

Пэрри огляделся, но ничего не увидел и не услышал, и тяжело сглотнул.

Его беспокоил запах гнили, от которого внутренности выворачивало наизнанку.

— Думаю, вам стоит пойти со мной, — спокойно произнёс Пэрри.

— Куда?

— Ко мне домой. Я о вас позабочусь.

Клауссен пронзительно захохотал.

— Уйти? — воскликнул он. — Уйти? Это моя церковь! Храм Бога! Я не уйду отсюда...

Видите, Божество прибыло, оно здесь...

Пэрри слегка нахмурился.

— Да, конечно. Духовно он здесь...

— Не он! Не этот! Не лживый пастырь, которому я молился всю свою жизнь и которому отдал душу!

Клауссена начало колотить, глаза безумно вращались.

— Он пришёл! Владыка Верхнего Леса! Чудовище!

— Хватит, Клауссен! Идёмте со мной.

— Нет!

— Вы не можете поклоняться безмозглому зверю.

Клауссен рассмеялся.

— Святотатство! Не говорите такого... Если он вас услышит...

— Не услышит.

Запах становился всё сильнее, всё насыщеннее, всё отвратительнее.

— Не услышит? — в замешательстве переспросил Клауссен.

— Конечно, нет. Он простой зверь.

— Еретик! — закричал Клауссен, вскакивая на ноги. — Он здесь! Он сейчас здесь! Он пришёл, и я принёс ему жертву.

Чтобы это доказать, Клауссен вытащил из кармана руку... Только вот руки там почти не было.

Лишь обрубок, обмотанный пропитавшейся алой кровью тканью.

Мужчина истекал кровью. До смерти.

Медленно... Но неотвратимо.

— Господи, Клауссен, как...

— Не произносите здесь это имя!

Пэрри понял, что теперь он точно должен сделать Клауссену инъекцию.

Если ему не ввести морфий, его невозможно будет вытащить отсюда.

Оставалась лишь одна проблема: как заставить сумасшедшего сидеть смирно хоть пару секунд, пока он будет вводить подкожно препарат?

Несмотря на безболезненное состояние, которое даровал Пэрри морфий, ему было нехорошо.

Спину скрутило, и она сейчас еле-еле могла выдержать даже вес собственного организма.

Не могло быть и речи, чтобы справиться с другим человеком и обездвижить его.

Да и годы брали своё.

Доктор больше видел положительных сторон седьмого десятка жизни.

Клауссен направился к алтарю, прихрамывая.

Пэрри двинулся следом.

— Кошунство, — прошептал доктор.

Клауссен усмехнулся.

— Этот алтарь нужно перестроить, вложив в него больший смысл.

Алтарь был разбит и расколот.

Доски были раздроблены, статуи отца небесного разбиты на осколки, а из священных книг выдраны страницы.

Ткань на алтаре была разорвана на мелкие полоски.

Всё было ещё хуже, чем в прошлый приход Пэрри.

— Теперь это его церковь, доктор.

Так оно и было.

Подобный непотребный храм мог оценить только жестокий демон с дикими аппетитами.

— Я закажу новые картины, — говорил Клауссен. — С его изображением. Бюсты из лучшего мрамора, полотна в мрачных тонах... Возможно, кровью...

— Где он, Клауссен?

— Я не могу вам этого сказать. Ещё рано. Но знайте, он близко...

Пэрри нахмурился.

— То, что вы делаете, Клауссен, святотатство. Отвратительно.

— Вы идиот, доктор. Теперь это его храм.

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа, возьмите себя в руки!

Клауссен грубо схватил Пэрри за руку.

— Вы не должны чтить имена ложных богов в этом святом месте!

— Вы бредите...

— Да?

— Да. Я...

Клауссен фыркнул.

— Смотрите, — произнёс он, — он стоит у дверей и стучит (строка из Откровения Иоанна Богослова, глава 3, стих 20 — прим. пер.).

Вонь стала невыносимой.

У Пэрри слова застряли в горле, а вдоль позвоночника пробежал холодок.

Краем глаза он заметил движение у себя за спиной.

Пэрри резко повернулся, и его спина взорвалась от боли.

Но он не обратил на это внимания. Перед ним стоял Владыка Верхнего Леса.

Доктор смотрел на зверя без почтения, без благоговения, лишь со страхом от подобной ошибки эволюции.

Монстр был огромен: размах плеч вдвое больше человеческого, гигантская голова...

Исполин.

Его серая кожа была испачкана запёкшейся кровью, а глаза... Боже милосердный, эти глаза... красные, из которых бежали прозрачные слёзы.

Слёзы?

Да.

Мать Божья!

Зверь подошёл ближе, двигаясь медленно и грациозно, но из-за его размеров это выглядело устрашающе.

Его руки с сильно развитой мускулатурой безвольно висели вдоль тела, покрытые ошмётками шерсти, а невообразимо длинные пальцы заканчивались крючковатыми когтями.

Похожими на лезвия.

Между широких бёдер гордо качнулся член.

Кожа была разодрана в клочья в сотне мест, и из ран слегка сочилась кровь.

Но Пэрри смотрел только в его глаза.

И на рот; мерзкий, отвратительный рот, открывшийся с чавкающим звуком и обнаживший сверкнувшие, как жертвенные клинки, зубы.

— Господи Иисусе, — только и смог выдавить Пэрри.

— Не Иисус, — возразил Клауссен, становясь между ними. — Владыка изгнал Иисуса из этого храма, а вслед за ним и поджавших хвост святых.

Клауссен взглянул на своего нового бога и сложил руки для благословения.

Зверь зарычал и одним взмахом окровавленного кулака отшвырнул преподобного на ряд скамей.

Пэрри вытащил револьвер.

— Посмотрим, что ты за бог.

Чудовище облизнулось.

21

Безликий стоял на алтаре, покончив со стариком и его маленьким револьверчиком.

Он не стал им перекусывать: на старческих костях слишком мало мяса, да и то жёсткое.

Нет, на протяжении веков старики служили только ради одной цели: быть убитыми ради удовольствия и развлечения Владык. Всё.

Убийство стариков стало среди Владык традицией.

Старики были первыми, кого убили Владыки, когда затеяли войну с пришедшими людьми с тёмной кожей. И всё из-за того, что темнокожие относились к своим пожилым с чрезмерным почтением.

После них шли мужчины.

А вот женщины и дети — совсем другое дело.

Безликий сел на алтарь, устав от всех переживаний и кровопролития.

Ему было больно.

Боль волнами прокатывалась по его массивному телу.

Пули.

Слишком много пуль.

Но агония — это хорошо.

В стародавние времена Владыки часто резали и бичевали себя, чтобы почувствовать боль перед битвой.

Это сделало их более сильными, более свирепыми воинами.

Но эта боль... Хоть она и делала его злее и жёстче... Она не была правильной.

Её было слишком много.

Она затуманивала разум и чувства.

Её надо было облегчить.

Когда Владыки воевали против наступающих темнокожих в те далекие, забытые времена, их враги использовали стрелы и копья.

И то, и другое приносило гораздо больше боли и страданий, чем пули, и открывали в теле огромные зияющие раны.

И как только стрелы и копья вырывались из тела, начиналось исцеление, и проходило оно быстро, как и требовала того физиология Владык.

Но иногда наконечники стрел обламывались внутри тела, и их приходилось выковыривать когтями и зубами.

Если этого не сделать, плоть начинала гнить и разлагаться, и всё заканчивалось смертью.

Безликий знал предания старых дней. Они циркулировали в его крови.

Он знал, что пули надо удалить.

Но это было непросто.

Его плоть, обычно жёсткая, как панцирь жука, сейчас была чувствительной и болезненной после всех сражений.

И всё же, это надо было сделать.

Кряхтя, последний из Владык Верхнего Леса начал выковыривать пули.

Окровавленные, искорёженные, расплющенные пули падали к его ногам.

Некоторые остались у самой поверхности ран, другие ушли глубже.

Безликий зарылся длинными костлявыми пальцами в собственный живот, нащупывая пули и отделяя их из кишок.

Он удалил пули одну за другой.

С хирургической точностью он ощупывал и исследовал тайны собственной анатомии.

Спустя некоторое время он закончил.

Он извлёк около двенадцати пуль, а внутри остались ещё четыре или пять, но Безликий решил, что они не причинят вреда.

В нём находились и другие застрявшие инородные тела — символы сражений прошлых столетий, и они не причиняли ему никакого вреда.

Безликий прилёг на алтарь отдохнуть.

Его плоть была упругой, и, спустя некоторое время, раны затянутся шрамами.

Он лежал в могиле в течение почти четырёх веков, прежде чем темнокожие выкопали его обратно.

И хотя всё это время он находился без сознания, в неясной дрёме, в нём осталась искорка жизни.

Таков был его род.

Если их не расчленишь, они не могли полностью умереть.

Всегда остаётся некая «полужизнь».

Его родичи, за исключением одного или двух, чьи могилы тщательно охранялись тайными знаниями темнокожих, все были расчленены после того, как заболели и пали.

Темнокожие видели это.

Несмотря на то, что они тысячи лет поклонялись Владыкам, в последние дни, когда Владыки начали заболевать от неизвестной инфекции, темнокожие восстали против своих господ и изрубили их на куски.

Безликий знал, что это были Тёмные века, конец его народа.

У некоторых из его родичей, не более четырёх, оказался иммунитет к этим новым инфекциям.

Но темнокожие — прирожденные предатели — восстали и напали на оставшихся Владык.

Связанные верёвками, кожаными ремнями и бечёвкой, выжившие Владыки были похоронены заживо.

На протяжении долгих столетий их могилы были тайной для всех, кроме нескольких избранных.

Безликий закрыл глаза.

Прошли те старые времена, когда детей приносили в жертву, а девственниц приводили к ним для размножения.

Привычный уклад жизни исчез.

И теперь ему, Безликому, последнему из своей расы, предстояло вернуть всё на круги

своя.

Ему снова станут поклоняться. Ему будут приносить жертвы.

Старых и слабых будут вновь выпускать в лес голых и безоружных, чтобы поохотиться забавы ради.

Все женщины будут принадлежать им.

Последний пункт был самым важным.

Его род не сможет жить, если женщины не будут оплодотворены его семенем.

И, когда белые падут ниц перед ним, это будет первым и самым главным заданием.

22

Маршал Джозеф Лонгтри смотрел, как горит Волчья Бухта.

По таинственным причинам пожар начался в похоронном бюро.

Но едва начавшись, огонь встретил на своём пути химикаты для бальзамирования.

За пару минут небольшой огонёк превратился в крупный пожар.

Не важно, пожар был развязан случайно или специально. Город уже был в огне.

Лонгтри и Лаутерс приехали всего через пару минут после бойни.

Чудовище к тому времени уже сбежало.

Но оставленные доказательства были слишком очевидными.

Чудовище ворвалось через заднюю стену морга.

Огонь распространялся быстро.

Без труда перескакивая на всё новые участки, разносимый северным ветром.

Здания в Волчьей Бухте строились недалеко друг от друга, и огонь начал перекидываться с одной крыши на другую.

Лонгтри и Лаутерс преследовали чудовище.

От отряда ничего не осталось.

Все свободные мужчины (да и женщины), включая Боуса, пытались бороться с пожаром.

Им помогали даже те шестьдесят мужчин, которых собрал Райан для уничтожения Черноногих.

По следу зверя было легко следовать, хоть он и был странный.

Надо было просто следовать за разрушениями и смертью.

Куда бы ни шёл монстр, везде были убиты люди и разрушены дома и здания. Чудовище вломилось прямо через стены в салун, убило шестерых и покалечило ещё с десятков посетителей.

Затем оно выломало дверь в хижине шахтёра и обезглавило всё его семейство.

Далее след вёл в галантерейную лавку.

Владелец лавки был переломан, как пучок тонких спичек, и затолкан в печь.

Один храбрый самоубийца попытался остановить монстра, когда тот покидал лавку.

Они нашли его ружьё, согнутое буквой V, и владельца, воткнутого головой вниз в снег и промороженную землю.

Были видны только его разодранные ноги.

Куда бы ни направлялись законники, везде они встречали одно и то же: зверство и жестокость.

— Он отвоёвывает свои земли, — прокомментировал Лонгтри, когда они прошли через

проломленную стену танцевального зала.

Лаутерс изучал растоптанную мебель и разбитые светильники.

— Свои земли?

— Да, — кивнул Лонгтри. — Когда-то таких, как он, было много. Они правили этими землями, а Черноногие и другие племена им поклонялись. А сейчас он вернулся и собирается отобрать свои владения.

Лаутерс посмотрел на маршала, как на безумца.

— Это монстр.

— Но он обладает разумом.

— Ты его, кажется, переоцениваешь. Может, он и может немного думать, но он всё ещё остаётся монстром.

С этим невозможно было спорить.

Лонгтри мучил вопрос: чудовище убегает от преследователей или просто прячется в одной из разрушенных построек, чтобы убить очередную жертву.

И не забыл ли он, опьянённый резнёй, почему его призвали из могилы?

Помнит ли монстр, зачем он здесь?

С этим существом всё было возможно. Абсолютно всё.

— Я так понимаю, — произнёс Лаутерс, выискивая среди обломков трупы, — что ты говорил с Бешеным Хвостом и его шайкой.

— Говорил.

— И ты веришь сказкам, которые он поведал? — скептически поинтересовался Лаутерс.

Лонгтри вздохнул, понимая, что этот человек ему по-прежнему не нравится.

А что в этом неправильного?

Лаутерс был насильником, душегубом, линчевателем, похитителем скота и даже готов был стать наёмником. И всё это — разгуливая под маской законника.

— Если у тебя, шериф, есть другое объяснение происхождения монстра, то я весь во внимании, — терпеливо произнёс Лонгтри. — Он же откуда-то взялся.

Лаутерс сплюнул.

— Из ада — вот откуда!

— И, судя по всему, он несёт ад с собой, — вздохнул Лонгтри.

Они двинулись дальше. Лаутерс шёл впереди.

Теперь на следах чудовище появилась кровь. Свежая.

— Если он истекает кровью, значит, может умереть, — обрадовался Лаутерс.

Внезапно следы исчезли.

Единственным возможным вариантом, куда мог отправиться монстр, было расположенное перед ними здание.

Церковь.

Мужчины обошли церковь. Следов, идущих дальше, не нашли.

— Он там, — ликовал Лаутерс. — Мы поймали этого сукина сына!

— Нам нужна помощь.

— Оставайся здесь, — приказал Лаутерс. — Я приведу людей.

Лонгтри смотрел вслед резво пробирающемуся через сугробы Лаутерсу.

Маршал изучил церковь.

Почему монстр пришёл сюда?

Было ли это по той просто причине, что ему нужно убежище, где он сможет залечить раны?

Или было что-то ещё?

Узнал ли он молельный дом, едва его завидел?

Возможно, он решил с хладнокровным эгоизмом, что теперь это его храм, где перед ним — богом — будут преклонять колени?

Похоже, Клауссен говорил правду: теперь он был его жрецом.

Лонгтри ждал.

Если чудовище попробует сейчас ускользнуть, он попытается его остановить... И, несомненно, погибнет.

Делать нечего. Придётся ждать подкрепления.

Он раздумывал над идеей запросить в Форте Эллис войска. Но надежда получить такую поддержку, когда она нужна, была равносильна надежде, что ребёнок добровольно откроет рот, чтобы ему выдернули зуб.

К тому же, им потребуется не меньше суток, чтобы добраться до Волчьей Бухты... А чудовище не станет столько ждать.

Поэтому маршал ждал, вдыхая запах горящего города.

Как Нерон, который играл на скрипке, пока горел подожженный Рим.

23

Доктор Пэрри был жив.

Несмотря на все зверства чудовища, он был ещё жив.

Искра, которая горела в его теле семьдесят лет, не собиралась потухать и гаснуть.

Кости были сломаны, руки вывернуты, из многочисленных ран сочилась кровь... Но он был жив! И был в сознании, чёрт побери!

Он посмотрел на демона с всепоглощающей ненавистью, которая, он был уверен, будет гореть в нём и после смерти, и когда демон станет лишь пеплом в длани господней.

24

А Лаутерс познал боли больше, чем доктор только мог себе вообразить.

Он потерял друзей. Он потерял семью. Он потерял смысл жизни.

По большей части виновен в этом был монстр, но и Лонгтри не был агнцем.

Когда с этим разбушевавшимся чудовищем будет покончено, ему придётся сказать пару слов Лонгтри.

Ему было неважно, хочет маршал его арестовать или нет.

Он и так планировал умереть: либо от руки чудовища, либо от пули Лонгтри.

Он умрёт в любом случае.

А если он убьёт и чудовище, и Лонгтри, то приставит револьвер к виску и нажмёт на спусковой крючок.

Потеряв смысл жизни, Лаутерс с радостью думал о предстоящей смерти.

Третий город был в огне.

Пламя пожирало всё на своём пути: и жилые здания, и торговые дома, и жаждало новых жертв.

* * *

Лаутерс застал Боуса в кабинете за размышлениями.

— Мне нужны люди, — сказал шериф. — Мы нашли его. Мне нужны люди, чтобы его убить.

Чёрный от сажи Боус закашлялся.

— Город горит, — сухо произнёс он. — Горит.

— Плевать мне на город, — огрызнулся Лаутерс. — Я нашёл монстра, и мы должны его убить. Собери людей.

Боус попытался найти самых крепких из оставшихся, но, по сути, выбирать теперь стало не из кого.

Он вернулся с четырьмя чёрными от копоти мужчинами.

— Только эти согласились пойти, — сказал помощник.

— Чёрт! Ладно...

Сделав последний глоток виски и поморщившись, Лаутерс раздал добровольцам оружие и патроны.

Его глаза сверкали жаждой мести.

Он вёл отряд навстречу смерти.

25

Безликий, пожиратель плоти и душ, спал на алтаре, пока воинственно настроенные жители подбирались к церкви.

Он дремал, и снились ему старые времена кровопролития и варварства.

Он был уверен, что эти дни вскоре вновь наступят.

Его самоуверенность не позволит принять меньшее.

Но затуманенные кровью лабиринты его разума отказывались принимать, что он находится в новой эпохе, и эти новые люди не поклоняются старым богам.

В эти времена людям нужны тихие боги, которые не станут вмешиваться в планы и завоевания людей.

Им нужны советники, а не активные участники.

Давным-давно прошли времена, когда люди приносили своих дочерей и сыновей в жертву первобытным монстрам.

В коллективной психологии масс это было немыслимо.

Но Безликий этого не понимал.

Его мозг был размером с мозг рептилии, который мог лишь желать, жаждать и требовать.

Если он голоден — он ел; если хотел пить — пил.

Если напрягался член — он насиловал; если угрожали его территории — убивал.

Всё просто и ясно.

Идеальный охотник, настоящий хищник.

Нет, логика и рассуждения не были чужды его разуму, но, как правило, они применялись лишь к методам охоты, убийства и получения наслаждения.

Людишки существовали лишь для того, чтобы кормить его, поить его и поклоняться ему.

И они будут это делать, потому что Безликий этого хотел. Он так решил.

Монстр лежал на алтаре под символами христианства, погружённый в свои мысли, канонизированный за свою жестокость и бессмертный в собственных аппетитах.

Он лежал в доме божьем, и живот его с каждым днём всё больше толстел от человеческого мяса.

Безликий ждал.

Христианский демон во плоти.

26

Лонгтри устал ждать.

Когда отряду оставалось всего минут пять до церкви, маршал вошёл внутрь.

С ним, как всегда, были его кольты, винчестер и охотничий нож.

В его глазах отражалась смерть, когда он вошёл в главную дверь.

Она висела на одной петле, словно еле выдержала сильнейший удар, и, судя по следам когтей на дереве, Лонгтри знал, кто этот удар нанёс.

Он зашёл внутрь, остановился, закурил и прислушался.

Он расслышал шорох. Движение. Но человеческое. Прихрамывающая походка.

Он двинулся среди скамей к стоящему впереди мужчине.

Это был Клауссен. Точнее, его избитая, кровоточащая и грязная версия.

В проходе пылал небольшой костёр, в котором горели молитвенники и обломки дерева.

— Маршал, — безжизненно произнёс Клауссен. — А я всё, гадал, когда же вы покажетесь.

Лонгтри взглянул на его руку.

Кисти не было, лишь обгоревшая культия.

— Что случилось, преподобный? — тихо спросил он.

— Я истекал кровью. Хозяин... Он взял мою руку... Это жертва, — бормотал Клауссен. — И я её прижёг.

Безумная улыбка озарила его лицо.

Ни один трезвомыслящий человек не смог бы засунуть руку в огонь, даже ради спасения собственной жизни.

Боль была бы невообразимой.

— Где оно? — спросил Лонгтри. — Где чудовище?

— Хозяин? — Клауссен внезапно робко посмотрел на маршала, и глаза его засверкали безумием. — Вы пришли служить ему? Поклоняться?

— Я пришёл его убить.

— Убирайтесь отсюда! — потребовал Клауссен.

Лонгтри окинул взглядом мрачное помещение.

— Где?

— Вы не сможете убить его, маршал, и ни один человек не сможет. Если вы пришли к

нему не с добрыми намерениями, то лучше бегите без оглядки, пока несут ноги.

Это был единственный проблеск человечности в преподобном.

— Вы нездоровы, преподобный. Лучше уходите, мне нужно закончить дело...

— Здесь у вас не может быть дел! Прочь!

Лонгтри двинулся по проходу.

Клауссен стал на его пути.

— Отойдите, преподобный, или мне придётся стрелять в вас, — предупредил Лонгтри, выбрасывая сигарету.

Клауссен бросился на него, но маршал легко уклонился.

Он ударил Клауссена прикладом винчестера в живот, а потом — по затылку.

Преподобный упал на пол и заскулил.

— Где оно? — повысил голос Лонгтри.

И тогда он услышал тихое ворчание.

Маршал поднял глаза к алтарю. Там, во мраке... было чудовище.

Лонгтри понадобилось пару секунд, чтобы рассмотреть состояние монстра, но их хватило, чтобы Клауссен снова на него напал.

Ледяными пальцами оставшейся руки преподобный пытался задушить Лонгтри, а культёй бил маршала по лицу, вскрикивая от боли при каждом ударе.

Это нападение было настолько безумным, что Лонгтри от неожиданности выронил винтовку и отступил назад, прикрывая глаза.

Клауссен цеплялся за него, ударяя, царапая, лягаясь, пытаясь укусить.

Лонгтри отшвырнул его в сторону, пнул в покалеченную ногу и нанёс несколько отрывистых быстрых ударов по лицу.

Клауссен упал на колени. Старые раны на лице открылись и снова начали кровоточить.

Лонгтри поднял винтовку и направился к алтарю.

Сквозь витражи лился тусклый, призрачный свет.

Сейчас они были изуродованы извращенными рисунками.

Впереди виднелась кафедра священника. На разрушенном алтаре спал истекающий кровью монстр.

В перечень жертв зверя попал и доктор Пэрри.

Он был распят на большом деревянном кресте, и обломки разрушенного деревянного алтаря были вбиты в его ладони и стопы.

Он висел над зверем — постаревшая и избитая версия Христа — и реки крови текли от него на алтарь.

Лонгтри взглянул на чудовище.

Может, он уже мёртв?

Одно короткое мгновение он надеялся на это.

Мёртв или умирает.

Но маршал понимал, что это невозможно.

В голове сменялись картинки обезображенных лиц его жертв, погибших детей.

А он уже навестил поселение Черноногих?

Смеющаяся Луна и её народ уже мертвы?

Нет, сейчас не время над этим размышлять!

Зверь растянулся на алтаре.

Окровавленная, мерзкая туша.

Выпирающая мускулатура. Торчащие кости.

Широкие плечи. Гигантская голова.

Чёрная дыра рта открыта, к нижней губе прилип тёмный, заострённый язык.

Широко распахнутые глаза смотрели вперёд — у чудовища не было настоящих век.

Истинный ужас.

Лонгтри подумал, что чудовище, должно быть, состоит из многих частей.

Кусочки шерсти, как у мамонта.

Грубая, колючая кожа, как у ящерицы.

Покрытое панцирными чешуйками туловище насекомого.

Крючковатые, пожелтевшие когти хищной птицы.

Скелетообразный хвост динозавра с шипами.

Да, обликом он напоминал человека, но лишь смутно, частично.

Ублюдок! Извращённое создание природы!

Лонгтри прицелился ему в голову.

От дверей донёсся шум и суматоха.

К Лонгтри неслись Лаутерс, Боус и ещё несколько человек, отпихнув Клауссена в сторону.

— Лонгтри! — заорал Лаутерс.

Зверь зашевелился.

«Господи, — подумал Лонгтри, — так близко, так близко...»

Мужчины подбежали к алтарю, громко обсуждая, как Лонгтри сумел убить чудовище.

Лонгтри сделал три шага назад.

— Он жив, — пробормотал он.

Так и было.

Сначала раздражённо открылось одно плёчатое веко, затем другое.

Щелевидные зрачки плескались в ярко-красном море.

На свету они расширились.

Челюсть отвисла ещё ниже, губы поджались и обнажили чёрные, отёкшие дёсны и торчащие вперёд, как стрелы из колчана, зубы.

Чудовище проснулось.

Оно выпрямилось напротив Лонгтри. По меньшей мере, два с половиной метра ростом.

«Анатомия идеального убийцы», — подумал Лонгтри. Его палец на спусковом крючке заметно дрожал.

Чудовище напоминало древнего рыцаря, готового к бою.

Живой скелет с небольшой наращенной плотью.

Прямо над плечевыми суставами находились выступающие защитные пластины.

Бёдра тоже были прикрыты подобным панцирем.

Туловище покрыто рифлёными чешуйками, под которыми поблёскивала маслянисто-чёрная кожа, покрытая теперь многочисленными рваными ранами и порезами.

Шеи не было; голова плотно сидела на покатых плечах, челюсть выдавалась вперёд, а широкие ноздри трепетали при каждом вдохе и выдохе.

Казалось, плоти еле хватало, чтобы прикрывать выступающие костные структуры гигантского черепа.

Кожа была истончена и кое-где стянута шрамами.

Серебристо-серые пучки меха торчали повсюду, как трава в трещинах на скале.

Существо, созданное для убийства и способное противостоять любой брошенной на него мощи.

Идеальный хищник.

Созданный для выживания в жестоком мире, состоящем наполовину из людей, а наполовину — из монстров. В мире, который больше не существует.

Чудовище сделало шаг вперёд.

Один из мужчин — тот, что потерял недавно своего брата, — бросился вперёд с боевым кличем.

От успел ударить монстра ножом в живот, прежде чем тот дотянулся до мужчины.

На глазах беспомощного, съёжившегося отряда зверь разорвал человека пополам, и его внутренности украсили алтарь.

Они не могли ничего сделать. Просто смотрели.

Тело упало.

Чудовище проломило голову трупа костлявой пяткой и помочилось на останки.

Лонгтри и остальные бросились назад и открыли стрельбу.

* * *

Безликий чувствовал, как пули пробивают его кожу. Снова.

Он зарычал, не сдвигаясь с места.

Он обманулся, подумав, что эти бледнокожие решили принести ему в жертву самих себя.

Но это было не так; они отказывались подчиняться древним законам.

Значит, придётся ему, Безликому, великому наставнику древних кровавых традиций, преподать им урок!

* * *

Лонгтри смотрел, как чудовище двигалось.

В туловище зверя угодило не менее десятка пуль, и вот он вскочил, как рассерженный ребенок, его длинный хвост крутнулся из стороны в сторону.

Он просвистел мимо Лаутерса и схватил первого попавшегося человека.

С мерзким чавкающим и перемалывающим звуком он оторвал у первой жертвы ноги, отшвыривая их в одну сторону, а тело — в другую.

Мужчина закричал, упал на пол, из оторванных конечностей хлестала кровь.

Просвистело ещё пару пуль. Лонгтри бросился к небольшому костерку, который разжёл Клауссен и вытащил оттуда пылающую ножку стула.

Когда монстр повернулся к нему, маршал подскочил, сунул факел ему в лицо и отбежал прежде, чем его успели прихлопнуть, как муху.

Левый глаз и большая часть плоти вокруг него сгорела и почернела.

Зверь взревел, бездумно бросаясь во все стороны и размахивая когтями, пытаясь зацепить любого живого.

Боус подбежал к чудовищу сзади и разрядил ему в спину дробовик.

Монстр повернулся к напавшему, и Лаутерс с парнями выстрелили в него из револьверов.

Зверь взвыл от ярости, колотя по стропилам над головой и сбивая с них пыль.

Из его развороченной выстрелами спины торчали оголённые позвонки.

— Глаз! — закричал Лонгтри. — Стреляйте в оставшийся глаз!

Парни попытались последовать его совету.

Лонгтри обернулся и увидел приближавшихся Смеющуюся Луну и Герберта Бешеного Хвоста.

Старик был одет в лучшие одежды.

Рубашка из тонкой кожи антилопы, штаны из той же ткани.

Всё украшено цветными бусинами, перьями и крашеными иглами дикобраза.

На старике была маска черепа, в руке он держал шаманский посох, украшенный подвесками из шерсти волка и ласки, а венчала посох лапа волка с выпущенными когтями.

Он прошёл мимо Лонгтри и остальных и остановился перед чудовищем.

Увидев его, Безликий замер на месте.

Бешеный Хвост достал из шаманской сумки стебельки трав, несколько шепоток цветного порошка, талисман из перьев птиц и бросил в монстра.

А затем начал петь, обходя зверя и рисуя порошком вокруг него круг на полу.

— Что этот безумный краснокожий творит? — влез Лаутерс.

Никто не ответил.

Чудовище не двигалось, но сложно было сказать, что его сдерживало: магия или любопытство.

— Он убил всех в поселении, — резко произнесла Луна. — Лишь несколько человек смогли сбежать...

— Что вытворяет твой папаша? — спросил Лаутерс.

— Связывает его.

— И это сработает?

Она качнула головой.

— Нет, но он чувствует ответственность. Он вместе с другими призвал его в этот мир. Монстр не должен больше увидеть солнечный свет.

Внезапно чудовище устало от церемоний.

Он схватил пастью голову индейца, перемалывая зубами старческие кости.

Тело Бешеного Хвоста упало к ногам чудовища.

Смеющаяся Луна закричала.

Лаутерс вышел вперёд и выстрелил в монстра из винтовки.

— Нет! Больше ты никого не убьёшь, мать твою! Это закончится здесь и сейчас!

Зверь схватил Лаутерса за голову и поднял в воздух, медленно сминая череп, как пластилин.

Лонгтри бросился к костру за ещё одним импровизированным факелом и увидел спасение: под одной из скамей валялась канистра с керосином.

Чудовище заметило его, но Лонгтри успел открутить крышку и вылить содержимое на зверя.

Безликий проигнорировал это и отшвырнул маршала в сторону. Тот пролетел через полпомещения и врезался в стену.

А зверь при этом наступил на костёр.

За то время, что потребовалось монстру, чтобы почувствовать раскалённые угольки под пяткой, пламя охватило его ногу и начало подниматься вверх.

Он кружился и топал, пытаясь сбросить с себя огонь.

Но ничего не выходило.

Безликий никогда не ощущал такой боли.

Он и его раса никогда не использовали огонь; это была игрушка мелких людишек.

Поджаренное мясо было отвратительным на вкус.

В стародавние времена, когда от одного удара молнии сгорел дотла лес, Владыки мигрировали дальше, в безопасные края.

Огонь уничтожает.

Огонь причиняет боль.

Огонь пожирает.

Он хлопал по себе руками, упал на пол и катался по нему, катался...

Не помогало.

Огонь съедал его плоть, выжигал его сущность и испепелял его волю.

Когда все волосы исчезли с его кожи, пламя угасло.

Он тяжело поднялся на ноги: опаленный, почерневший от гари, слепой, с изуродованным лицом.

— А теперь, — скомандовал Лонгтри оставшемуся отряду, — убьём его!

Держась подальше от когтистых рук чудовища, они начали стрелять.

Перезаряжали, когда обоймы пустели.

Наконец, демон упал на колени.

Его зажаренная плоть зияла десятками дыр, и из неё выпирали искромсанные, кровоточащие внутренние органы.

К ним тащился Клауссен.

С топором.

Одним полным ярости взмахом он похоронил лезвие топора в позвоночнике монстра.

Чудовище упало лицо вниз, содрогаясь в конвульсиях и хрипло стеная.

Он был побеждён, и все это понимали.

— Разрубите на куски, — скомандовала Смеющаяся Луна. — Он умрёт только будучи расчленённым.

Боус, Лонгтри, Луна и ещё двое выживших из отряда направились к монстру, который был некогда богом, чтобы со всем покончить.

Каждый из них брался за топор и рубил зверя, пока Клауссен сидел и смотрел на своё павшее божество.

Шкура монстра была слишком крепкой, но мужчины и женщина работали почти со сверхчеловеческим усердием.

Вскоре они отделили туловище.

Отрубили руки и ноги от покрытого панцирем тела.

Лонгтри собственноручно раскроил чудовищу голову и пнул её к алтарю.

К его изумлению, челюсти по-прежнему клацали, а ноги всё ещё подёргивались.

Ещё несколько ударов — и кости черепа лопнули, а мозг вывалился к ногам маршала.

— Это не бог, — пробормотал Клауссен. — Спаси меня, Иисусе.

Лонгтри смотрел на останки Безликого. Смеющаяся Луна подошла и встала рядом.

Огромная разделанная туша, истекающая чёрной кровью и жёлтой желчью.

От внутренностей чудовища шёл отвратительный запах.

Алтарь был завален ошмётками плоти и залит кровью. Его надо было уничтожить.

Но Безликий был мёртв.

27

Два дня спустя со всем было покончено.

Пожар удалось локализовать в тот же день, когда умер зверь.

Сильный снегопад заглушил пламя.

Половина города была разрушена.

Выжившие быстро начали восстанавливать Волчью Бухту.

Преподобный Клауссен скончался от полученных травм в тот же вечер и был погребён по христианским обычаям вместе с Пэрри, Лаутерсом и другими членами отряда.

Герберт Бешеный Хвост был похоронен на кладбище Черноногих.

На погребении присутствовали лишь Лонгтри, Луна и ещё несколько выживших индейцев.

Останки зверя были сложены в мешки, наглухо завязаны, и похоронены в другой части кладбища в той же могиле, где они были первоначально погребены много столетий назад.

Церковь была сожжена дотла.

— Не знаю, что со всем этим делать, — признался Боус, когда они сидели с Лонгтри в здании тюрьмы и пили кофе. — Как мне это объяснить?

— А что объяснять? Чудовище мертво.

— Но все эти убийства...

— Люди знают, что произошло. Оставь. Через год всё забудется.

Боус посмотрел Лонгтри в глаза.

— Вы действительно в это верите?

Лонгтри промолчал.

Он поднялся, надел плащ и перчатки.

— Думаю, здесь я со всем закончил, — произнёс он.

— Спасибо за... помощь, — ответил Боус.

Лонгтри кивнул, вышел на морозный воздух и прислушался к звукам пил и молотков. Город приходил в себя.

Он знал, что люди о таком не забудут, но вряд ли они станут часто об этом говорить.

А со временем всё вообще превратится в страшную легенду.

Пересказанную сказку.

Миф.

Страшилкой, которой пугают детей в грозовую ночь.

И не больше.

Коллективная память — странная штука: как только дни, полные невообразимого и сверхъестественного, сменяться спокойным течением жизни, все ужасы будут вытеснены на закоулки памяти и станут проявляться лишь в ночных кошмарах.

Лонгтри выехал из города, надеясь, что ему больше никогда не придётся сюда возвращаться.

Он отправится в форт Эллис и доложит о случившемся.

Тому Риверсу не понравится подобная правда. Но правда есть правда.

А по пути туда он встретится со Смеющейся Луной.

Он знал, что произошедшие ужасы соединили их.

Части них самих оказались связаны.

Он и представить теперь не мог, как останется без неё.

Маршал закурил сигарету.

Подул сильный ветер.

Джозеф Лонгтри покидал Волчью Бухту.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Новая Англия — регион на северо-востоке США, включающий в себя следующие штаты: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд, Вермонт.